

ПРАДРОЖНИК

Выпуск 3

ПОДРОЖНИК

**Краеведческий альманах
Выпуск 3**

**Редактор-составитель
Валерий Белобородов**

**Мандр и Ка
Тюмень
2005**

ББК 26.89

П 44

П 44 ПОДОРОЖНИК: Краеведческий сборник. Вып. 3 / Ред.-сост. В.К. Белобородов. — Тюмень: Мандр и К^а, 2005. — 192 с.

Большая часть очередного выпуска краеведческого сборника посвящена 410-летию города Березова. Среди материалов немало малоизвестных фактов из истории старого города.

© Белобородов В.К. (автор идеи), 2002.

© Белобородов В.К. (составление), 2003.

© Дыба-сын В.В. (обложка), 2005.

© Государственная библиотека Югры (издание), 2005.

© Мандр и К^а (оформление), 2005.

ISBN 5-93020-330-X

I. К 410-летию города Березова (Малоизвестные факты и персонажи истории)

Более половины XIX столетия Березов был административным центром территории, вмещавшей в себя весь нынешний Ямало-Ненецкий автономный округ и почти весь Ханты-Мансийский, за вычетом Кондинского и южной части Ханты-Мансийского районов.

Тобольской губернии город Березов

Местные этнографические описания¹

І. Наружность

[Л. 1] Наружность здешних обитателей не имеет особых отличительных черт. Тип русский. Части тела соответствуют организму. Преобладающий цвет волос — темно-русый. Цвет глаз не одинаков, а преобладающий — темно-серый. Рост общий почти всем — средний. Дородность тела очень редка. Местных болезней, изнуряющих человека, нет. Правда, говорят, что господствующая здесь болезнь — цынготная, от которой врачуются едением сырой и мерзлой рыбы и курением простого табака. Но, проживши в Березове около пяти лет, я не видал ни одного больного, одержимого этою болезнью. Болезни, которые здесь существуют, почти общи всем климатам: горячки, оспа, лихорадки, глисты, зубная боль, а обыкновенное их — простуда вследствие холодного сырого климата. Крепость и сила телесные здешних обитателей — свойственные человеку. Здешний народ мало предприимчив и расторопен², но безбоязнен на воде во время бурь. Любимые его занятия — звериная, рыбная и птичья ловля. Одно лишь бросается в глаза наблюдателю — это несвежесть лиц здешних обитателей. Даже девицы в период своего расцветания не имеют видного румянца на ланитах своих. Причина этого, кажется, не столько в климате, сколько в пище, которая большею частию рыбная.

Особое племя, окружающее нас, — остяки. Это племя дикое, грубое, боязливое, без понятий об изящном, скудное смыслом, бедное и склонное к винопитию. Жизнь его течет среди уединенных

¹ В рукописи, кроме авторского названия, подписано другим почерком: «Этнографические сведения о жителях г. Березова».

² Обобщенная характеристика жителей г. Березова могла быть и совершенно противоположной тверитинской. Так, немецкий доктор Эрман на рубеже 1820—1830-х гг. находил в березовцах «деятельную оборотливость и истинное наслаждение жизнью». [Эрман 1834:224].

дремучих лесов, на вечных болотах, в дымной и грязной юрте. Занятия [Л. 2] его ограничиваются лишь рыбною, звериною и птичьею ловлею. Это единственный источник содержать себя с семьею. Лакомства его: сырая и мерзлая рыба, конское мясо, вареная белка, горносталь³, олень и кровь его, а высшая степень удовольствий — сильное опьянение. Тогда душа его горит огнем неведомым, кривляния и жесты бесконечны. Сидя у чулана⁴ своего, в котором горят дрова вертикально, растрепав волосы, он монотонно поет о деревьях, собаках, оленях и пр.

Лицо его всегда бледно, искривлено, обмарано грязью. Глаза более узки, подслеповаты, вследствие постоянного действия дыма; бороды не бывает, которую они выдергивают; волосы на голове длинные, всегда в беспорядке, никогда не стригутся, а чаще заплетаются в косы, обвиваемые шнуром, к которым у женщин привязывается много бисера, медных и оловянных колец и других побрякушек. Жены их, от того ли, что редко бывают на открытом воздухе, или более погружены в нечистоту жилища, почти всегда бывают слепы, и многие без носов, особенно старухи. Единственная одежда их — приготовляемая из оленьих шкур: гусь, малица и пимы, — и та всегда изорвана, измарана, ибо не имеют возможности переменять оную. Дети их редко моют лица и ходят полубнаженные, даже во время зимы, играя с собаками.

Впрочем, это племя доброе, доверчивое. Обманы лишь случаются там, куда выезжают по делам торговые русские промышленники.

Самоеды, живущие за Обдорском, — народ белый, <свежий> и круглый лицом, зажиточный, плотно сложен и опрятен.

II. Язык

[& 1] Язык простонародия и здесь, как и везде, отступает от общеупотребительного. Сколько можно было заметить, он любит изменять одне гласные и согласные на соответствующие им, напр., Б на П: карапъ вм. [вместо — О.Н.] корабль, хлеп — хлеб, арап — араб, пролупь — прорубь; Г на К: снек вм. снег, порок — порог, долк — долг, струк — струг, <нрзб.>, пирок — пирог; Д на Т:

³ Горносталь — обычная для Тобольского Севера форма произнесения слова «горноста́й».

⁴ Имеется в виду «чувал» — очаг в юрте обских угров.

сельть вм. сельдь, поть — подь, поди, парат — парад, нарот — народ, отнють — отнюдь, лотка — лодка; Л на Р: секлетарь — вм. секретарь, секлет — секрет; К на Х: хрестоватик — крестоватик⁵, хрест — крест; Г на Х: Бох — вм. Бог, долх — долг, сних — снег; У на Ъ: нету — нет; И на Ї: Давыд — Давид; Е на А: часы — часы; Ч на Ш: пошто — почто; «ять» на И: ись, исть — есть; Я на «ять»: месяц — месяц, заец — заяц, езык — язык; Ю на Е: сертук — сюртук; ЛН на Н: сонце — солндце⁶; Н с примесью Д: ндравный — нравный; Н и В: ентот — евтот — этот. Куды, ковды, когды — когда; туды — туда.

& 2. Приехамши до <сих> мест на двых лошадах⁷.

& 3. Много народу, много дыму, много простого табаку.

& 4. Притча — случай, редкое обстоятельство. Благодать — обилие, довольство. Дивно, дивненько — много, многонько. Чудо — хорошо, приятно. Пользовать — <дарить?>.

& 5. Клич кликать — сзывать народ. Ономеднясь, ономедни — давно, спустя долгое время. Давеча — недавно, сего дня. Спohватиться — вспомнить. Изморозь — чувствительный холод с туманом. Эдакой — таковой. Экой — такой. Растакать — отсоветовать, отговорить. <Раскышкать?> — с трудом от сна разбудить. Баять — говорить. Наклепать — оклеветать. Смекать — наблюдать. Не по нутру — не по сердцу. Нешипко⁸ — очень легко, не больно. Ежа — пища.

Выть — чувство сытости и глада. Выть — плакать.

Небось — выражающие гордость, самонадеянность. *Небось промаху не дам*, т.е.: *Не думай — не обстрелюсь*.

Промахнуться — обстрелиться, не попасть в цель.

Охать — печалиться, горевать.

Ахать — удивляться.

Рюха, харя, образина — дурное лицо.

<Милятка> — широкое, круглое лицо.

Годява, матера — значительная по величине вещь.

[Л. 4] Морочить — обманывать зрение.

⁵ Крестоватик — название песца в определенный период, когда расцветка его спины напоминает крест.

⁶ В. Тверитин пишет именно «солндце».

⁷ Над строкой написано: «экая втора».

⁸ Т.е. «нешипко». Ср. с диалектом с. Самарова: «шибко, сильно» [Лопарев 1997:232].

Морочить — собираются облака, тучи.
Ошеломить — лишить чувств.
После венца — после брака.
Охабень — ленивый, неповоротливый.
Спасибо — благодарю.
Убираться — приводить в порядок домашние вещи, а также уход за скотом.

Стираться — мыть белье.
Стелиться — готовить для сна постель.
Диковина, диковинка — редкий случай.
Одрань, лежень — сонливый.
Куть — спальня.
Убираться — уходить.
Резон — доказательство.
Урезонить — убедить, уличить.
Ведро — благоприятная погода.
Наверхосытку — последнее кушанье и сладкое.
Затрещина, оплеуха — удар рукою по щеке.
Доканать — унижить совершенно.
Казна — деньги, иногда высшее начальство.
Казенка — кладовая.
Кутька — щенок.
Кай-кыш — ([нрзб. — О.Н.], молчи, не говори, ибо видят или слышат.

Кособрылый — косоротый.
Разорва — обжора.
Кухта — снег, покрывающий лес.
Ханоха, бражиха — настойчивая просительница.
Айда — ловко, удачно.
Лоншак — однолетний жеребенок.
Лонись — в прошедшем году.
Осенусь — осенью.
Веснусь — весной.
Летось — летом.
Лихоматом — с напряженным, испуганным криком.
Задорной — забияка.
Сивуха — хмельное вино.
Не уноровить — не угодить.

Норов — нрав, характер.

Словно, ровно — подобно.

Ошалабанить — лишить чувств посред. [посредством — О.Н.] вина.

Огреть — обокрасть.

Пихтуй — вялый, несмышленный.

Отдубасить — наказывать лозами.

Одуреть — помешаться в уме.

В шалабан попасть — охмелеть.

Черная немочь — оспа.

Сучить — переносить вести из одного дома в другой.

Фукнуть — похитить.

Опорожняться — отработаться, быть свободным.

[Л. 5] Артачиться, ереститься — браниться, сердиться.

Втихомолку — по секрету.

Пострелило тебя, расстрелило тебя, пострел тебя возьми (брань, но несерьезная).

Посчипало тебя, расчикало тебя (полковая брань).

Такую втору — очень сильно.

Азарт — самозабвение.

Хорохониться — упрячиться.

Балагурить — веселить рассказами.

Каверза, каверзный — коварный человек.

Аказия [оказия — О.Н.] — случай, редкое обстоятельство.

Конфуз — посрамление, стыд.

III. Домашний быт

[1]. Березов как город имеет внешнюю форму довольно правильную. Он выстроен из дерева, каменных строений в нем нет, кроме двух церквей. Березов — город устарелый. Немного в нем хороших домов, расположенных в порядке, с удобством. Большая часть жилых строений ветхая, беспорядочная, без удобства. Лучшие дома имеют крыльцо, или вход, прихожую, зало, гостиную, кабинет, детскую, спальную. Прочие дома имеют со входа сени, довольно обширные и всегда холодные, потому что в них никогда не бывает печей. Назначение их — вместо прихожей, и тут же полагаются вещи, служащие к домашнему обиходу. По правую сторону сеней — горница, т.е. чистая, опрятная комната с перего-

родкою — кутью, а по левую — изба, или кухня. Печи обыкновенно строятся посредине избы и горницы. В кути, т.е. в спальне, отделенной от большой горницы перегородкою, все пространство между стеною и печью называется запечкою.

У достаточных хозяев дом украшается шпалерами или по оклейке бумагою и холстом выбеливается мелом, а у недостаточных пазы замазывают простою глиною и потом выбеливают сосвинскою глиною, привозимую остяками из села Сосвы и продающейся б к. сер. [копеек серебром — О.Н.] за ведро. В лучших домах [Л. 6] внутреннее убранство составляют: зеркала, кресла, стулья, столы хорошей работы и диваны, а в простых — простые стулья, лавки и скамейки, стоящие около стен. Столы обыкновенно стоят в переднем углу, т.е. в том, который первее виден со входу в дверь, а над столом — св. иконы, пред которыми висит медная лампада со свечою. Прислугу составляют: анбар, в котором хранится мука, крупа и проч., погреб — в нем мясо, рыба и все то, что легко подвергается гниению во время лета; также завозня, в которой хранятся экипажи, конская сбруя, и задние дворы (скотские). Домашнюю утварь составляют: санки, дроги, телеги (тех и других немного), пошавни, дровни, нарты, кашевы, повозки, неводники, неводнички, базьяновки (маленькие лодочки), простые лодки, корчаги, крынки (в которых держат молоко), горшки (в которых варят пищу), медянники, бочки, кади, кадки, ведра с коромыслом, чигунки⁹, сковороды и пр.

Села в здешнем округе расположены беспорядочно; нет улиц. Строения все деревянные. Скотские дворы всегда строятся отдельно от жилых строений, ибо земля не покупается. Домашняя прислуга около домов.

2. Платье. Мужское зимнее платье составляют: пимы, надеваемые на ноги вроде броден из оленьих лап, также малица и гусь. Малица шьется из оленьих шкур, называемых постелью¹⁰, потому что на них спят, шерстью внутрь, наподобие мешка, имеющего рукава с пришитыми к ним рукавицами, а на верхнем конце отверстие для прохода головы. Гусь шьется из олен<ей> же, но шер-

⁹ Очевидно, имеются в виду «чугунки» — чугунные горшки для приготовления пищи в русской печи.

¹⁰ Постель — шкура взрослого оленя; из «осенней постели» (шкура оленя, убитого после линяния) шьют одежду.

стью на внешнюю сторону, имеет также рукава, но без рукавиц, а для покрытия головы имеет треух или футляр для головы, который? объемля ее всю, не закрывает лишь лица. Гусь надевается наверх малицы. Парка — по форме тот же гусь, но сшитый из неплюев, т.е. из кожи молодых оленей, имеющий на подоле опушку — кунду из кожи белых мохнатых собак. Лабашаки¹¹, зипуны, азямы, полушубки носятся большею частью одними переселенцами и здешними жителями употребляются очень редко.

Женское зимнее платье: сапоги, башмаки, полусапожки, ичеги [ичиги — О.Н.], ботинки с чулками из шерсти <нрзб.> [Л. 7] <нрзб.>, шубы, <гречки?>, капоты, качивейки [кацавейки — О.Н.], душегрейки, плащи, а на голове платы и шали, особенно шерстяные.

Летнее мужское платье обыкновенное: суконный гусь, суконный зипун, бродни и праздничные сапоги, халаты, <капотки?>, сюртуки, брюки, жилеты.

Женское летнее обыкновенное платье: платье, сшитое из синего холста или дешевого ситца, на ногах сапоги или башмаки, или ботинки, на голове плат или полushалок; а праздничная та же самая одежда, но лучшая, опрятная и чистая. В ушах женщин и девиц всегда носятся серьги. В городе немногие, а в деревнях почти все носят юпки [юбки — О.Н.] и сушуны [шушуны — О.Н.], а на голове косынки, преимущественно ярких цветов.

У городских жителей волосы на голове стригутся на образ военных лиц, а некоторые, особенно сельские жители, носят волосы под кружок и на челе раздваивают и причесывают на висках, а другие на лбу подрезывают, а виски оставляют длинные вокруг головы — скобка. Бороды почти у всех бреются и у старых подстригаются; бород же в их естественный рост в городе вовсе не носят. Женщины и девицы плетут около ушей косы две, и каждую в три или четыре пряди. Косы у женщин обвиваются вокруг головы и закрываются косынкою или платком, а у девиц косы и головы покрываются сеткою, а если коса одна заплетена, то в нее вплетается лента, преимущественно яркого цвета.

Женщины носят рубахи длинные из белого тонкого холста, а иногда и довольно грубого, без воротников, а в деревнях — с холщовым или вышитым воротником, который в праздничные

¹¹ «Лабашак, особый род пальто» [Лопарев 1997:226].

дни выставляется на наружу. Мушины из синего холста рубах вовсе не носят, потому что он окрашивает тело. Состоятельные из мушин имеют рубахи ситцевые, холстинковые и проч., в которые одеваются по субботам в банях. Бани обыкновенно топят в эти дни и пред большими праздниками.

[Л. 8] **3. Пища.** Ежедневную постную пищу составляют: свежая и соленая рыба, приготовляемая в пирогах, похлебках, рыбная икра, горох, толокно с квасом, каша из крупы, редька. А скоромная: рыба, которая употребляется всегда, полевая птица в щах или мясо, если оно случается, свежее и соленое, молоко. В праздники: студень из скотских ног и головы, пирог с птицею, или мясом, или рыбою, оладьи, блины, пирожки с мясом, жаркое из дичи или мяса с груздями, иногда и с капустою или ягодами, щи или похлебка с картофелем, каша и кисель с молоком или с ягодами, а иногда и яишница.

Из животных признается нечистым и негодным к употреблению в пищу заяц, потому что он рождается слепым. Впрочем, некоторые употребляют зайца всего, а другие — лишь переднюю его часть. Из птиц: лебеди, потому что они лают по-собачьи и что мясо их жестко, невкусно. А другой род лебедей, ростом меньший, который не лает, а кричит, тот употребляется в пищу. Журавли — потому что они едят всякую гадину: мышей, кротов, лягушек и пр. Голуби — они слепы рождаются; гагары и все полевые птицы этого рода, потому что они имеют ноги в последней части тела и не могут ходить по земле.

Необходимые принадлежности свадеб: пирог с осетриною или нельминою, или с гусями, утками, петухом, осыпаемых яйцами, сарачинским пшеном¹² или просою; а рыбные пироги делаются также с осетровою вязигою. При крестинах то же. На похоронах, кроме этого, блины и кутья — сарачинское пшено, сваренное с медом и осыпанное крестообразно (с медом) изюмом.

[Л. 9] **4. Разные обычаи и обряды. При рождении и крещении детей.** Когда женщина почувствует приближение родов, тотчас же посылают за повивальной бабкой, прославившейся множеством повитых ею младенцев. Когда женщина начнет мучиться родами, ее водят по горнице, ставят на колени. Многие из женщин рожда-

¹² Сарачинское (сарацинское) пшено — старое русское название риса; привозился «от сарацин» (Персия, Средняя Азия).

ют детей в этом положении. А когда положат в постель, и если муки рождения продолжительны, то для ускорения их подают родильнице мыло, сбитое в воде, или <втыкают> ей в уста косу, или заставляют мужа троекратно из уст своих переливать воду в уста жены и наоборот, или заставляют больную перешагивать чрез корыто. Когда Господь простит душу родильницы, т.е. когда она разрешится от материнского бремени, младенца обмывают теплою водою, завертывают в белую холстину и полагают подле матери на подушку. А родильницу в течение первых трех дней по разрешении дитятею водят в баню для омовения нечистот рождения. В этот же день, или на другой по рождении, бабка ездит извещать родных о новородившемся младенце. Женщины съезжаются и привозят на зубок новорожденному деньги или что-либо другое, а в деревнях приносят такое множество пирожков, оладей, блинов и пр. с сахаром, что родильница не может приесть их в течение 40 дней очищения.

Повивальная бабка до тех пор не рассказывает родителям о поле новорожденного, пока не перевяжет и не обрежет пуповины у младенца. Когда все нечистоты новорожденного уберутся, бабка с матерью размывают мылом с водою руки. Мать отrotchати при сем дает бабке кусок мыла, платок или деньги — что может. Молитва отrotchати и родильнице дается в [Л. 10] тот же день по рождении. Повивальная бабка приходит в дом к священнику и, не входя в его, стучит в двери, потому что считает себя нечистою, пока не вычитаются молитвы, положенные на сей случай. На третий день совершается самое крещение. К этому духовному торжеству приглашаются все родственники новорожденного. Его держат на руках бабка и, по погружении его в воду, передает куме (восприемнице), если дитя женского пола, и куму — восприемнику, если оно мужского пола. Кума дает новорожденному рубашку белую, и матери — ризки, т.е. несколько аршин ситцу на платье, которым впоследствии отдаривают ее, а кум — крест. Кум платит священнику за крещение, а кума дает ему платок. Затем пьют вино и чай. Пред окончанием веселия повивальная бабка подносит гостям вино, которые, выпивая вино, кладут ей на поднос или в рюмку деньги, а отцу новорожденного в ложке приносят каши, смешанной с большим количеством соли, которую он должен съесть, особенно на крещении у перворожденного.

При похоронах. Когда человек умирает, его обмывают теплою водою, одевают в чистое белье, полагают на стол и покрывают холстом или церковным покрывалом. При сем ставят четыре церковных подсвечника, свечи у коих перевязываются черною лентою. Над умершим какой-либо старичок читает Псалтирь. Когда управятся с умершим, один из родственников его приходит к священнику, прося благословения копать могилу. На третий день по смерти, по литии, умерший полагается во гроб, в который кладут стружки из того же дерева, из которого делался гроб, или [Л. 11] березовые листья. Жена и дети умершего особенно плачут тогда, когда его полагают во гроб, и во время отпетия, когда поют: «Со святыми упокой...» Жена при сем падает на гроб мужа и причитает что-то вроде сего, обливаясь слезами: «Зачем нас оставил, разве был недоволен нами? Кому ты нас оставил, своих горемычных сирот? Зачем покинул детей своих? Кто будет их воспитывать? Иль мы тебя не любили? Иль мы тебя не уважали? О, горькие мы сиротушки!» При сем жена жалуется на скорую смерть мужа своего, на одиночество, в которое она поставлена смертью его, на беспомощность своего состояния и на недостаточность своего знания при воспитании детей.

При исповеди и причащении св. тайн девицы, хотя бы 50 лет, распускают волосы и одеваются в белые платья.

При браках. Сваха или сват, приходя в дом невесты, садится под матицу. После обоюдных приветствий, разговоров и расспросов встает с места и, кланяясь отцу или матери невесты, говорит: «Я пришел с добрым делом — со сватаньем (от имени такого-то)». По получении удовлетворительного ответа начинают с обеих сторон готовиться к свадьбе. Обыкновенно запасают побольше пива, квасов, браги и вина. Между тем девицы, подруги невесты, собираются к ней в дом, обшивают ее; поют песни жениху и невесте. В смотрины жених приезжает вечером к невесте со своими родителями, тысяцким, дружкой, свахами и боярами. По приходе его в дом родители выводят невесту с подносом и вином. Жених, приемля подносимое, дарит невесту чем может на подвенечное платье, потом троекратно целуются и садятся за стол. Подле них брачные гости. Начинается угощение вином [Л. 12] и чаем — первыми условиями увеселений. Между тем девицы поют песни жениху, невесте и брачным гостям, ко-

которые обязаны дарить их деньгами. Ужин бывает в доме невесты, на который приглашается особым зовом жених с его гостями. Дружка, поверенный обеих сторон, распоряжает <кушаньями>. Утром, в день девишника, подруги невесты топят для нее баню, в которую провожают ее общим собранием при песнях. Дружка и сваха, предупредив невесту в бане, поддают на каменку (печь) вином и квасом. Дружка уходит. В бане девицы моют невесту, пьют вино, поют песни и пляшут. На самом девишнике повторяется то же самое, что и на смотринах. В день венчания утром жених приезжает к невесте благословляться. При сем служит общий молебен. После венца — браковенчания — невеста идет в дом к жениху, и там благословляют их хлебом, солью и иконами родители жениха троекратно. Начинается угощение — ужин, к которому приглашаются <на неделю> и родители невесты. После стола жених и невеста в сопровождении тысяцкого и свахи отводятся в потаенную комнату для супружеского ложа. Тысяцкий раздевает жениха, и сваха невесту. По приглашению молодых сваха входит в потаенную комнату поднимать с постели молодую и нередко выводит ее к гостям в одной срачице [сорочке — О.Н.] — свидетельнице ее невинности — с подносом и вином. Гости на радостях пьют охотно, желая молодым счастья и благополучия. Подвенечную рубашку возят в дом к родителям невесты и затем продолжают веселиться, сколько обстоятельства позволяют.

Подвенечная рубаха обыкновенно хранится до дня смерти. В нее одевается она, переступая порог сей жизни [Л. 13].

Свадебные песни

Кто у нас хорошей,
Кто у нас пригожей?
Розан мой, розан, виноград зеленой.
Егорушко хорошей,
Васильевич пригожей.
Розан мой, розан, виноград зеленой.
По гориньке ходит,
Манер наступает¹³,
Розан мой и пр.

¹³ У В. Тверитина так, правильно: «Манерно ступает».

Каблук не ломает.
На крыльцо восходит,
Конь к нему подходит.
Розан мой и пр.
На коня садится,
Конь под ним бодрится.
Розан мой и пр.
Плеточкой он машет,
Конек под ним пляшет.
Розан мой и пр.
По дорожке идет,
Дорожка торится.
Розан мой и пр.
К морю подъезжает,
Море колыхатся.
Розан мой и пр.
К саду подъезжает,
В саде расцветает.
Розан мой...
Домой приезжает,
Мать его встречает.
Розан мой и пр.
Сын ты мой, сыночик,
Ясной соколочик.
Розан мой и пр.
Где ты, сын, гуляешь,
Дома не бываешь.
Розан мой, розан и пр.
Невест примечаешь.

Свечки сандальчики
Ясно горят,
Яров воск утаивают.
Машинька по сеничкам погуливает,
Михайловна по сеничкам погуливает,
Нянюшек, мамушек укладывает:
«Нянюшки, мамушки ложитесь спать».

Мне молодешеньке всю ночь не сослать,
Ждать, подождать милого друга домой.
Первый час приходит, второй наступат,
Второй час приходит, третий наступат.
В третьем часу Павел ко двору,
Николаевич ко двору.
Ко двору едет, весь двор веселит.
По крыльцу идет, крыльцо зыблется.
По сеничкам идет, сенички скрипят.
В горницу входит, бояра стоят,
Бояра стоят, ему честь воздают.
Выходила, выступала молодая жена,
По имени Марья Михайловна:
«Где ты был, Павел господин,
Где ты был, Николаич господин?»
«Был я у тестя у ласкового,
Был я у тещи у приветливой.
Тесть-то дарует стольным городом,
Теща дарует добрым конем,
Шурин-то дарует черкасским седлом,
Своячина дарует вышитым ковром».

Как по речке, речке.
По <должинке?>
Суденце плывет,
Корабельная шлюпочка.
На суденце стоит
Удалой добрый молодец,
Свет по имени,
Свет по отчеству
Егор Васильевич.
Низким бережком шла
Молодая боярыня
Анна Ивановна:
«Воротись, сударь,
Свет Егор Васильевич.
Я тебе радость скажу,

Я тебе веселье скажу,
Я веселье великое.
Я тебе дочь рожу,
Дочь белую лебедушку
Анну Васильевну». «Это не радость моя,
Это не веселье мое». «Я тебе сына рожу,
Сына ясного сокола
Петра Ивановича». «Это радость моя,
Это веселье мое».

[Л. 14] 5. Занятия, любимые здесь, — рыбная и звериная ловля, также птицеловство. Звериная ловля происходит осенью и зимою. Когда падает мелкий снег, по сорам и рекам гоняют на конях лисиц, также ловят этого зверя чрез окармливание сулемою, которую, скрыв в рыбе или мясе, <полагают> на тропу — дорогу, по которой бегаёт этот зверь. Капканы на лисиц ставят под снег так, чтобы они не были видны. Охотник, поставив капкан под снегом на тропе, уходит на лыжах и след свой замечает. Лисица — животное хитрое и догадливое. Весною ищут лисьих гнезд и, найдя оное, вынимают молодых лисят и вскармливают их в домах своих. Горносталей ловят осенью посреде черканов — натянутых луков; белку бьют из луков томарами (вид тупоконцев [тупоконечной — О.Н.] стрелы), также стреляют из ружей мелкой дробью. Зайцев ловят петлями с очепом¹⁴, также капканами и слопцами. Соболей бьют из ружей и травят собаками. Медведей убивают в берлогах и стреляют. Росомах отравливают и ловят капканами.

Рыбу ловят летом неводами, сетями, резовками, калданами, весною и зимою — мордами, запорами и чердаками.

Полевую птицу ловят весною в конце апреля и в начале мая преимущественно перевесами. Летом, когда она линяет, т.е. сбрасывает с себя перья, — неводами и сетями, и собаками давят, осенью — перевесами и кысканами (род малого перевеса)¹⁵.

¹⁴ Очеп — нетолстый ствол березы, который кладут на кол, устраивая приспособление для ловли зайцев.

¹⁵ Кыскан в отличие от перевеса не натягивался поперек просеки, а лежал на ней; при пролете уток с помощью особого рычага кыскан выбрасывался вверх и тотчас же падал.

6. Народное веселье. Особых общенародных увеселений здесь не бывает. Бывают лишь собрания вечерние по случаю именин, крестин и пр., при которых играют в разные игры, поют песни и пляшут.

Игры девицы. «Хоронение золота». Все девицы садятся кругом комнаты. Одна из них, имея у себя в руке перстень или золотое кольцо, хоронит его, т.е. тайно полагает кому-либо в руку. Между тем другая, стоя среди комнаты, отгадывает — кому положен перстень. При сем поют:

Золото я хороню,
Чисто серебро я хороню,
А у матушки в терему,
А у батюшки в высоком.
Гадай, гадай, девица,
Отгадай, красавица,
В кой руке перстень.
Уж рада бы гадать и отгадывать.
Чрез поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелком прививаючи,
Златом <присыпаючи?>.
Пал, пал перстень
В калину, малину,
Черную смородину.
[Л. 15] Очутился перстень
У дворянина, у молодого
На правой на ручке,
На левом мизинце.
Гуси, лебеди летели
Красно золото ронили,
Девушки брали, позавидовали,
Уж <де каждая?> говорила:
«У меня, у меня,
У моей сестры голубушки».

* * *

2 песня.

Я кладу, кладу <зелененько?>
Во мак, да во мак,
Во маков цвет.

Если девица отгадает перстень, то она начинает хоронить его, а та, у которой найден, — отгадывать.

«Рубль искать». Девушки среди комнаты, сидя на стульях, составляют из себя тесный круг. В середине его стоит одна, которая ищет серебряный рубль в руках сидящих; между тем сидящие быстро передают его из рук в руки, припевая: «Пошел рубль, пошел два, пошел рубличек гулять». У которой найден будет рубль, та и ищет его, а первая садится на ее место. Девушки, взявшись за руки и ходя по комнате, поют:

Летели две птички,
Ростом невелички.
Там-то лето, здесь зима,
Чернобровая моя.
Как они летели,
Люди-то глядели.
Там-то лето, здесь зима,
Чернобровая моя.
Как они садились,
Люди-то грозились.
Там-то лето, здесь зима,
Чернобровая моя.
Как залетались,
Люди дивовались.
Там-то лето, здесь зима,
Чернобровая моя.
Как целовались,
Люди дивовались.
Там-то лето, здесь зима,
Чернобровая моя.
Как распрощались,
Люди любовались.
Там-то лето, здесь зима,
Чернобровая моя.

Подобие предыдущей лирич. [лирическая — О.Н.].

По лугу, лугу,
Лугу зеленому
Шли, прошли
Две милы сестры.

Погодя маленько
Большая идет.
Не сиди-ко, сестрица,
Одна в терему.
Не скрывай-ко, сестрица,
Око <шечка>!
Неровно к тебе, сестрица,
Соколик залетит.
Неровно к тебе, сестрица,
Молодчик забежит.
Станет спрашивать, уговаривати.
Скажи так, скажи сяк,
Скажи: в садике была,
Я цветочки рвала,
Я веночки вила,
Я милому дружку
На головушку.

Хороводы. Несколько девиц и молодых парней составляют из себя широкий круг, держа один другого под руки. В кругу стоит красна девица, а за кругом — добрый молодец. Весь круг ходит тихо в обе стороны. При сем поют:

Ходит царь (2)¹⁶
Вкруг нова города (2).
Ищет царь (2)
Царевну свою,
Королевну свою.
Где она? (2)
Во новем городе (2).
Золотым венцом (2)
Она просветила (2),
Золотыми ключами (2)
Она пробрякала (2).
Вот где она — (2).
Во новем городе (2).
[Л. 16] Возьми ее (2)
За правую ручку (2),

¹⁶ Цифрой «2» В. Твертин обозначает повтор.

Поведи ее (2)
Вкруг нова города,
Поставь ее (2)
Среди города (2),
Заставь ее (2)
И скакать, танцевать.
Потанцуй, царевна (2),
Царевич велел,
Молодой приказал.
Скокни, горда (2),
Среди города (2).
Поклонись, царевна (2),
Царевич велел,
Молодой приказал,
Поцелуй, царевна (2),
Царевич велел,
Молодой приказал.

При этом царь с царевной целуются.

2-й хоровод. *Обряды те же.*

Стой, мой милой коровод,
Стой, веселый весь народ,
Стой, не расходись (2).
Я во евтом короводе,
Я во евтом развеселом
Скакала и плясала.
Я скакала и плясала,
Веночик сороняла (2)
(бросает платок среди хоровода).

Я веночик сороняла,
Милого искала *(кланяется милому)*.
Вот мой миленький идет,
Вот хорошенький идет,
Веночик несет (2).
Я веночик получала,
Милого целовала *(целуются)*.

По морю, уж как по морю,
Как по морю, морю синему

Плывет стадо лебединое,
Лебединое, павлиное.
Как в том стаде лебедь белая
Среди моря на камешке.
Ни откуль взялся ясен сокол,
Он ушиб, убил лебедь белую,
Он пух пустил по поднебесью,
Сизо перо при долинушке.
Что при той долине белый лен,
Что рвала девица, рвала красная,
Не склонялася.
Ни откуль взялся удалой молодец,
Он и мимо шел, к ней зашел,
К ней зашел, поздоровался:
«Тебе Бог помочь, красна девица душа,
Ты спесивая, гордивая,
Наклонися, поздоровайся».
Грозил мальчик красной девице душе:
«Еще то будет, за мной будешь ходить,
За мной ходить будешь, кланяться.
Поклонися, поздоровайся».

«Имальцы». Одному из играющих завязывают платком глаза, потом ставят к колоде и спрашивают: «Где стоишь?» — «У колоды». — «Чево продаешь?» — «Квас да ягоды». — «Ищи нас 32 года». После сего все разбегаются по горнице, а завязанный, распростав руки, бежит из угла в угол, стараясь кого-либо поймать, и пойманного завязывает сам или...

[Л. 17].

Игры мужские — детские. «Игра зайцем». Несколько человек составляют из себя круг. В средину его становится один из них — заяц, который бежит из стороны в сторону, скачет, прискакивает, припадает к земле, всеми мерами стараясь, чтобы мяч пролетел мимо его. Между тем мяч перебрасывают из рук в руки, стараясь ударить им в зайца, и кто <попадет> в него, тот и становится в круг.

Сверх сего существуют игры: в городки, воры, вороны, чурная палка, чехарда, мячик и пр.

7. По ценам, здесь существующим на предметы продовольствия, на семейство, из трех лиц состоящее, надобно, по крайней

мере, положить 60 р. сер. на уплаты податей и разные повинности, по 4 р. сер. с души — 12 р. с., на прихоти — 10 р. с., итого — 82 р. Средства к исполнению расходов: собственный промысел рыбы, птицы и зверя; рубка круглого леса по 10 р. сер. за сотню, дл. [длиною — О.Н.] 3 саж. [сажени — О.Н.], в отрубе — 6 и 7 вер. [вершков — О.Н.]; продажа дров по 65 к. сер. саж.; наем поденно косить сено по 43 к. сер.; продажа сена возами по <71> к. сер. за воз. Но все эти источники к погашению долгов очень скудны. Оттого-то здешний народ вообще беден. <Ремесел?> за ним никаких нет.

[IV]. Умственные и нравственные способности и образование

Стремление к образованию, подражание новому замечается между всеми сословиями и обоим полом. Оно обнаруживается в общенародной грамотности, в нарядах и головных уборах, в <перемене?> языка на живой, легкий и вообще разговорный, а прежний с непонятными словами почти вовсе оставлен. Кроме того, здешний народ прост, доверчив, честен и благочестив. Преступлений, по крайней мере, видимых, между ними не случается. В школах новое поколение охотно учится грамоте, большею частию у церковного <причта>. Девушки учатся всегда отдельно от мальчиков, у мастериц. Девушки учатся всегда меньше, чем мальчиков. Родители вообще думают, что девушку не для чего учить грамоте. Она <не относит?> никаких должностей. Ее цель — знать хозяйство.

[Л. 18]

[V]. Народные предания и памятники

В тех местах, где совершились какие-либо <нрзб.> события, особенно недавние, всегда много преданий и толков между народом. Березовский округ — место рыбной и звериной ловли. Поэтому здешние жители вспоминают старые годы как лучшие и обильнейшие звериною и рыбною ловлею. Да, говорят старики, тогда была благодать. Тогда все были довольны и богаты. И простой казак садился за стол с осетровым пирогом, а ныне не то, ныне рады и щуке, и язю костлявому. По замечанию стариков, Бог умалил рыб за нечестие рыбопромышленников. Вот что они говорят: «В августе и сентябре месяцах рыбопромышленники особенно ловят налима и, вынимая из него внутренность ради одно-

го лишь жира¹⁷, очень вкусного, все прочее бросают на берег, отчего происходит сильный смрад. Рабочий народ сек налима прутьями, обрезал ему хвост и крылья и потом, израненного, отпускал в воду с приказом: впредь не попадать в невод. Вот за эти-то грехи наших предков, — говорят старики, — наказуемся мы. Ныне вовсе нет рыбы».

Я думаю, что жалобы почтеннейших старичков на безрыбицу несправедливы. 1. Народонаселение тогда было менее, след. [следовательно — О.Н.], и потреблялось менее. 2. Купцов в то время почти вовсе не было, продавать рыб было некому; а ныне пять или шесть капиталов имеют со здешним местом дело в этом отношении. 3. Большая часть жителей — казаки. Прежде для них был свободен выход — для рыбопромышленности, а ныне, будучи заняты службою, немногие из них заниматься могут этим делом. Прежде не более десяти лодок выезжало в Обскую губу, а ныне, по крайней мере, до 200 лодок, из коих каждая поднимает до 3 тысяч пудов тяжести. При всем том оне дополна нагружаются рыбою, преимущественно муксуном. Ныне в Обской губе, на расстоянии двух или трех верст от берега, малыми неводами залавливают в одну тонь до тысячи и более муксуна, особенно когда идет из моря белуга. Это огромное [Л. 19] морское белое животное, по описанию рыбопромышленников, похожее на лошадь, по крайней мере, головою, но во много раз больше ее. Она плавает колесом по линии волн и когда выходит из воды, то из головы своей выпускает воду вышиною на печатную сажень и потом опять уходит в воду. Белуга обыкновенно плавает во множестве не менее 200 штук. Ее чрезвычайно боится морская рыба, которая со страха кидается во все реки и протоки, тогда-то ловят морскую рыбу в чрезвычайном множестве. Некоторые из рыбопромышленников в малых лодках гоняют по рекам белуг, стараясь убить их веслами, но не успевали в том. Видали также в морской губе рыб, имеющих человеческое лицо и смеющихся.

Здесь много толков о кладах. По уверению многих современных людей, клад является в виде горящей свечи, искры, человека, собаки, овцы, белых коров, рыбной чешуи и пр. Вот несколько случаев, которые мне рассказывали. Отставной урядник Михайло Кокоулин, возвращаясь однажды в дом, вечером видит в подпо-

¹⁷ Очевидно, имеется в виду прежде всего налима печень.

лье у себя рассыпанные искры, как будто от лучины. Поднявшись вверх (во второй этаж), он начал бранить своих домашних за такую неосторожность, а те уверяли, что они никогда не ходили в подполье с лучиной. Когда спустились в подполье, увидали на полу рыбную чешую, которая при свече не давала никакого света, а когда унесли свечу, эта рыбная чешуя превратилась в искры, которые не жгли руки. Потом эти искры соединялись и давали свет, подобный горящей свече. Наконец потухли. Другие уверяют, что этот урядник действительно нашел клад, от которого выстроил себе новый дом вскоре после сгоревшего старого.

К одной старушке, которая сидела на пороге своей старой избышки, прибежала овца (а овец тогда не было в городе, и ныне не более 15 шт.), у которой глаза играли, как на нитке. Старушка, погладив овцу, сказала: «Иди прочь. Бог с тобой». Овца растаяла.

Отставной урядник Стефан Козлов рассказывал: «Когда я был в детстве, ехал однажды на собаках мимо Подвального мыса, вижу — у одного куста горит синий огонь. Я испугался, бросил рукавицы и пал лицом вниз. Оглянулся — ничего нет. Приехавши домой, сказал дедушке о сем. А дедушко отвечал мне, что «тебе являлся клад». Утром ездил к этому кусту, но ничего не нашел».

Тот же урядник уверяет, что у них в доме, в подполье, есть клад: «Когда строили новый дом, дедушко увидел в земле корчагу и начал кричать: «Клад, клад, корчага!». Корчага пошла вниз, в землю. Дедушко этого никому не сказал. Через долгое время, когда в доме никого не было, кроме меня, дедушко принес из казачьей избы пику и заставил меня в подполье тыкать ею землю. Долго мы тыкали, но корчаги не нашли. Она ушла». Рассказчик верит, что этот клад когда-нибудь им откроется.

Он же рассказывает: «На Шайтанском мысу есть большой клад, но требует головы (смерти человека). Такое положено на него заклятие «Дедушко хотел достать этот клад. Однажды, напив вином остяка, склонил было его добывать клад. Остяк пришел к этому мысу, но побоялся рыть землю, зная, верно, заклятие. Над этим кладом лежит чугунная доска. Теперь эта доска далеко ушла в землю и заросла мохом и травой. Но пикой можно доискаться до ней». Он <знает> и самое место.

На городище много кладов. Тут он являлся в виде белой коровы и человека. Вообще, говорится, что клады являются только

счастливному. Чтобы достать его, когда он явится, надобно ударить его рукой наотмашь, т.е. от себя. Тогда он рассыпается в деньги. Кричать же воспрещается. В Христовскую заутреню все клады, говорят, открываются, тогда легко можно доставать их. Но когда пропоют в церкви «Христос воскресе», они скрываются. Вот случай на это. Когда-то, и это было давно, два брата [Л. 21] в Христовскую заутреню пошли на городище искать клада. Земля над кладом <подлинно?> раздалась. Один брат спустился в землю и начал оттуда выбрасывать деньги, все золотые монеты, а другой — подбирать. Но «Христос воскресе» пропели в церкви, земля снова закрылась. Тот брат, который стоял в земле, там и остался, а другой ушел домой с богатством.

О покойниках. По уверению 64 л. [64-летней — О.Н.] старухи, лет за 50 назад тому случилось следующее. Была какая-то вечерка, на которой девицы и молодцы пели и плясали. На паперти церковной в этот вечер стоял покойник. Одна девушка, чтобы показать свою удаль, сказала подругам, что она теперь же ночью из покрывала покойника вынет нитку. Те согласились. Нитка точно была принесена; все дивились смелости девицы. Песни начались снова. Но стук в окно всех перепугал. Была уже полночь. В окно стучал покойник, требуя от девушки нитку. Ужас овладел всеми. Делать нечего: надобно было <залучиться?> с покойником. Девица снова пошла на паперть, нашла покойника по-прежнему в гробу, вдела нитку в покрывало и ушла. Вскоре она померла.

Уверяют, что леший — диавол, уводит людей в лес, и там они погибают, если не перекрестятся. Леший в этих случаях принимает на себя вид знакомого человека, начинает разговор и ведет обманутого в лес, а этому все кажется, что он идет дорогой домой. Вот случай 1852 года. Во первых числах мая, когда здесь бывает чувствительный холод, вдова, урядническая жена, Анна Старкова под вечер ходила в землянки (избы, крытые землею, в которых зимою живут остяки), чтобы созвать оstattку для мытья полов у себя в доме. А землянка отстояла от ее дома не более $1\frac{1}{2}$ версты. Возвращаясь домой, она встретила соседку свою, вдову же, Ирину Буканину. Между старухами завязался разговор. Идут, но дойти до дому не могут. Наконец Старчиха почувствовалась, перекрестилась — и что же? Послышался в лесу хохот, Буканиной не стало, а

Старчиха очутилась за 10 верст от города сидящею на болоте. Назавтра поиски нашли ее едва живую.

[Л. 22] Казачья жена Ирина Нехорошева рассказывала: «Сегодня (27 ноября 1853 года) ночью я спала в своей избе; но сквозь сон слышу необыкновенный крик в байраку, как будто <землю?> кто дерет. Пробудилась и испугалась. Подумала сначала, что это кричит хромой сумасшедший лекарь, но потом одумалась, что он уехал из города. Встала с постели, подошла к окну и вижу, что по байраку бежит человек, кричит лихоматом¹⁸, а за ним табуном бегут собаки с лаем. Я захотела было окно отворить, но побоялась и сказала: «Господи благослови!» А бегущий вдруг закричал: «А, голубушка, догадалась!» — и убежал по байраку в лес. Я едва от страха устояла на месте. Это был нечистый — леший».

Вещицы. Это зловредные старухи, которые принимают на себя вид большой сороки без хвоста. Они вынимают из коров телят, а из беременных женщин — младенцев. Одно от них спасение для коров, если они перекрещены, а для беременных женщин — если муж спит на одной постели с женою и рукою или ногою прикасается к ней. Вещица обыкновенно ночью прилетает к дому беременной женщины (а сороки ночью не летают), садится на ворота, щекочет. Потом — на крыльцо, там — в трубу, а по трубе, если она не перекрещена, влетает в горницу. Когда она щекочет, то на всех в доме наводит сильный сон.

Одного лишь новоприезжего, которого не знает, не может она усыпить. Наконец, приступает к операции, вынимает младенца из женщины, которая все чувствует, видит, слышит, но сделать движение не может. Если на место вынутого младенца вещица положит голик — родильница будет сохнуть, если лед — зябнуть, если кирпич — будет мучить ее всю жизнь болью в животе. Такая вещица жила давно в Березове. Она была старуха из России. Жила одна (всегда) в доме. Обращалась в сороку в бане на 12 ножах. Вынутых младенцев обыкновенно женщина жарит и потом съедает.

Оборотни. Народ также верит в оборотней, т.е. людей, которые принимают на себя вид медведя. Вот что случилось в 1851 году в Малом Атлыме, селе Березовского округа. Во время лета, когда все

¹⁸ См. о значении слова выше в тексте В.Тверитина, в словаре местного говора.

мушины были на перевесах, ни откуль взялся в деревне медведь, который ходил по улицам и переулкам и, наконец, улегся под норым¹⁹, на котором несколько женщин сушили рыбу. Собаки лаяли со страшным [Л. 23] остервенением. А женщины просто взбунтовались. Побрали ухваты, лопаты, клюки, топоры, высыпались из домов, кричали, ревели, плакали, махали своим оружием, стучали палками, бросали камнями — а медведь и ухом не ведет. Один 80-летний старичок Соколков взял даже ружье, у которого не было ни замка, ни пороху, ни дроби; грозясь застрелить медведя, многократно прицеливался в него, но все тщетно. Женщины всю ночь прокричали и проплакали. Наконец медведь ушел. На-завтра видели одну русскую бабу (поселенку), <нрзб.> спавшую в броднях. След медвежий походил на броденный. Все уверены, что это была она.

В Березове рассказывают. В старые годы, может быть, при царе Иване Грозном, один зверолов из казаков далеко в лесу сидел в своей избушке, приготавливаясь наутро к ловле зверей. К нему входит медведь, который показывает зверолову свою лапу, а в лапе у него была заноза, т.е. древесный сучок. Зверолов вынул занозу, и медведь побрел дальше. При сем у казака потерялся охотничий нож. Чрез некоторое время этому зверолову случилось вести ясак в Москву. Там зазвал его к себе в гости какой-то купец. На обеде у него казак (взял) узнал свой ножик, сказал это хозяину, и этот признался, что он был в виде медведя, у которого он из лапы вынул занозу.

Пословицы и поговорки

В добрый час сказать, а в худой смолчать.

Федот, да не тот.

В семье не без урода.

Куда ночь, туда и сон.

Семь верст киселя хлебать.

Сперва заведи хлевинку, а потом животинку.

Позеваться — наши спать ложатся.

Собака лает, кто-то едет.

Кошка скребет на свой хребет.

¹⁹ Норым (хант.) — «вешала» (русс.), приспособление (деревянные козлы), на котором вывешивают неводы для просушки и починки.

Кошку бьют, а невестке на <нрзб.> дают.
[Л.24] Игра не доводит до добра.
Суровой наскочет, а на смиренного Бог наведет.
Это цветки, а ягодки впереди.
Выпить рюмочку винца да спеть песню до конца.
Наш инвалид без порошу палит.
Куда иголка, туда и нитка.
Девушка, не спи ночи, да дельце разумей.
Тихую корову два теленка сосут.
У хорошего именинника три дня пируют.
Кто празднику рад, тот и накануне пьян.
Бурого коня за рекой купить.
Горячее сыро не бывает.
От хлеба и соли не отказываются.
Маленька бородавка все-таки разоставка.
Не весь голову, не печаль хозяина.
Из пустого ни пьют, ни ядят, а об угол бросают.
Не красна изба углами, а красна пирогами.
Мертвого с могилы не ворочают.
Счастливый к обеду, а несчастный к оберегу.
Дай Бог <на> сто <копыт?>.
На тяжелый воз рукавичку брось, а то коню тяжело будет.
Из одного дерева бывают икона и лопата.
Из одной бани, да не одни <вести?>.
От одной матки, да не одни детки.
Всякий Еремей про себя разумей.
Сыт голодному не разумеет.
Дитя <поплачет> — мать не разумеет.
Ешь пирог с грибами да держи язык за зубами.
<Сбитая> посудина два века живет.
Каков поп, таков и приход.
Легок на помине.
Каков приход, таков и расход.
Страшен сон, да милостив Бог.
Легонька похлебочка в животе колет.
Пей винцо, как суслицо.
В глаза ему тычь, а он говорит: Кузмич.
Судьбу конем не объедешь.

Кому на ком жениться, тот в то и родится.
Хороша бражка, да мала чашка.
У женщин волосы долги, да ум короток.
В чужой руке ломоть велик.
За двумя зайцами погонишься, и одного не поймаешь.
На чужой роток не накинешь платок.
У нашего Федула <толстая губа>.
Когда кипит, тогда и вари.
На ласковый зов и собачка бежит.
Неволя упряма.
Голь хитра на выдумки.
В копнах не сено, и в долгах не деньги.
В лес идешь — не хвались, а из лесу пойдешь — похвались.
Не имей сто рублей, а имей сто друзей.
Двух смертей не будет, а одной не миновать.
Пар костей не ломит.
Каждому свое <неумыто?> бело.
[25] Каждый кулик на своем болоте велик.
Черного кобеля не вымоешь добела.
Далеко кулику до Петрова дня.
Не начало дело красит, а конец.
Долг платежом красен.
Дружба дружбой, а служба службой.
Тише едешь, дальше будешь.
Хлеб-соль вместе, а табачок врозь.
Тихой воз будет на <горе>.
Рыбак рыбака видит издалека.
Не спросясь броду, не суйся в воду.
Ворон ворону глаз не выклюет.
Не отвалится голова, дак прирастет борода.
Видно молодца по походке, а сокола по полету.
Прежде отца в петлю не суйся.
Не вовремя гость хуже татарина.
Куручка по зернышку клюет да сыта бывает.
Умная жена да собственная хата дороже жемчуга и злата.
На поле съезжаются, родом не считаются.
У кого есть гроши, тот и скачи, и пляши.
Еду, еду — не свищу, а наеду — не спущу.

Семь раз примеришь, да однажды отрежешь.
В тихом болоте черти зимуют.
Сытого гостя легко подчивать [потчевать — О.Н.].
У коровы молоко на языке.
Хороша рыба, да на чужом блюде.
Хорошенького помаленьку.
Лег — свернулся, встал — встряхнулся.
Бодливой корове Бог рогов не дает.
Одни глаза лишь не сыты.
Не насытится око зрением, а ум — богатством.
Мал золотник, да <весок>.
Мал сокол, да на руке носить, велик верблюд,
да воду возить.
Велик, да дик.
С сильным не борись, а с богатым не <тяжись?²⁰>.
На нашу лопать (одежду), не пристанет копоть (ложь).

[Л. 26]

Сны

Видеть кровь во сне — предзнаменует свидание
с родственниками.
Деньги — к слезам.
Слезы — к радости.
Смерть — к долгой жизни.
Видеть умерших родственников —
надобно молиться за них.
Видеть покойников — к <нрзб.>.
Девушка видит церковь — к будущему замужеству.
Замужняя — к смерти.
В яму пасть — ожидать несчастья.

Загадки

В коробочку не запереть? — Солнечный луч.
Чего нельзя догнать? — Тень свою.
Загадку загадку да кину за грядку, в год пушу, годовину жду.
— Сушка хлеба.
Еду, еду — следу нету, режу, режу — крови нету. — Пловец.
День висит, а ночью в дверку просится. — <Болт?>.

²⁰ «Не тяжись», то есть не вступай в тяжбу.

По лавкам скачет, по полу скачет, в угол станет, смирно стоит.
— Веник.

Дома не любят и на базаре не купят. — Мышь.
Ни окон, ни дверей, полна церковь людей. — В морде рыба.
Полно подполье гусей, лебедей, один гоголек поговаривает.
— Зубы и язык.

Шла свинья из Питера, вся истыкана. — Наперсток.
Сама <тосинька? — тоненька>, а хвостик тряпишной.
— Игла с ниткой.

У нас под окошко <репье?> в лукошко. — Звезды.
Пять петанов, десять стаканов, Савки да Митька, да две Пела-
гейки. — Дровни.

Сам нагой, а рубашка в пазухе. — Свеча.
Сам сутул и горбат, наперед <погонит?>, все поля <проска-
чет?>, домой прибежит. — Коса сено косит.
Без рук, без ног, на гору ползет. — Тесто.
Мать толста, дочь красна, сын Харабей под небеса ушел.
— Печка топится.

Под лесом, лесом висят пестры колеса, девиц украшают, а мо-
лодцов дразнят. — Серьги в ушах.

Двое стоят, двое лежат, пятый ходит, шестой водит. — Дверь.
На спичку не повесить. — Яичко.
На кровлю не забросить. — Перышко.
В <ступе?> вода, в огороде стрела, за морем огонь светит, ясно
горит. — Зеркало.

[Л. 27]. Вышел дед 77 лет, вынес внука старше себя. — Икона.
За бабушкиным двором стоит крынка с молоком. — Месяц.
Два конца, два кольца, на середке пупок. — Ножницы.
За стеной, стеной барабанчик костяной.
— Беременная женщина.

Разные замечания

Если сажа в трубе горит, будет холод.
Если сера в ушах кипит — тепло.
Глаза зудятся — плакать.
Нос зудит — вино пить.
Если правая бровь зудит, то хвалят.
Если левая — порицают.

Если собаки воют головою вверх — будет пожар.

Гагары воют, свиньи рюхают, сороки и вороны в воде купаются — будет дождь.

Если ичется — кто-то поминает.

Если полевые утки летают близко к воде, то идет морская рыба.

Если <тетеря?> влетит в дом, будет несчастье.

Если из печи, когда она топится, вылетает уголь, то будут гости.

Если во время обеда кто поперхнется, то кто-то к обеду торопится.

Если на столе окажется лишняя ложка или лишний прибор, то кто-то голоден.

Накануне Крещения Господня ставят на дверях и окнах мелом кресты для предохранения себя от шилюкунов²¹, которые на ночь Крещения выходят из воды.

Если во время лета бывают сильные громы — тот год плодородный.

Если заяц перебежит дорогу, будет худое приключение.

Если сорока клюет мох в стенах дома, то будет снег.

Если Семенов день бывает хорош, то и осень будет хорошая.

Если Благовещение бывает хорошо, то и весна будет приятна.

Если у жениха или невесты больше сгорит брачной свечи или потухнет, то лицо овдовеет.

Если брачные свечи при венчании горят светло — брачующиеся будут жить весело, если нет — то нет.

Если на небе будут видны кровавые столбы, то будет война.

Если откроется небо, надобно просить Царствия Божия. А небо открывается в зимние, холодные, лунные ночи. На небе делается необыкновенный свет, в виде двери, продолжающийся иногда очень долго. Эта дверь — райская.

Вороны прилетают <лишь> на Благовещение.

В Благовещение ничего не должно делать. Тогда и птица гнезда не вьет. Кукушка, которая вила гнездо в этот день, наказана тем, что сама не выводит детей своих.

Если кукушка сколько раз прокукует, столько лет проживет тот, который загадывал.

²¹ Шилюкуны, нечистая сила, появляющаяся на святках; так же называется разновидность святочных ряженных.

Если дитя родится в сорочке, оно будет счастливое.
Если сороки садятся на церковный крест, будет покойник.

Березов, как известно, стоит на реке Сосве. С юга впадает в нее река Казенная; такое название она получила от того, что в давние времена утонул в ней дощаник с казною (с казенными деньгами), а с севера — река Вогулка.

Не более 1¹/₂ вер. [версты — О.Н.] на юг от города стоит городище. Это древняя насыпь, на которой жили остяки. Старик говорят, что остяки имели тут городок вроде крепости для предохранения себя от набегов, а жен своих от похищения. Высота его около 4 саж., ширина 4 и длина около 10 саж. С трех сторон эта насыпь окружена довольно глубоким ручьем, который наполняется водою во время лета, а четвертой — северною — соприкасается к горе, на которой растет высокий и густой лес. К этому городищу на расстоянии 10 саж. присоединено другое, называемое малым городищем, которое как бы составляет продолжение первого, но <нрзб.> ниже его. Это городище также окружено с трех сторон водою, а северною соприкасается к большому городищу. На них, говорят, есть клады. [Л. 29] Эти насыпи никогда не были разрываемы и никаких входов не имеют. Подобные насыпи находятся в Обдорском отделе-нии, в юртах Шурышкарских, Пельваж, Войкар, построенные с тою же целию.

1. Мыс на юг от города на расст. [расстоянии — О.Н.] 1 вер. называется Киева пашня. Некогда сеяли хлеб, но безуспешно. Ныне он называется Прощальным, потому что при нем прощаются родственники и друзья, провожающие друг друга.

2. Мыс на расстоянии 2 вер. — Подувальный. На нем клад.

3. Мыс в 5 вер. — Соровой, при нем сор, т.е. низкое место, во время лета затапливаемое водою.

4. Мыс в 10 вер. — Змиев. На нем, по преданию, жили какие-то змеи. Лес на нем высокий и густой.

5. Мыс в 15 вер. — Серафимов.

6. [Мыс — О.Н.] в 20 вер. — Шайтанский. На нем стоят Шайтанские юрты. Такое название он получил оттого, что на нем в давние времена стоял шайтан — идол, которому остяки делали кой-какие приношения. И ныне для <дальных> остяков на нем

стоят священные (для них) листовенницы, в которые они кладут деньги, платки и пр.

Сверх сего соседственные с городом места: Большой и Малый могильники. При них находились остяцкие могилы. Могильная прорва; два ручья: <Ерунов> ручей, Глубокий ручей; Каменная речка; Гусева протока; <Летеева>; <Метлекова>; <Кочев>; Нестерова; Бобровка (жили бобры); высокие горы: Любим Большой и Малый (горы); Карепанова, Лаподникова речки; большое озеро (дл. 1 вер.); Остяцкая речка; Демина (ручей); Амчугов остров (на нем жил остяк старик Амчук); Чухтева речка; глубокий ручей; долгая речка; сухой ручей; могильник и Башков сор.

1854 года апреля 12 дня.

Тобольской губернии города Березова

Воскресенского собора

священник Василий Тверитин.

Об этнографическом описании г. Березова священника Василия Тверитина

Рукопись, озаглавленная «Тобольской губернии город Березов. Местные этнографические описания», хранится в Архиве Русского географического общества (РГО) в Санкт-Петербурге. Текст датирован автором 12 апреля 1854 года; автор согласно его подписи — «Тобольской губернии города Березова, Воскресенского собора священник Василий Тверитин».

Рукопись В. Тверитина стоит в ряду первых описаний города Березова. Современен ему «Описание Березовского края» Н.А. Абрамова, изданное в 1857 г. Русским географическим обществом¹. Труд Н.А. Абрамова, являющийся до сих пор одним из основных источников по истории Тобольского Севера, выполнен в ключе общестатистических (и географо-исторических) исследований того времени. Описание В. Тверитина является своеобразным дополнением к «Описанию Березовского края» в областях этнографии, фольклора, языка русских старожилов Березова. Собственно говоря, сочинение Тверитина — первое и чуть ли не единственное до сих пор монографическое, системное (имеется в виду установка на освещение разных сторон местной традиции) описание русской традиционной культуры г. Березова. На фоне других этнографических сводов и сводок середины XIX в. из разных регионов России «Местные этнографические описания», конечно, не выглядят блестящими и образцовыми с точки зрения методов народоведения. Но в области изучения культуры русских старожилов Тобольского Севера, столь недостаточно исследованной до сих пор, источниковедческое значение материалов Тверитина, тем более ранних по времени фиксации, — исключительно.

В. Тверитин, упорядочивая свои наблюдения и собирательские материалы, следует за вполне традиционной для того времени

¹ Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Записки РГО. 1857. Кн. XII. С. 330–447.

схемой описания, восходящей к программам Русского географического общества. Контекст работы Тверитина может быть отчасти восстановлен по материалам архива Тобольской духовной консистории. В нем хранится «Дело по отношению Императорского Русского географического общества с препровождением программ для исследования русской народности»². Дело начато 1 октября 1853 г. с полученного руководством Тобольской епархии «отношения» РГО (канцелярия общества завизировала документ августом 1853 г. за № 1939): оно адресовано архиепископу Тобольскому и Сибирскому Евлампии; очевидно, является типовым обращением к духовному начальству, так как отпечатано типографским способом, имя Тобольского архиепископа внесено от руки. К обращению прилагалось 25 экземпляров программы, ориентированной на системный сбор сведений по материальной и духовной культуре русских. На обращении — реляция Тобольского архиепископа от 19 октября 1853 г. за № 2532. В реляции предписывалось выявить желающих участвовать в Программе РГО среди священнослужителей епархии. В отношении Программы указывалось: 5 экземпляров оставить; 20 разослать по духовным правлениям по 2 экземпляра; в Тарское, Петропавловское, Березовское правления — по 3 экз. Также духовным правлениям рекомендовалось: «печатные экземпляры объявлений могут <нрзб.> быть пересылаемы от благочинного благочинному, дабы скорее и подробнее были узнаваемы программы». На основании этой реляции 20 октября 1853 г. был составлен указ Тобольской духовной консистории. В описываемом архивном деле хранится копия этого указа, адресованная Курганскому духовному правлению. В указе настоятельно подчеркивалось, «чтобы о желающих участвовать немедленно донести» [Л. 22 об.] епархиальному начальству. В деле содержится шесть рапортов из духовных правлений Тобольской епархии с сообщением данных сведений. Благочинный Градо-Тюменских церквей в рапорте от 26 (8?) ноября 1853 г. сообщал, что «никто не пожелал от градского духовенства» [Л. 24] и выражал собственное желание: «но я сам желаю участвовать» [Л. 24 об.]. Согласно рапорту (от 4 марта 1854 г.) из священников Туринского уезда никто участвовать в программах РГО «желание не изъявлял» [Л. 25]. Петропавловское духовное правление

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф.156. Оп. 25. Д. 125.

(рапорт от 29 марта 1854 г.) сообщало об одном желающем; Ялutorовское духовное правление (рапорт от 10 мая 1854) — о шести. Рассмотрение ялutorовского рапорта вызвало еще один организационный шаг со стороны консистории: «1854 года мая 21 дня по слушании сего рапорта Тобольская духовная консистория приказала сделать справку, какие именно священники в епархии изъявили желание участвовать в трудах Географического общества доставлением сведений от имени Архипастыря, уведомить Географическое общество согласно отношению оно́го» [Л. 27]. В деле также хранятся рапорты Тарского (от 16 сентября 1854 г.) и Курганского духовных правлений (от 4 сентября 1854 г.): от каждого сообщены сведения о трех священниках, желающих заняться этнографическими исследованиями по программе РГО.

Очевидно, Василий Тверитин стал одним из первых корреспондентов РГО среди тобольского духовенства: его рукопись датирована 12 апреля 1854 г. Что подвигло березовского священника на столь оперативное включение в деятельность Русского географического общества? Ясно одно, что без заинтересованности и особой «народоведческой» складки автора работа не смогла бы состояться. Василий Тверитин, судя по его описанию, может быть, и не всегда был на должном уровне профессиональных умений в вопросах этнографии, фольклористики и диалектологии³, но, вне всякого сомнения, проявил себя как человек дотошный и любопытный, иногда (например, в передаче преданий о кладах) очень близкий к той культуре, которую он описывает. Нам кажется, что именно его народоведческая «наивность» особенно интересна и поучительна для современных читателей, так как является производной от особой историко-культурной эпохи. Она началась именно на рубеже 1840—1850-х гг. и продолжалась вплоть до рубежа 1920—1930-х гг. Созданное в 1845 г. Русское географическое общество среди различных организационных форм научной деятельности с самого начала и всегда особое внимание уделяло

³ Наблюдения Тверитина над фонетикой местного говора, что заметно даже неискусенному читателю, далеки от профессиональной диалектологии; фактически автор описывает фонетические особенности русского языка вообще, такие, например, как оглушение звонких согласных. Кроме того, рукопись Тверитина не блещет грамотностью (чего стоит его лингвистическое наблюдение о замене «ЛН на Н»: «сонце — солндце»), что, в общем, придает ей особый колорит образца своего рода «наивной» этнографии.

массовым, как сейчас модно говорить, «сетевым» формам. Инструкции и программы, разработанные обществом, рассылались по всей России, что привело, во-первых, к возникновению единой корреспондентской сети, а во-вторых, к появлению новых качеств у народоведческого знания — его социальной мобильности, общественной востребованности, широкой распространенности. О высоком уровне «этнографизации» сознания россиян второй половины XIX в. убедительно свидетельствует огромное количество регионоведческих и народоведческих публикаций (причем зачастую высокого научного уровня) в периодике всех губерний. Принципы, открытые РГО, затем были подхвачены другими обществами и учреждениями, занимавшимися регионоведением, в том числе губернскими статистическими комитетами, архивными комиссиями, музеями и т.д. В изучении народной культуры и местной истории участвовала не горстка специалистов и краеведов, как, к сожалению, в настоящее время, а местные учителя, чиновники, врачи, священники, купцы, мещане, крестьяне⁴ и т.д. В 1920-е гг. вплоть до так называемого «погрома краеведения» «корреспондентские» формы научной деятельности продолжали оставаться ведущими; правда, была уничтожена среда священнослужителей-краеведов, при этом активно развивалась сеть школьных краеведческих кружков. В наше время региональное измерение культурной жизни и культурной истории вновь стало актуальным и значимым, но инерция унификации, идеологизации (уже не в форме советской идеологии) и организационной закрытости до сих пор не преодолена.

Конечно, среди корреспондентов РГО многие становились профессиональными исследователями и обретали свою судьбу на этом поприще; многие были введены в состав общества (с 1848 г. членом-сотрудником РГО был упомянутый Н.А. Абрамов), но все-таки наиболее важным общекультурным результатом «корреспондентской» формы работы следует признать возникновение общероссийской народоведческой (шире — регионоведческой) среды, которая была известна всем и открыта для всех. Научный

⁴ О том, как была организована «корреспондентская» деятельность Тобольского губернского музея и кто попадал в ее сферу, красноречиво свидетельствуют материалы биобиблиографического словаря В.К. Белобородова, Т.В. Пуртовой «Ученые и краеведы Югры» (Тюмень, 1997).

уровень этой среды постоянно поддерживался хорошо отлаженной «обратной связью»: программы корректировались и усовершенствовались; присылаемые материалы регулярно обсуждались, о чем сообщалось в специальных изданиях; количество публикаций (в том числе и в местной периодике) увеличивалось в геометрической прогрессии; деятельность научных обществ и их корреспондентов постоянно освещалась в газетах и журналах. В этом контексте описание Василия Тверитина — ярчайшее отражение не индивидуальных исследовательских способностей, а именно общекультурного климата, для которого познание места, в котором ты живешь или служишь, является не уделом «спецов», а долгом любого мало-мальски образованного человека⁵.

В Отчете РГО за 1850 год отчетливо сказано о масштабах общественного резонанса, который был вызван рассылкой программ и попыткой общества организовать корреспондентскую сеть: «Обществу известно, с каким живым сочувствием принята была эта программа и какую плодovitую, не только оправдавшую, но далеко превзошедшую все ожидания деятельность возбуждала на всем пространстве великого нашего Отечества. В настоящее время в ответ на нее получено уже более 600 разного рода статей или сборников статей, доставленных главнейше православным духовенством, которое возбуждается и ободряется к сему просвещенною ревностью епархиальных начальств. В статьях этих содержатся нередко драгоценные сведения и почти всегда есть что-нибудь любопытное, есть хоть какая-нибудь лепта в

⁵ Этот императив российского интеллигента (в широком смысле слова) был практически полностью утрачен в советское время. В дореволюционную эпоху написать о месте, в котором ты родился и вырос или куда тебя занесло по долгу службы, — было негласным и непререкаемым правилом. Культурная история Тобольского Севера изобилует примерами подобного рода. Х.М. Лопарев, ставший медиевистом европейского уровня, пишет книгу о родном селе Самарове, до сих пор являющуюся образцом исследований по локальной истории. В периодике XIX–XX вв. публикуются многочисленные статьи, очерки, корреспонденции о Березове (и не только!), написанные «временнообязанными березовцами» (так подписался в «Тобольских губернских ведомостях» один из их авторов), то есть чиновниками, учителями, ссыльными и т.д., более-менее длительное время прожившими в городе. См., например, о Березове: *Белобородов В.К., Пуртова Т.В.* Обь-Иртышский Север в западносибирской и уральской периодике. 1857–1944 гг.: Библиогр. указатель. Тюмень, 2000. №№ 73, 77, 88, 135–146 и т.д.

пользу Науки, столь новой как Этнография вообще, и в особенности в применении к самому важному для нас ее предмету — к народности собственно Русской»⁶.

Сохраненное нами для исторического колорита написание некоторых слов с заглавной буквы как имен собственных в данном фрагменте приобретает дополнительную смысловую нагрузку для современного восприятия. Ряд: «Епархиальных Начальств» — «Науки» — «Этнографии», — красноречиво показывает, что между наукой и Русской православной церковью не только не было каких-либо противоречий, противостояния и взаимонепонимания, что довольно часто проявляется в наше время, но, напротив, существовали отношения сотрудничества и сотворчества в едином деле познания культуры русского и других народов, населяющих Россию. Светская наука, церковь и общественность были объединены пафосом, столь точно передаваемым устаревшей (к сожалению!) формулой: «просвещенная ревность». Впрочем, дело, конечно, не в формуле — кажется, мы утратили сам пафос.

В отчете РГО за 1854 год говорилось, что в течение прошлого года «в Общество поступило статей разного содержания более 350; в том числе более половины составили статьи этнографические»⁷. Скорее всего, что среди этих материалов находились и «Местные этнографические описания» Василия Тверитина.

Текст описания В. Тверитина печатается по рукописи, хранящейся в Архиве Русского географического общества: АГО. Разр. 61. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–29.

Принципы публикации:

1. Текст публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Сохраняются некоторые особенности написания: или передающие местную диалектную специфику (в языковых материалах и фольклорных текстах), или соответствующие орфографической норме XIX в. («цынготная», «мушины», «одне» и т.д.).

2. Угловыми скобками отмечаются слова, восстановление которых было связано с известной долей трудности и проблематич-

⁶ Отчет Императорского Русского географического общества за 1850 год // Вестник РГО. 1851. Ч. 1. Кн. 1. С. 45.

⁷ Отчет Императорского Русского географического общества за 1854 год // Вестник РГО. 1855. 4.13. Кн. 1. С. 75.

ности (знак вопроса указывает на возможность иного прочтения), а также пометки «неразборчиво» (<нрзб.>). В прямые скобки заключаются пояснения и ремарки составителя; порядковые номера листов в рукописи. Круглые скобки используются самим автором.

3. В публикации сохраняется авторская рубрикация материала; в некоторых случаях авторская нумерация восстановлена составителем, на что указывают прямые скобки.

О. Николаев.

«...судьбу этих людей можно устроить лучшим образом»

Факт практически сплошной неграмотности ханты, манси и ненцев в дооктябрьское время очень широко использовался в советской исторической литературе и публицистике в пропагандистских целях. Однако этот бесспорный факт совсем не означает, что государство и общество не делали никаких усилий для просвещения малочисленных народов, именовавшихся тогда инородцами, просто факты, не укладывавшиеся в концепцию, не принимались во внимание.

Остяки (ханты), вогулы (манси) и самоеды (ненцы) и не стремились, за редкими исключениями, к грамотности; для воспроизводства жизни, протекавшей в традиционных формах среди природы, она не играла никакой роли. Но проникнутая гуманистическим духом часть интеллигенции, чиновничества, духовенства видела в просвещении важный фактор развития этих народов в исторической перспективе, улучшения их благосостояния. История сохранила ряд свидетельств о действиях как отдельных граждан, так и государственных учреждений, церкви и общественных организаций, направленных на просвещение инородцев.

Вслед за этим обзором документов приведен краткий и заведомо неполный хронологический перечень фактов этого рода. А в данной публикации в доступных нам подробностях, почерпнутых из фондов государственных архивов Омской области (ГАОО) и г. Тобольска (ТФ ГАТО), мы расскажем об одном из событий этого ряда и его последствиях.

Один из первых шагов в данном направлении сделал березовский военно-окружной начальник Г.А. Колпаковский (1819—1896), один из выдающихся администраторов Березовского края (впоследствии Герасим Алексеевич Колпаковский был военным губернатором Семипалатинской и Семиреченской областей, а в 1882 г., с образованием Степного края с центром в Омске, занял должность генерал-губернатора).

По-видимому, в 1855 году Колпаковский направил тобольскому губернатору В.А. Арцимовичу рапорт следующего содержания: «Для развития между инородцами Березовского округа образованности учреждены школы: при Кондинском монастыре и при некоторых сельских приходах. Несмотря на то, инородцы вверенного мне округа вообще неохотно отдают детей своих для обучения. Единственная причина, почему остяки не желают отдавать детей своих для обучения в русские школы, есть та, что обучавшиеся в них по окончании учения оставляются на произвол; никто не позаботится, чтобы пристроить их к месту или отдать, по крайней мере, на попечение таким людям, которые могли бы приучить их к полезным трудам и тем обеспечить их будущность. До сих пор мне не случалось видеть ни одного порядочного человека из инородцев, обучавшихся в русских школах. Никто почти из них не поступает в должности писарей, но большая часть шатается по деревням и нанимается в работники. Такой незавидный конец образования остяцких мальчиков в русских школах, конечно, отнимает охоту у остяков искать образования, между тем как судьбу этих людей можно было устроить лучшим образом, например: почему бы не определять их причетниками при сельских церквях или, еще лучше, отчего бы для большего образования не принимать хотя некоторых из них, более отличных по успехам в науках, в семинарии и оттуда, по окончании курса, выпускать в Березовский край священниками или диаконами¹. По моему мнению, это был бы самый верный путь к привлечению березовских инородцев на стезю христианства и просвещения. Чтобы предоставить обучавшимся в русских школах остяцким мальчикам какое-нибудь преимущество, я избрал еще одно удобоисполнимое средство: в проезд мой по округу выбрал четырех мальчиков, поручив для обучения фельдшерскому искусству двух — в Сургуте лекарю Пржиевскому, а двух — в Березове лекарю Зерчанинову. Те и другие оказали достаточные способности к сему назначению; но цель эта не может быть вполне достигнута, потому что как в Березове, так и в Сургуте в обеих тамошних больницах никогда не бывает большого числа больных и обучающимся не предоставляется достаточной практики.

¹ В Кондинской школе готовятся уже несколько остяцких и само-едских мальчиков к поступлению в Тобольскую семинарию, где они будут слушать полный курс наук. — Примеч. «Тоб. губ. ведомостей».

Почему я и осмеливаюсь повергнуть на благоусмотрение Вашего Превосходительства следующее мое по сему предмету представление. В г. Омске при тамошнем военном госпитале, по представлению Его Высокопревосходительства Густава Христиановича², учреждена фельдшерская школа для приготовления в оной в фельдшера казачьих детей Сибирского линейного казачьего войска. Не благоугодно ли будет Вам испросить разрешение Его Высокопревосходительства избранных мною четырех остяцких мальчиков, обученных уже читать и писать и испытанных в достаточных способностях, прислать для приготовления в лекарские ученики в учрежденную при Омском военном госпитале фельдшерскую школу?

По окончании курса наук в фельдшерской школе и по приобретении надлежащих познаний в фельдшерском искусстве означенных мальчиков назначить лекарскими учениками в Березовский край на основании 105 ст. 13-го т. уст. врач. с правами и преимуществами по службе, жалованьем и прочим довольствием, присвоенным сим должностям.

Мера эта будет иметь следующие выгоды: а) остяки, как увидят пристроенными к местам на коронную службу из среды своей молодых людей, с большею охотою будут отдавать детей в школы; в) теперь всякий больной инородец окружен все людьми ему совершенно чуждыми, с которыми без переводчика и слова сказать он не сумеет, отчего болезнь его увеличивается очень понятною тоскою, а когда лекарские ученики будут из остяков, больные будут находить утешение в разговорах с ними на своем родном языке и с большим доверием, чем русским, расскажут свою болезнь, и с) с назначением лекарских учеников из остяков не будет предстоять надобности назначать в больницу и к объездным врачам особых переводчиков».

И далее, как видно из сообщения «Тобольских губернских ведомостей», опубликовавших 5 апреля 1858 года в № 14 вышеприведенный рапорт, все пошло удивительно гладко, вопреки давно сложившемуся и вполне справедливому представлению о неповоротливости российской бюрократии (бывают же исключения из правил!). Губернатор Арцимович немедленно запросил от врача отдельного Сибирского корпуса сведения о том, сколько будет

² Г.Х. Гасфорт — генерал-губернатор Западной Сибири. — Сост.

стоять эта учеба, а от приказа общественного призрения — каким капиталом располагает Березовская инородческая больница. Оказалось, что издержки на содержание и обучение мальчиков в фельдшерской школе в течение трех лет невелики — всего 360 рублей — и с избытком могли быть покрыты за счет одних только процентов с капитала инородческой больницы. Проект был передан на рассмотрение губернского совета, который вскоре представил его генерал-губернатору.

На использование экономического капитала требовалось еще разрешение министра внутренних дел, и оно также было получено. Но еще до этого генерал-губернатор приказал доставить мальчиков в школу, не дожидаясь ответа министра, за счет главного управления Западной Сибири.

В Омск были привезены Петр Сыкалев (Ахматов) из Ваховской волости, Федор Сотворов из юрт Киняминых с Малого Югана (вся территория Сургутского края входила тогда в состав Березовского округа, занимавшего едва ли не половину территории Тобольской губернии), Иван Назин из юрт Насиных Салтыковской волости и Ипатий Игленкин из юрт Малоатлымских.

Пролетели три года учебы и городской жизни. Теперь уже не мальчики, а изрядно обрусевшие юноши окончили курс учебы и успешно выдержали испытания при Тобольской городской больнице. Колпаковский в это время еще оставался березовским военно-окружным начальником и просил Тобольскую врачебную управу направить новоиспеченных фельдшеров в их родные места. Двое из них поехали в Березов и двое в Сургут. На время службы они исключались из податного состояния; отслужив 20 лет, каждый из них мог получить классный чин³.

«Чем-то помянут эту школу наши остяцкие лекарские ученики? — спрашивал стоящий на общегуманной позиции автор цитированной выше публикации «Тобольских губернских ведомостей». — Будут ли, и долго ли будут, смотреть на нее, как на человека, который из дичи и трущобы вывел их на широкую и светлую дорогу? Оправдаются ли надежды нашего местного начальства? Трудно отвечать на эти вопросы положительно. Нас

³ ТФ ГАОО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 61. — (Недавно Тобольский филиал ГАТО переименован в Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» — Прим. издателя).

утешает, по крайней мере, каждый твердый шаг вперед по тому истинному пути, по которому должно идти образование наших инородцев. Теперь дали им своих лекарских учеников, а там найдут возможным дать им своих врачей, своих пастырей духовных, своих мастеровых, которые могли бы сделать им и хорошую винтовку, и устроить с большим удобством подвижное их жилище, а может быть, и своих местных начальников».

На это предположение частичный ответ дает публикуемая вслед за настоящей статьей сводка сообщений из разных источников, а на вопрос, оправдаются ли надежды, отвечают архивные документы, происхождение которых — прямой результат деятельности еще одного выходящего сибирского администратора Николая Геннадьевича Казнакова (1824–1885). Став генерал-губернатором Западной Сибири, он заинтересовался результатом этого необычного опыта и направил тобольскому губернатору Ю.П. Пелино запрос о судьбе четырех остяков, ставших лекарскими учениками. Полученные в ответ сообщения позволяют проследить в общих чертах судьбу каждого из них.

Самым коротким оказался жизненный путь ваховского остяка *Петра Сыкалева* (он же Ахматов). К 1877 году, когда поступил запрос Казнакова, о нем уже успели забыть, и сначала поступило невнятное сообщение, что «Сыкалев, находясь на службе в г. Сургуте, умер в конце 1859 г. или начале 1860 года». Позднее было найдено извещение березовского объездного врача Юрцевича, направленное в Тобольскую врачебную управу 4 октября 1862 г., о том, что младший лекарский ученик Сыкалев умер 15 сентября того же года от тифозной горячки⁴.

Служба *Ивана Григорьевича Назина* была довольно продолжительной. К исполнению фельдшерских обязанностей он приступил 15 марта 1858 года в должности младшего лекарского ученика Березовской инородческой больницы, потом был переведен в обдорское отделение. Сначала он как будто подавал надежды и поощрялся: в марте 1863 года был награжден 30 рублями серебром, в этом же году назначен старшим лекарским учеником, но в 1873 г. разжалован в младшие. В 1875 году Назин был перемещен в То-

⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13336. Л. 10; ТФ ГАТО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 61. Л. 103.

больск и в начале следующего года командировался в Карачинскую волость для прекращения эпидемии оспы. Вскоре после его прибытия на место назначения Тобольское окружное полицейское управление донесло врачебной управе о его предосудительных поступках: Назин пьянствовал, буянил, в деревне Шульгиной, остановившись на ночлег в доме крестьянина Вакарина, украл серебряные женские сережки. В августе 1876 года тобольский окружной врач докладывал врачебной управе о том, что его помощник, несмотря на все убеждения, «не отстает от этого порока, по которому подпал под суд, а вчерашнего числа посажен тобольским городовым полицейским управлением в полицию как пьяный и буйный человек, взятый на рынке, и, вероятно, подпадет судебному следствию». «По таковому поведению, — резюмировал окружной врач, — [Назин] вовсе бесполезен как для Тобольского округа, так равно и [для] врача». В этом же месяце медицинская карьера Назина закончилась. Он был уволен в отставку и, как не выслуживший срока, дающего право на производство в первый классный чин, зачислен в тобольские мещане⁵.

Негладко шла и служба *Ипатия Созоновича Игленкина*. Начав ее в Березове, в 1863 г. он был переведен в Кондинскую дистанцию и там в декабре 1872 года подал в отставку, мотивировав этот шаг «домашними обстоятельствами» и указав, что рассчитывает заняться частной практикой. Возможно, к этому подтолкнула его обида: прослужив в обширной по территории Кондинской дистанции почти десять лет, он, несмотря на неоднократные обращения к березовскому врачу, ни разу не получил вознаграждения за обслуживание сосьвинской и ляпинской местностей, требовавшее дальних поездок.

С января 1873 года Игленкин был, согласно его прошению, уволен и причислен в «первобытное состояние» в родные юрты Малоатлымские. Возвращение в податное состояние он воспринял как несправедливое и 10 февраля 1873 года писал березовскому окружному врачу: «На основании каких именно законоположений я после безукоризненной моей пятнадцатилетней службы Его Императорскому Величеству должен опять приписаться в первобытное состояние, для меня совершенно неизвестно, и врачебная управа, давая такое заключение, не удостоила подвести в своем

⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 61. Лл. 27, 38–39, 53, 78–79, 92–93.

заклучении те узаконения, которые я, безусловно, в этом случае обязан исполнить». И далее просил врача выяснить, на достаточных ли основаниях его обязывают приписаться в податное состояние и может ли он заниматься вольной фельдшерской практикой. На письме есть чья-то резолюция: «Представить в подлиннике в управу и просить ее ходатайства об увольнении из первобытного состояния или объяснения Игленкину о невозможности сего». В середине 1873 года Ипатий Игленкин был принят лекарским учеником в качестве вольнонаемного.

Примечательна характеристика, данная Игленкину березовским окружным врачом Крживицким в марте 1877 года: «Лекарские ученики из остяков Сотворов и Игленкин... более или менее удовлетворяют своему назначению, к занятию фельдшерских должностей способны, в особенности Игленкин, который как своими познаниями, так и вообще своею ловкостью и природною понятливостию мог бы приносить большую пользу службе, — к сожалению, он очень привержен спиртным напиткам, в пьяном виде весьма буйного характера, даже дерзок до крайности». При этом Крживицкий особо отмечал одно бесспорное преимущество фельдшеров-остяков перед русскими: зная язык соплеменников, они «не нуждаются в переводчике и могут вернее узнать их недуги и определить правильное заболевание, нежели те, которые нуждаются в переводчике».

Увольнение от службы было, видимо, с житейской, практической точки зрения, ошибкой Игленкина: он, как сказали бы теперь, «потерял стаж», какие-то другие выгоды служебного положения. Проработав восемь с половиной лет в качестве вольнонаемного старшего лекарского ученика, 15 декабря 1881 года он послал прошение на имя государя о приеме его на службу, в котором просил зачислить в стаж и те годы, в которые трудился по вольному найму. Неизвестно, была ли уважена эта просьба, но врач Крживицкий поддержал его, высказавшись за то, чтобы «дать Игленкину единовременное пособие за его деятельные занятия в столь огромной дистанции, как Кондинская, частые разъезды». «Ныне он исправился, — писал врач, — и по своим познаниям как прежде был, так и теперь небесполезен для службы»⁶.

⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 61. Лл. 115–116, 157–158, 163–164, 174.

Федор Осипович Сотворов по окончании фельдшерской школы получил направление в Сургут. В архивном деле нет документов, свидетельствующих об этом начальном периоде его медицинской деятельности, но в метрических книгах сургутской Троицкой церкви имеются записи о рождении его дочерей: Варвары в 1865-м и Федосьи в 1867 г. Позднее он был переведен старшим лекарским учеником в Елизаровскую дистанцию Березовского округа с местом жительства в селе Елизаровском. В сентябре 1876 года от инспектора Тобольской врачебной управы Сотворов получил предложение переехать в Сосьвинскую дистанцию. 12 февраля 1877 года он ответил, что согласия на этот перевод не изъявляет ввиду дороговизны жизни в Сосьвинском крае и желал бы перевестись на эту же должность в села Юганское или Нижне-Лумпокольское — в его родные места.

Как раз в это время врач Крживицкий так характеризовал Сотворова в рапорте Тобольской врачебной управе: «... Сотворов мало сведущ, но одарен природною сметливостию, забывчив, зато не очень привержен к спиртным напиткам и в избытке употребляет их редко, тихий и покорный, а по своей забывчивости не всегда исполнительен».

Неоднократные просьбы Федора Сотворова были наконец уважены, и, по-видимому, в начале 80-х годов он получил перевод в село Нижне-Лумпокольское на место назначенного туда выпускника Омской фельдшерской школы Ивана Корепанова, пожелавшего переехать в родную ему Елизаровскую волость.

В конце 1884 года по селениям бассейна реки Вах распространилась корь. В декабре сургутский окружной врач Бончковский просил врачебную управу послать туда опытного фельдшера. Управа в конце января следующего года постановила направить на жительство в центр Ваховской волости, село Ларьякское, из Нижне-Лумпокольского Сотворова. Неизвестно, когда до него дошло это постановление, но только в марте Сотворов докладывал письменно сургутскому окружному врачу, что, имея жену и малолетнюю дочь, он не может немедленно отправиться за тысячу верст на жительство в местность, куда все жизненные припасы доставляются сургутскими купцами лишь два раза в год и где нет ни родных, ни знакомых, на чью помощь можно было бы рассчитывать; прежде чем тронуться в путь, ему необходимо за-

пасть продовольствием для семьи. Ввиду этих обстоятельств Сотворов просил разрешить ему задержаться в Нижне-Лумпокольском до 15 мая.

Так неспешно и решился по условиям Тобольского Севера того времени вопрос о подаче экстренной медицинской помощи ваховским осякам. Сотворов переехал в Ларьяк весной 1885 года. 10 февраля 1887 года он писал оттуда сургутскому городовому врачу, что прослужил на новом месте уже один год и девять месяцев и из-за трудностей жизни семьи в ларьякских условиях просит о переводе фельдшером в Сургут⁷.

После знакомства со всеми затребованными и полученными сведениями генерал-губернатор Казнаков 17 июня 1877 года писал тобольскому губернатору Пелино: «Имея таким образом в виду очевидную пользу от увеличения между осяками лиц, сведущих в первоначальной медицине, из их же племени, дабы тем самым открыть осякам с большим доверием доступ к медицинской помощи, долгом считаю просить Ваше Превосходительство чрез посредство ближайших начальствующих лиц внушить осякам несомненную пользу от обучения малолетних из их племени фельдшерскому искусству и должным влиянием подвинуть их на помещение своих мальчиков в Омскую фельдшерскую школу с ежегодной платою по 200 руб. на счет общественных сумм...».

13 ноября 1877 г. Пелино докладывал Казнакову, что, по донесениям тобольского и сургутского окружных исправников, общества инородцев отказались посылать своих стипендиатов, ссылаясь на бедность, а 20 ноября — о таком же донесении туринского исправника. Генерал-губернатор в ответ на это просил продолжить работу с инородческими обществами. 24 октября 1878 года новый тобольский губернатор В.А. Лысогорский сообщил в первое отделение Главного управления Западной Сибири, что в Омскую фельдшерскую школу 8 августа отправлены с нарочным два мальчика: упоминавшийся выше сын крестьянина Иван Корепанов и инородец Василий Хороля⁸.

Документы собрал и прокомментировал В. Белобородов.

⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 61. Лл. 115–116, 118–119, 178–179, 182–184, 194–195.

⁸ ГАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13336. Лл. 11–12, 16–17, 24.

Просвещение инородцев в XIX — начале XX вв. (Несколько дат и фактов)

1804 г. Вышел указ Тобольской духовной консистории о переводе молитв на остяцкий язык (ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 5. Д. 1807).

1820 или начало 1821 г. Из Тобольска в Санкт-Петербург в Библейское общество отправлены переводы на вогульский язык Евангелия, символа веры и заповедей, выполненные служившими при вогульских церквях причетниками братьями Григорием и Георгием Поповыми. Духовная цензура признала переводы неудовлетворительными, но позднее зарубежные исследователи дали им высокую оценку. Так, венгр П. Гунфальви включил перевод Евангелия от Матфея и от Марка в свою книгу «Страна и язык вогулов». Он же опубликовал статью «Кондинско-вогульский язык на основе перевода Г. Попова».

1837 г. С севера Тобольской губернии перемещен в Тобольск для занятия переводами выпускник местной духовной семинарии священник Лука Вологодский. Здесь он составил словарь обдорского диалекта остяцкого (хантыйского) языка и перевел Евангелие. Финно-угровед академик Шегрен выразил признательность автору за качественные переводы и словарь.

1842 г. При Кондинском монастыре учреждены духовная миссия и при ней инородческое училище (*Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882. Сургут, 1993. С. 319).

Начало 1840-х годов. Торгующий крестьянин Василий Васильевич Сургутсков открыл три сельские школы. Земский заседатель А.В. Титов, служивший в 1870-е годы в Кондинской волости Березовского округа, свидетельствует: «Под влиянием своих светлых идей и окружающей темной обстановки он вздумал частным путем сделать что-нибудь полезное для края и начал именно с главного — принялся за распространение грамотности в народе как среди инородцев, так и крестьян. Он открыл

одновременно на свой счет три бесплатные школы, а именно в селах Мало-Атлымском, Сухоруковском и Самаровском... Нанявши помещения для школ, омебелировав их и заручившись согласием учителей, он вошел в сношение с московскими книгопродавцами, которые и стали доставлять ему все необходимые учебные пособия. Прямыми сотрудниками по открытым школам были местные причты» (*Титов А.* Где тонко, тут и рвется // Подорожник; Краевед, сборник. Вып. 1. Тюмень, 2002. С. 91–92).

1844 г. В Тобольске состоялась встреча венгерского исследователя Регули с сыном последнего кондинского князя Александром Ивановичем Сатыгиным, во время которой последний подарил Регули вогульские переводы. Сатыгин, получивший русское воспитание, в это время служил в Тобольске учителем (*Панай Й.* Божество слова. Сургут, 1993. С. 19–20).

1845 г. Священник юганской Богоявленской церкви Иван Яковлевич Тверитин награжден «архипастырскою признательностью за обучение остяцких детей и содержание их на свой счет», а в 1847 г. за это же — благословением Святейшего Синода (ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 24. Д. 299).

1846–1847 гг. Тобольской духовной консисторией рассматривался вопрос об убеждении инородцев разных волостей Березовского округа к отдаче детей для обучения в Кондинский монастырь (ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 70).

1851 г. Тобольское общее губернское управление завело «Дело по отношению архиепископа Тобольского и Сибирского Георгия об отводе места под училище в крепосце Обдорской для инородческих детей» (ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 31. Д. 532).

1853 г. В Тобольскую духовную консисторию поступило отношение Главного управления Западной Сибири по предмету введения образования между сибирскими инородцами (ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 127–IV).

1853 г. По свидетельству Н.М. Ядринцева, в этом году шла обширная переписка по вопросу о средствах, на которые должны быть создаваемы школы для инородцев. «Любопытная эта переписка привела к тому заключению, что создание школ на счет инородцев невозможно и неосуществимо ввиду крайне жалкого быта и бедности большинства, находящегося в положении дика-

рей, и что всякие новые налоги и тягости угрожают им окончательным разорением» (*Щеглов И.В. Указ. соч. С. 342*).

1858 г. Летом финский ученый Август Алквист посетил Кондинский монастырь. «В монастыре действует школа, — писал он. — Не без интереса я смотрел в классе на этих маленьких полярных дикарей, обучающихся чтению и письму по-русски. Хвалили как их поведение, так и сметливость, называли имеющими хорошие задатки самоедских детей». «В течение дня, проведенного в монастыре, — читаем далее, — я получил от его настоятеля подарок, который чрезвычайно ценю как благословение, которое он дал мне на дорогу, а именно русско-остяцкий словарь в рукописи» (*Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки. Томск, 1999. С. 53*).

1865 г. Березовский купец Степан Плеханов пожертвовал дом в селе Сартыннинском для помещения в нем инородческой школы (ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 41. Д. 348).

1867 г., август. Священник Обдорской духовной миссии Александр Тверитин записал в путевом дневнике: «Беседа наша с инородцами состояла о необходимости учения их детей грамотности; но чувства к этому делу инородцы совершенно не оказывают; говорят: предки их не были грамотны, не учили своих детей, а так же жили; поэтому и они не согласны учить своих детей...» (Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии: 60—70-е гг. XIX в. Тюмень, 2002. С. 89).

1868 г. Дозволено сибирским инородцам поступать в I класс гимназий и прогимназий до 15-летнего возраста включительно (*Щеглов И.В. Указ. соч. С. 382*).

1868 г. Курс Тобольской духовной семинарии окончил Николай Герасимович Герасимов из самоедского рода Югомпелик. 29 августа этого же года он прибыл в Обдорск и был назначен в Тазовский миссионерский стан, куда отправился 16 сентября 1870 г. В 1874 г. по его просьбе освобожден от должности миссионера и отозван в Тобольск для объявления нового назначения, но по дороге в сентябре 1874 г. умер и был похоронен на кладбище с. Бронниковского (Путевые журналы... С. 211—212).

1871 г. В Тобольское губернское управление поступило донесение сургутского окружного исправника об открытии в Сур-

гутском округе инородческих училищ и ассигновании их деньгами (ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 41. Д. 403).

1877 г. Финскому ученому Августу Алквисту во время его путешествия по Березовскому округу помогали в изучении хантыйского языка местные ханты Семен Морохов, обучившийся читать и писать по-русски в Кондинском монастыре, Андрей Собрин, учившийся в окружной школе в Березове и потом служивший писарем самоедской общины в Обдорске, и житель Большого Атлыма Михаил Лазарев, бывший воспитанник Кондинского монастыря, впоследствии поступивший на службу вакцинатором.

Примечателен следующий отзыв А. Алквиста: «В самом монастыре содержится школа, где полдюжины остяцких и самоедских детей учатся читать и писать по-русски, их обучают также счету и религиозной истории, при этом они привыкают к внешним обрядам культа. Можно бы поддаться вере в то, что эти монастырские ученики или, по крайней мере, самые одаренные из них будут использованы для распространения и укрепления христианства среди своих земляков, ибо вследствие целенаправленного воспитания они будут годиться на это лучше, чем русские миссионеры, которым трудно изучить язык аборигенов; однако этого нет. Монастырь, кажется, стремится лишь к тому, чтобы денационализировать доверенных ему учеников и довольствуется привитием им вышеназванного небольшого объема знаний. После окончания курса воспитанник становится в лучшем случае вакцинатором, младшим писцом и т.д.» (Алквист. А. Указ. соч. С. 124).

1894 г. Выпущен из пятого класса Тобольской духовной семинарии, рукоположен в сан священника и направлен в Обдорск помощником настоятеля духовной миссии Василий Николаевич Герасимов (1870–1901), сын священника-миссионера Н.Г. Герасимова (см. выше). В 1896 г. переведен в с. Щекуринское Березовского округа, где прослужил до конца жизни. Работал над русско-остяцко-самоедским словарем, собрал для Тобольского губернского музея, с которым активно сотрудничал, коллекцию предметов вогульского быта, исследовал динамику численности вогулов по Щекуринскому приходу за 1876–1895 гг., писал из Обдорска и Щекурьи корреспонденции в губернские газеты.

1894 г. Назначен учителем церковно-приходской школы в село Шеркальское Березовского округа Охранов Алексей Григорьевич, родом из хантыйских юрт Низямских, воспитанник образцовой школы при Тобольской духовной семинарии (Хроника // Тоб. губерн. вед. 1894. № 40. С. 810). В 1902 г. был назначен учителем Обдорской школы, позднее стал священником. В 1908–1919 гг. — священник няксимвольской Никольской церкви. В 1921 г. расстрелян в Березове как противник советской власти.

По данным переписи населения 1897 г., среди воспитанников тобольского Знаменского монастыря было двое Охрановых, уроженцев Березовского округа, Василий Григорьевич и Павел Васильевич.

1898 г. Издана азбука на хантыйском языке «Книга для обучения хантыйских детей писать и читать», составленная помощником настоятеля Обдорской духовной миссии священником И.Е. Егоровым. Кроме этого, для занятий в инородческой миссионерской школе он подготовил рукописные материалы для чтения на хантыйском языке, работал над составлением книги для чтения, в которую вошли 18 басен, сказок и рассказов, заимствованных из русских книг для школьного чтения (Отчет Тобольского комитета Православного миссионерского общества за 1898 г. // Православный благовестник. 1899. № 23. С. 136–137). Составил азбуку на ненецком языке, изданную в 1900 г. (Отчет Тобольского комитета миссионерского общества за 1899 г. // Тобольские епархиальные ведомости. 1900. № 11. С. 21).

Получал церковные награды 22 февраля 1899 г. за труды по организации на новых началах инородческой школы Обдорской миссии и 9 августа 1904 г. — «за труды по переводу листов и книг Св. Писания на инородческие языки при Обдорской миссии» (ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 24. Д. 566. Лл. 108–109).

См. об И.Е. Егорове: *Лагунов К. Иринарх*. Сургут, 1993. С. 75–80.

1899 г. «Из группы остальных хозяев особенный интерес вызывает рыболовная колония инородческого пансиона с миссионером священником о[тцом] Иоанном Егоровым во главе. Последнему принадлежит и мысль организации колонии из учеников пансиона, оставшихся в нем на лето, и ее осуществление. Можно пожелать преобразованию в будущем этой колонии в образцо-

вую рыболовную станцию. Она сыграла бы большую роль для всего низовья Оби, т.к. в настоящее время все эти 50 хозяев, как и всем известно, заняты не чем иным, как порчей сибирской рыбы, уничтожением ее общепризнанных высоких качеств, обесцениванием товара». («Сибирский листок», 29 июля).

1901 г. «Березовский купец Степан Трифонович Окунев подал заявление смотрителю Березовского уездного училища о желании своем учредить при училище 2 стипендии, по 75 рублей в год каждая, для содержания двух учеников из инородцев, которые, по окончании курса в сельском училище, пожелали бы продолжить учение в уездном училище. В настоящее время в уездном училище учащихся из инородцев нет ни одного человека; надо полагать, что впоследствии, может быть, даже с будущего года, найдутся желающие получить стипендию Окунева, и, таким образом, со временем из инородцев явятся хоть несколько человек, которые могли бы занять места сельских учителей и пр.» (Сибирский листок. 1901. № 14).

1902 г. «Тобольские епархиальные ведомости» в №№ 9, 10 и 14 опубликовали «Опыты переложения церковных молитв, песнопений, символа веры и вопросов на исповеди на остяцкий язык среднеобского и сургутского наречий». Перевод выполнен священником юганской Богоявленской церкви (село расположено близ Сургута) еще в 1872 г. Аналогичные «Опыты переложения...», составленные заштатным священником Нижне-Лумпокольского прихода Сургутского уезда Филиппом Тверитиным, опубликованы в № 12 этого же издания, а «Опыты», выполненные священником ваховской Богоявленской церкви Василием Вергуновым — в № 14.

1903 г. Вышла в свет «Азбука для вогул приуральских», составленная епископом Никонором при участии Паутова, священника П. Мамина, В. Федоровского и вогула Никиты Бахтиарова и изданная Екатеринбургским епархиальным миссионерским комитетом в Москве (Тобольские епархиальные ведомости. 1905. № 2).

1904 г. По инициативе сургутского уездного исправника Г.А. Пирожникова открылась школа в селе Ларьякском, учителем в нее был приглашен выпускник Тобольского уездного училища Г.М. Дмитриев-Садовников. В 1906 г. в школе обучалось 7 русских детей и 16 ханты, среди них три девочки.

«Учение пришлось начинать при тяжелых условиях, — писал «Сибирский листок». — Учитель не знал остяцкого языка, ученики — русского. Тем не менее учителю удалось их научить читать по звуковому способу сначала остяцкие слова, написанные русскими буквами, а потом и русские; теперь ученики научились по-русски, а учитель по-остяцки. Учебников два года не было, учились по рукописным.

Дети очень привязались к школе и к учителю, с которым проводят свободное от занятий время в лесу на охоте и на рыбной ловле. Будучи знаком с рисованием, учитель ввел преподавание рисования в школе к большому удовольствию учеников. Ученики очень любят читать, но читать до сего времени было нечего, кроме учебников. Школа зимою пользовалась волшебным фонарем, и тесное ее помещение битком бывало набито остяцким народом, по картинам знакомившимся со священной историей, русской историей, с невиданными городами и чудесами природы. Дети оказались очень способными к учению, любознательными. К школе льнут и взрослые, ходят к учителю, любят смотреть картинки в «Ниве» (Внутренние известия. Сургут // Сибирский листок. 1906. 24 авг.).

В 1908 г. при школе открылась кузнечно-слесарная мастерская, ее изделия в 1911 г. отправлялись на первую Западно-Сибирскую сельскохозяйственную, лесную и торгово-промышленную выставку в Омск.

1907 г. «Школьный отдел» (приложение к «Тобольским губернским ведомостям») в № 5 сообщил, что почетный блюститель Мало-Атлымского сельского одноклассного училища Андрей Прокопьевич Андреев, принявший на себя эту обязанность с 1 мая 1904 г., на свой счет произвел ремонт училищного здания и заявил о готовности открыть при училище приют для остяцких детей. В 1910 г. за деятельность в должности почетного блюстителя А.П. Андреев награжден серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте.

23 августа 1907 г. директор народных училищ Тобольской губернии Г.Я. Маляревский представил попечителю Западно-Сибирского учебного округа проект открытия передвижных народных училищ в северных уездах Тобольской губернии. Согласно проекту школа должна была открываться на два года и затем

переводиться в другое селение. В Тобольском уезде в то время уже работали четыре передвижных училища, хорошо себя зарекомендовавшие. Директор училищ просил о дополнительных ассигнованиях для открытия с 1 сентября 1909 г. передвижных училищ Министерства народного просвещения в Обдорской волости и в юртах Немчиновских, Ювашкинских и Чалтымовских Локо-совской волости.

1910 г. «Тобольские епархиальные ведомости» в № 16 опубликовали статью уроженца г. Березова священника Зосимы Георгиевича Козлова «Исторический очерк одноклассной церковно-миссионерской Кондинской школы за шестьдесят пять лет (с 1844—1909 г.) ее существования». В 1900-е гг. З.Г. Козлов был священником кондинской Троицкой церкви и заведовал этой школой.

1911 г. Статья этого же автора «Об инородческом севере» напечатана в № 15 «Тобольских епархиальных ведомостей». В ней подробно рассматриваются проблемы просвещения инородцев (См.: Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 2. Ханты-Мансийск, 2002. С. 26—31).

Жертва

(Из жизни вогулов)

Посвящ. П. В. П-й

Около трех часов короткого декабрьского дня я окончил ежедневный прием больных и только что намерен был отдохнуть от треволнений этого дня, как вдруг в дверь моей комнаты кто-то сильно и с нетерпением постучался. Я сбросил крючок с двери, отворил, и в нее ввалилась огромная туша вогула в сером оленьем совике с кучею снега на пимах. Он плотно запер за собою дверь, отряхнул с ног снег и, протягивая мне руку, произнес приветствие.

— Пайся, пайся, рума, — ответил я ему, пожимая его холодную мозолистую руку. — Что скажешь, приятель?

— Моя, рума, пришла тебе просьба больша: брат болит, тэрбината.

— А, лекарства надо? Ну так что ж, изволь. Только проводи брата сюда.

— Атим... Брат далеко... юрта есть. Ты сама смотри...

— А давно он хворает?

— Гот-тва есть, — ответил он.

— Хорошо, рума. Пойди скажи есаулу, чтобы он нарядил мне сейчас подводу, вместе и поедем.

— Вот спасибо, рума! — обрадовался он и быстро шмыгнул в дверь. — Емас, рума, хум... мала-мала славна, — продолжал он, уже запирая дверь моей комнаты.

Через полчаса к крыльцу моей квартиры бойко, побрякивая бубенцами, подбежала тройка серых с большими ветвистыми рогами оленей, запряженная в небольшую легонькую нарту в виде кошевки.

До Хурум-паульских юрт, где жил больной, было верст сорок. Когда мы тронулись в путь, было уже совсем темно.

От толчка внезапно остановившейся нарты я проснулся и открыл глаза, думая, что мы уже приехали, но кругом была тьма.

Ночь окутывала своим темным бархатистым широким покрывалом громаду леса, и усеянный мигающими звездами небосклон, словно громадная чаша, опрокинулся над заснувшей окрестностью. Ничто не нарушало тишины тайги, кроме храпа уставших оленей да похрустывания снега под ногами моего ямщика; он ходил вокруг оленей, поправляя на них сбившуюся сбрую и отрясая с их шерсти снежную пыль. Через несколько минут мы снова поехали. Густой кедровый бор постепенно стал редеть, через его чащу то тут, то там замелькали огоньки, и наконец мы выехали на небольшую поляну, окруженную высокой стеной леса. Кроме искр, вылетающих из труб чувалов и прорезывающих ночную мглу, словно метеоры, ничего не было видно, и если бы не эти искры и вдруг раздавшийся лай вогульских собак, трудно было бы подумать, что эта небольшая лесная поляна, приютившаяся в дремучей тайге северо-восточного Приуралья, кем-либо обитаема — до того было тихо кругом.

На скрип останавливающейся нарты и дружный лай собак из маленькой лачужки, едва отделяющейся от темной стены леса, показался с горящею лучиной вогул. Мы поздоровались и в сопровождении ямщика пошли в юрту. Пылающий в чувале костер освещал красноватым дрожащим светом всю внутренность лачужки. Она небольшая, без потолка, с грязным деревянным полом, закопченными стенами, около которых ютились широкие нары, перегороденные на клетушки; в одной из стен — небольшое окно, в которое с трудом может пролезть пятилетний ребенок, вместо стеклянной рамы в него вставлен толстый кусок прозрачной льдины. По стенам развешаны разные охотничьи принадлежности — ружье с кремневым замком, окровавленные стрелы, луки с опущенной тетивой, словом, целый арсенал вогульского оружия. Над нарами в переднем углу висит образ Святителя Николая, особенно обожаемого, тут же приклеены листки местного Братства с изображением Дмитрия Солунского, около него — лубочная картинка императорской четы, и над всем этим возвышается маленький закоптелый сундучок с таким же барабаном — принадлежностью шамана.

В юрте, кроме молодой вогулки, вогула, встретившего нас, ямщика и больного, метавшегося в жару в одном из отделений нар, никого не было.

Я сбросил совик, велел принести из нарты ящик с медикаментами и подошел к больному. При первом взгляде на него я сразу определил, что имею дело с жертвою чахотки в последнем ее периоде. Смерть глядела уже в глаза больному, через несколько часов, а может быть, и минут, он должен проститься со всем тем, что дорого его сердцу в этой юдоли страданий и слез. Я не мог оторвать взгляда от этого изможденного страданиями лица, а также и от обстановки, окружающей больного. Тело его покрыто каким-то рубищем, утеравшим давно свое название. Несчастный бредил лесом, охотой на лося, на оленя. Изредка прорывался вздох, полный отчаяния, то слышалось в его словах негодование, то проклятия кому-то, и мне почему-то показалось, что его проклятия падают и на мою голову. Я готов был бежать отсюда, но долг повелевал мне делать противное. Мне захотелось побороться с его смертью, но там, где уже видна была власть не от мира сего, я был бессилен со своими ничтожными знаниями и только кое-как привел его в сознание. Он открыл глаза, и в них проглядывала еще яснее для меня близкая смерть.

Больной с недоумением обвел угасающим взором окружающих и остановился на мне.

— Лекарр... спасибо, — произнес он, — позно, мне жить нету... нада жертва...

И затем он обратился к брату, вошедшему в это время в юрту, с просьбою, чтобы тот призвал шамана. Через несколько минут в юрту вошел высокий седой старик с морщинистым лицом. Его покрасневшие глаза светились каким-то особенным блеском, очевидно, он находился в нервном возбуждении. Поздоровавшись со всеми и узнав, для чего призван, он тотчас же снял с полки барабан, надел на себя дорогой парчовый халат и приступил к врачеванию.

Резкий удар по барабану раздался, как отдаленный раскат грома, все присмирели и расселись по нарам. Еще удар, другой, третий... и наконец один за одним полились зловещие звуки барабана в аккомпанемент дрожащего старческого голоса. Шаман все более и более воодушевляется, голос его становится громче, тверже, тело его начинает судорожно вздрагивать, рука делает сильные взмахи и все быстрее и быстрее ударяет по барабану, извлекая из него попеременно с дробью какие-то страшные, гипноти-

зирующие звуки. Чувствую, что я словно засыпаю, а вместе с тем звук барабана становится все тише и тише. Ярko пылавший до того времени огонь в чувале постепенно стал гаснуть и, наконец, вдруг с треском и шипеньем погас. Нас окружила страшная темнота. Звук барабана слышался уже где-то вдали. Я хочу достать спичку, зажечь ее, но руки не повинуются мне... Но вот звук барабана совсем замер... Мне жутко, я прижимаюсь к перегородке нар, напрягаю все свои силы, чтобы прийти в нормальное состояние... Вдруг в могильной тишине раздается чей-то тяжкий вздох. Воздух словно заколебался. Наконец пронесся тихий, отдаленный, но внушительный голос. Это говорил шаман. Он кончил сношения с Торм и теперь объявляет о жертве, требуемой богом. Он требует ту лошадь, которую в прошлом году больной приобрел за семьдесят рублей, он просит его любимую лошадь, именно ту, ради которой владелец ее подвергался всевозможным лишениям, за которую ему пришлось вместо денег отдать три больших медвежьих шкуры, добытых им на «Камне» (Урале). Только тогда, после этой жертвы, больной может надеяться на выздоровление. Да, дорога жертва, но дорога и жизнь больному. Он соглашается. И вдруг все оживилось: мне стало так легко, все заговорили, зашевелились, а в чувале весело вспыхнул огонек, облизывая своими языками сухие, заново подложенные дрова.

На сцену явился еще сундук, довольно внушительных размеров, его вытащил откуда-то брат больного и отомкнул. Шаман, открыв ящик, стал вынимать из него окровавленные веревки, сабли, длинные большие ножи, копья, стрелы со стальными наконечниками и многие другие принадлежности жертвоприношения. В это время близ самых дверей юрты раздалось ржание лошади. Я вышел на улицу. Тут уже пылал громадный костер, который окружали все обитатели Хурум-пауля. Теперь, при багровом свете костра, эта поляна казалась совсем другою: ее окружал небольшой кедровый лес, и штук до десяти разбросанных жалких лачуг выделялись черными пятнами на белом снежном саване поляны.

Стоявшие на поляне люди о чем-то разговаривали, ежеминутно указывая на привязанную к столбу около костра хорошую вороную, заводской породы, лошадь. Вдруг отворилась дверь юрты, и оттуда показался шаман в блестящем халате с целою охапкою оружия. Говор моментально стих, народ расступился, давая дорогу

шаману. Последний осторожно положил оружие, взял из этой кучи толстую крепкую веревку и связал лошади передние ноги, затем, обратившись к окружающим, он приказал им сделать то же и с задними ногами. Когда это было исполнено, шаман накинул на шею лошади петлю и при всеобщем геме и крике «Гой!» стали давить несчастную, а некоторые из вогулов бросали в нее копья, пускали стрелы. Лошадь попыталась было вырваться на свободу, но веревки были крепки, и она повалилась на землю, после чего на нее тотчас же посыпался град ударов саблями, ножами, копьями и стрелами... Лошадь бьется уже в предсмертной агонии, а шаман благоговейно обращается к северу и произносит заклинание...

Вдруг внутри юрты раздается душераздирающий крик, и вслед за этим из нее выбежала молодая женщина — жена больного — с извещением, что он покончил расчеты с жизнью. Все ахнули как один человек. Я видел, как шаман судорожно вздрогнул и со злостью ударил себя в грудь: он принес напрасную жертву — она негодна Торм. И снова жертвы — жертвы погребения!..

Я уехал из Хурум-пауля, оставив там спешные приготовления к новому жертвоприношению, и когда, отъехав порядочное расстояние от селения, оглянулся, то над тем местом, где должны стоять юрты, небосклон был окрашен багровым заревом громадного жертвенного костра и оттуда чуть слышно доносилось: «Гой!».

Л. Кориков.

(Сибирь. СПб. 1898. 1 февр.)

Помогли экспедиции

В Государственном архиве г. Тобольска в фонде Тобольского общего губернского управления мое внимание привлекли два заголовка за 1909—1911 гг. Первый — «О представлении к награде Ямзина и Тарасова за заслуги их перед Императорской Академией наук» — и второй — «По представлению обдорских зырян Витязева и Конева к Высочайшим наградам Императорской Академии наук».

Оказалось, что эти документы связывает одно и то же событие, а именно — экспедиция геолога О.О. Баклунда для исследования Полярного Урала в марте 1909 года, которая проводилась на средства братьев Кузнецовых под покровительством Императорской Академии наук.

Кто такие Ямзин, Тарасов, Витязев и Конев? Лев Никифорович Ямзин был березовским уездным исправником, а Василий Никифорович Тарасов — приставом 2-го стана Березовского уезда.

При проведении вышеуказанной экспедиции Ямзин и Тарасов старались оказать всяческую помощь геологам. Нашли перевозчиков-оленьщиков с необходимым для экспедиции количеством оленей, следили за доставкой зимою груза в Обдорск, заказывали провизию, наблюдали за добросовестным исполнением этих заказов, организовали два склада по пути экспедиции на Урал, а при возвращении экспедиции «ликвидировали ее дела».

«Ямзин и Тарасов служебных и личных качеств отличных и вполне заслуживают наград», — так характеризует их тобольский губернатор в ответ на запрос департамента полиции.

Не только местные власти оказывали экспедиции столь широкое содействие, но и жители Березовского уезда. Обдорские зыряне Тимофей Федорович Витязев и Пантелеймон Михайлович Конев личным трудом, распорядительностью, даже самопожертвованием помогали экспедиции. Когда экспедиция возвращалась в Обдорск и дошла до реки Байдарата, то остяки из-за усталости оленей отказались сопровождать ее дальше. Этим они

поставили геологов в очень затруднительное положение. В это время Т. Витязев и П. Конев кочевали со своими оленями недалеко от Байдараты и, узнав от Баклунда о сложившейся ситуации, прибыли на стоянку экспедиции, собрав для дальнейшего проезда ее у кочевавших тут зярын, самоедов и остяков около 200 оленей, причем сами дали: Витязев — 29 оленей-быков и Конев — 20 оленей. Кроме того, Тимофей Витязев, чтобы во время остановок для кормления собранные из разных стойбищ олени не разбежались, отделил от своего стада 200 голов молодых оленей и образовал отдельный чум, который все время шел с экспедицией. Витязев и Конев, оказывая услуги экспедиции, оставили свои чумы и оленей около Байдараты и проводили экспедицию до Обдорска, понеся от этого материальный ущерб.

Императорская Академия наук, признавая услуги Т.Ф. Витязева и П.М. Конева, столь усердно соблюдавших интересы экспедиции и отказавшихся даже от всякого денежного вознаграждения, нашла их достойными поощрения и посчитала справедливым представить их к высочайшей награде: вручить Т. Витязеву золотую медаль с надписью «За усердие» для ношения на груди на Аннинской ленте, а П. Коневу — серебряную медаль на Станиславской ленте.

Березовский уездный исправник титулярный советник Лев Ямзин был жалован серебряным портсигаром с золотым изображением Государственного герба с бриллиантом. Приставу Березовского уезда В. Тарасову подарена золотая булавка с изображением Государственного герба с бриллиантом.

*Т.А. Панова,
сотрудник Госархива в г. Тобольске.*

К вопросу об увеличении жалованья народным учителям Березовского края

Кажется, ни одна из профессий не требует так много труда, умственного напряжения, терпения и энергии, как профессия учителя.

Живя среди темной народной массы, борясь с ее предрассудками и суевериями, народному учителю нужно иметь большую силу воли, чтобы всегда стоять на высоте просветительных задач и, не имея нравственной поддержки извне, со стороны окружающего его общества, не опустить свои руки, не пасть под бременем тяжелых условий жизни и утомительного труда.

А труд действительно утомительный!

Мало того, что сельский учитель целые дни проводит в классе и вечера за проверкой ученических тетрадей, мало того, что он часенько подвергается различным неприятностям со стороны всевозможного начальства (писаря, волостных начальников и т.д.), а подчас и смотрителя училищ, но при всем том он, получая слишком ничтожное содержание, еще и живет впроголодь и вообще бедствует, а в перспективе своей педагогической деятельности, — когда придет старость или постигнет его болезнь, когда он, потративший и свои лучшие юношеские годы, и силы, и здоровье на благое просветительное дело, сделается неспособным к труду, — его ожидает нищета, ибо пенсии и до сих пор сельские учителя не получают.

Служить при таких условиях сельским учителем в захолустьях, подобных Березовскому и Сургутскому округам, очень тяжело, и на это решаются очень и очень немногие, да и те, кое-как пробившись год-два, много три, потратив массу энергии и сил, принуждены бывают бросить свою деятельность в суровом крае и искать другого места, где можно найти более обеспеченное положение, лучше устроить свою жизнь.

Здесь же, чтобы не опуститься нравственно, не пасть духом, сельскому учителю остается одно — почаще беседовать с родными педагогами и лучшими отечественными писателями, т.е. обратиться за поддержкою к книге.

...И благо тому школьному учителю, который, не имея общества людей, обратится к книге; счастлив он, если школьная библиотека обладает книжными сокровищами; тут сельский педагог все-таки найдет для себя и хорошее умное общество, и нравственную поддержку, и стимулы для продолжения своей деятельности; он не погрязнет в рутине, не очерствеет душой, а будет стремиться к самосовершенствованию, чтобы внести больше света в окружающую его тьму невежества.

Но если нет такой библиотеки, способной до известной степени заменить общество живых людей, нет книг, учителю, чувствующему упадок энергии, конечно, ничего не остается больше делать, как скорее уйти на другое поприще.

А пока фундаментальных учительских библиотек при сельских училищах Березовского округа, как известно, не существует. И учителя, протянув год-два, много три, уходят, вынужденные к тому совокупностью перечисленных тяжелых условий жизни.

Бедственное материальное положение учителей Березовского края давно уже обращало на себя внимание как ближайшего педагогического начальства, так и высших представителей власти в губернии; предпринимались даже попытки облегчить это положение, но они, к сожалению, не имели успеха.

Так, лет двадцать пять тому назад покойный Ф.В. Рудаков, занимавший в то время пост директора училищ Тобольской губернии, принимая во внимание отдаленность края, дороговизну на жизненные предметы и крайне ограниченное содержание, получаемое как уездными, так и городскими и сельскими учителями Березовского края, ходатайствовал перед генерал-губернатором Западной Сибири об увеличении учителям жалованья, но ходатайство его почему-то в то время осталось без движения.

Учителя продолжали бедствовать, ежегодно сменялись и переводились в другие округа, где и жизнь дешевле, и есть возможность найти приватные занятия и соответствующее общество.

Случалось так, что в уездном училище должности учителей по целым годам оставались вакантными, даже должность смотрителя училищ много лет замещалась не педагогами, и ее пришлось возложить на благочинного местных церковей протоиерея о. Заборовского.

Преподавание в уездном училище слишком пало; число учителей редко превышало одного-двух, обязанности же остальных исполнялись наличными; иногда одному учителю приходилось преподавать два-три предмета, с которыми он не мог положительно справиться, так как в большинстве случаев не был к тому достаточно подготовлен.

Благодаря всему этому дело народного образования в крае двигалось черепашьям шагом и давало самые плачевные результаты: выпуски учеников не превышали одного-двух, много трех человек на училище; стоимость каждого ученика, получившего образование в сельском и городских училищах, достигала, таким образом, 200—300 руб. за год, а в уездном — тысячи рублей.

Так продолжалось вплоть до 80-х годов, когда содержание сельских учителей увеличили до 200 руб.; ранее же они, до июля 1881 года, получали 120 руб. за год. Увеличение оклада жалованья сельским учителям последовало по ходатайству, возбужденному в 1879 г. одним из сельских учителей Березовского округа. Такое же увеличение, по ходатайству того же учителя, благодаря просвещенному содействию директора училищ П.И. Панова, последовало (но гораздо позже, через восемь лет) и по уездному Березовскому училищу, где учителя получают уже не 360 руб., а 720 руб. в год.

Независимо от вышеприведенных ходатайств тот же учитель возбуждал вопрос об увеличении жалованья сельским учителям Березовского и Сургутского округов до 400 рублей. Но вопрос этот, хотя и восходил на рассмотрение генерал-губернатора Западной Сибири, до сих пор остался неразрешенным.

Тобольская казенная палата, отвечая названному учителю на его ходатайство, между прочим сообщала: «Ввиду действительно ограниченного содержания, коим до сих пор пользовались учителя и учительницы Березовского края, и по отдаленности этого края от более населенных местностей губернии и по существующей там вследствие этого высокой цене на все жизненные потребности, казенною палатою признано было необходимым возбудить перед генерал-губернатором Западной Сибири ходатайство об увеличении жалованья всем сельским учителям Березовского края до 300 руб. в год, о чем уже сделано представление через г. начальника губернии, но ответа еще не получено».

Прошло уже более 15 лет, но содержание учителей и до сих пор не увеличено, т.е. остается то же — 200 руб. в год.

Попробуем сосчитать, может ли сельский учитель Березовского края, получая 200 руб., не нуждаться. Для наглядности возьмем приблизительную смету ежемесячного расхода холостого учителя при готовой квартире с отоплением и освещением. Средняя стоимость 1 пуда мяса (по $1\frac{1}{4}$ фунта в сутки) — 3 руб. 50 коп., 1 пуд крупчатки — 3 р., 1 пуд ржаной муки — 1 р., 4 фунта сахара по 35 к. — 1 р. 40 к., безмен масла — 1 рубль, молока на 1 р., овощей и соли — 50 к., кухарке — 1 р. 50 к., табаку, гильз и серянок — 1 р. 10 к., $\frac{1}{2}$ фунта чаю — 1 р., прием гостей и непредвиденные расходы — 1 р. 66 $\frac{1}{2}$ коп. Всего расхода 16 р. 66 $\frac{1}{2}$ к. Приход же составляет ежемесячное жалованье 16 р. 66 $\frac{1}{2}$ к.

Таким образом, оказывается, что на 16 р. 66 $\frac{1}{2}$ коп. в месяц можно удовлетворить кое-как только потребности желудка, и то человеку холостому. Что же касается одежды и духовных потребностей, то для удовлетворения их учителю необходимо располагать запасным капиталом в виде, например, папашиного наследства и т.п., а иначе ему не на что будет сшить себе даже сколько-нибудь приличную пару.

На одежду же и обувь в год при самых скромных требованиях и ограниченности гардероба нужно minimum 100 руб. Вот вам уже и 300 руб.

Если же учитель, к несчастью, еще человек семейный, то расход как на содержание, так и на одежду должен возрасти самое меньшее еще на 100 руб.; так что, в общем, для сельского учителя при самой скромной жизни и ограниченности требований нужно на содержание не менее 400 рублей в год.

Настоятельность и необходимость увеличения содержания сельским учителям Березовского края до 400 р. в год настолько ясна, что продолжать еще доказывать это нет надобности.

Мы надеемся, что материальное положение сельских учителей Березовского и Сургутского округов обратит наконец на себя должное внимание, и ходатайство об увеличении им содержания не только будет возбуждено в видах привлечения и удержания в крае наиболее даровитых молодых людей, но и получит скорое и полное удовлетворение.

И.И. Суханов.

(Тобольские губернские ведомости. 1896. 21 янв.)

Эксцентричный Суханов

(личность в свете документа)

Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет, —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — вперед и вперед!

Н.А. Некрасов. Рыцарь на час.

Извлекая из темной пропасти забвения подлинные фрагменты бытия выброшенных из памяти людей, восстанавливая их биографии, мы очищаем отечественную историю — то, на что можно опереться в трудное время, — от многого ложного, суррогатного, привнесенного господствовавшей идеологией и «политической целесообразностью». Отсюда наш интерес к людям прошлого, к немыслимым поворотам их судеб, пройденных по ухабистым дорогам и бездорожью XIX и XX столетий. Попробуем и мы пройти мысленно путем одного из них, ступая по стертým, поросшим травой забвения, но кое-где сохранившимся следам.

Глубокой осенью 1902 года газета «Сибирский листок» опубликовала некролог «Иван Иванович Суханов». Автор писал: «...небольшая горсть людей проводила до могилы умершего в губернской больнице одного из маленьких людей, одного из тех, про кого Некрасов сложил целую поэму «Рыцарь на час». Много таких людей знавали 70-е и 80-е годы, много было среди них и «уставших», и «павших», и «поумневших», и просто незаметно сошедших со сцены неудачников. К числу этих последних принадлежал и И.И. Суханов».

Дальше с той же горько-иронической интонацией автор некролога бегло обозначил основные вехи недолгого жизненного пути И.И. Суханова. Человек «маленький», а некролог вышел довольно пространный. Это противоречие явно говорит о существовании какой-то еще иной шкалы для оценки значения личности.

Сын туринского мещанина Иван Иванович Суханов (1859–1902) немного имел шансов высоко подняться в жизни, но был полон желания отдать свои силы служению высоким целям и что-то значить среди современников. После окончания Туринского уездного училища он выдержал экзамен на звание учителя сельского приходского училища и был в 1878 или 1879 году определен учителем в село Шеркальское Березовского округа.

Здесь он с увлечением отдался учительским делам, читал все, что можно было достать в небольшом полуграмотном селе, пробовал писать. Позднее в «Очерках Березовского края» Суханов сообщал: «...в начале восьмидесятых годов один учитель... высеял в с. Шеркалах под 62° северной широты 2 июня овес, ячмень, рожь, лен и гречу, а к 20-му августа овес и лен оказались уже созревшими, ячмень и рожь дошли только к концу августа; греча же в июле зацвела отлично и налилась, но ее вырвали ребяташки, приняв за цветы, что и помешало узнать, может ли она здесь возделываться»¹. Это, не называя себя, Суханов упоминал о собственном опыте.

Здесь же, в Шеркалах, он совершил неслыханный, из ряда вон выходящий поступок: в 1879 году возбудил вопрос об увеличении жалованья сельским учителям. Не себе только, а всем. Опять-таки спустя много лет Иван Иванович возвратился к этой теме в статье «К вопросу об увеличении жалованья народным учителям Березовского края»², публикуемой в этом сборнике, и аргументация его выглядела вполне здравой. И всего лишь два года спустя, в середине 1881 г., «по этому предмету состоялось мнение Государственного Совета, коим признано необходимым увеличить оклад жалованья всем учителям и учительницам Тобольской и Томской губерний, о чем Суханов через смотрителя Березовских училищ предложением от 13 октября 1881 г. за № 5150 уведомлен»³.

Настойчиво занимаясь самообразованием, в 1881 г. Суханов выдержал в педагогическом совете Березовского уездного училища экзамен на звание учителя городского приходского училища и был направлен в Сургут. К этому времени он был уже женат, а в Сургуте родился сын. Казалось бы, жизнь устраивалась,

¹ Тобольские губернские ведомости. 1894. № 21. С. 412.

² Тобольские губернские ведомости. 1896. № 3. С. 60–61.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 34. Д. 719.

становилась устойчивее. Но вышло совсем не так. На новом месте Суханов отслужил всего лишь один учебный год и опять успел «попасть в историю»: помощник окружного исправника Иноземцев послал донос на него губернатору, обвинив в политической неблагонадежности. (Подробности этого дела изложены в публикуемых далее документах).

Возможно, и были у Иноземцева какие-то основания для такого обвинения, но доказать его он не смог, и опровержение Суханова выглядело гораздо убедительнее. Однако, несмотря на сознание собственной правоты, Иван Иванович 15 сентября 1882 года подал прошение об отставке и был уволен. Разбирательство шло очень неспешно, и только через два года губернская власть пришла к выводу, что учитель лишился места по ложному обвинению. Губернатор В.А. Лысогорский просил директора училищ проявить к нему участие.

Ободренный Суханов пишет директору училищ, что он остается верным своему педагогическому призванию, за два года вынужденной отставки не дисквалифицировался и просит место учителя русского языка в Березовском уездном училище. Интересно письмо по этому поводу директора училищ Тобольской губернии П.И. Панова к главному инспектору училищ Западной Сибири: признавая несправедливость отставки Суханова и его усердную деятельность в школе, он в то же время не может умолчать и о том, что немало вредит и делу, и самому Суханову — об его эксцентричности, болезненной раздражительности и непоследовательности. И все же директор надеялся на него, к этому предрасполагала и постоянная нехватка учителей в школах Тобольского Севера.

10 июля 1884 г. Иван Иванович вновь на службе, он — учитель русского языка Березовского уездного училища и с рвением берется за дело.

Ах, если бы надежда Петра Ивановича Панова покоилась на более надежном фундаменте! Учебный год прошел благополучно, Суханов успевал и уроки давать, и в течение полугода без вознаграждения вести метеорологические наблюдения, и изучать жизнь березовских мещан, крестьян и инородцев. Но, в конце концов, он снова «высунулся» — произнес крамольную речь на годовичном акте училища. Об ее содержании П.И. Панов обстоятельно докладывал главному инспектору училищ (письмо от 28

марта 1895 г. публикуется далее). Так, директору показалось странным до глупости употребление учителем в заранее затребованном по обычной практике того времени тексте речи обращения «граждане» по отношению к березовской публике, как будто он ораторствует на парижской трибуне. Еще более неуместным представлялось слово «гласность». Директор заблаговременно направил штатному смотрителю березовских училищ письмо, в котором запрещал произносить речь, а главного инспектора просил Суханова уволить. Неизвестно, добрался ли ко времени этот запрет из Тобольска до Березова при медленности тогдашних средств передвижения. Известно другое: Суханов выступил со скандальной речью и был снова отправлен в отставку.

На этот раз он потерял работу на полгода. 7 сентября 1885 г. губернатор, полагаясь на отзыв все того же П.И. Панова, назначил Суханова учителем русского языка, арифметики, геометрии и географии в Тобольский мореходный класс.

Один из бывших учеников этого класса светло вспоминает в газете «Сибирский листок» о днях, когда в школе читали по вечерам Гоголя и других русских писателей и беседовали о прочитанном, практиковали ручной труд, поощряли стремление к саморазвитию, а между преподавателями и учащимися были дружественные отношения, «...у морской школы не было ни тупиц, ни лентяев, — пишет он, — как не было отверженцев-пасынков ее; здесь все были равны, со всеми обращались гуманно, видя в каждом юноше прежде всего человека... Благотворное влияние таких отношений как нельзя лучше выразилось в нравственном и умственном подъеме воспитанников и в той духовной связи их с преподавателями, которые, возникнув на почве умственных интересов еще в школе, не прекращались и по выходе из нее». И еще: «...прежние «тупицы» в морской школе превращались в прилежных и способных учеников, всегда почти точно выполнявших данные им работы»⁴.

Такой отзыв — лучшая характеристика педагогов. А весь педагогический коллектив состоял из трех человек: директора Грибанова (имя и отчество неизвестны), и учителей Павла Степановича Суханова и Ивана Ивановича Суханова.

⁴ Д-в И. Заметка о тобольском мореходном классе (Из тетради бывшего ученика) // Сибирский листок: 1890—1894. Тюмень: Мандрика, 2003. С. 476—479.

В мореходном классе И.И. Суханов проработал опять-таки всего лишь один учебный год. Губернатор В.А. Тройницкий уволил его в отставку, как не имеющего свидетельства на звание учителя уездного училища. Какая подлинная причина скрывалась за этим формальным поводом — неизвестно.

Вскоре Иван Иванович обрел новое поприще — был избран членом Тобольской городской управы — и за короткое время возбудил несколько важных для города вопросов: о необходимости открыть ломбард, об учреждении общества попечения о начальном образовании, открытии воскресной школы. Но в 1888 г. обнаружилась принадлежность Суханова к тобольскому революционному кружку, в который входили также политические ссыльные С.А. Жебунев, К.Е. Стерн, С.И. Мельников, бывший студент Петровской академии и преподаватель Тобольского мореходного класса П.С. Суханов и другие, и ему пришлось распрощаться с Тобольском. 15 ноября 1889 г. император Александр III повелел сослать первых троих на жительство под гласный надзор полиции на разные сроки в Якутскую область, а обоих Сухановых — в Иркутское генерал-губернаторство.

Поселенный в селе Большемамырском Нижнеудинского округа Иркутской губернии вместе с женой, семилетним сыном и няней, Суханов ввиду невозможности прожить на правительственное пособие занимался сельским хозяйством и литературным трудом. Пособие часто задерживалось, и это стало причиной затяжного конфликта с волостной властью и бесконечной переписки с окружным исправником.

В Тобольск Сухановы возвратились в марте 1893 г., а 7 декабря этого же года Иван Иванович обратился из села Шеркалы к губернатору с «докладной запиской» как корреспондент статистического отдела департамента земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ. В ней он пространно и с увлечением писал о важном значении для государства статистических и этнографических исследований и в заключение просил себе должность младшего чиновника особых поручений с откомандированием для статистических работ в Березовский округ. Просьба не была удовлетворена.

Чем занимался Суханов восемь лет после возвращения из ссылки, как добывал средства для существования семьи — никаких

документальных свидетельств этого не найдено. После ссылки для него, как политически неблагонадежного, дорога обратно в школу была уже закрыта. Возможно, он давал частные уроки. В упоминавшемся в самом начале некрологе сказано, что он «сотрудничал во многих сибирских газетах: «Восточном Обозрении», «Енисее», «Степном Крае», «Тобольских Губернских ведомостях» (неофициальной части), «Екатеринбургской Неделе». Временами литературная работа давала ему возможность сносного существования, но вообще ему нередко приходилось испытывать разные лишения и частые голодовки...». В 1894—1896 гг. Суханов часто публиковал в «Тобольских губернских ведомостях» библиографические заметки (видно, что он много читал), очерки: «Охота и промыслы в Березовском крае», «Очерки Березовского края», «Сельская община в долине Ангары», «Заметка о вечорках на Ангаре», «В таежных местах. Терешка-тунгус» и другие, изредка стихотворения. Современники отмечали, что порой его статьи имели компилятивный характер.

Известно немного и об общественной деятельности Суханова в этот трудный период его жизни: он состоял членом губернского музея и участвовал в его работе, прочел несколько докладов, откликался на злобы дня.

В конце концов, безысходность заставила Суханова обратиться к тобольскому губернатору Л. М. Князеву с просьбой определить его на службу, и 3 марта 1901 г. он получил место помощника делопроизводителя губернского управления. Произошло это за полтора года до смерти.

Заканчивая это представление И. И. Суханова, пожалуй, мы вправе заключить, что стержень его бытия составляла духовная жизнь — устремленность к высоким целям, к приобретению знаний, исследовательской работе, литературному творчеству. Немного ему удалось свершить, но есть одно весомое свидетельство того, что духовная устремленность не была пустой фантазией или следованием моде, — это его единственный сын Сергей. Ему Иван Иванович сумел передать то лучшее, чем был наделен сам. Окончив Тобольское уездное училище, Сергей Иванович также стал учителем, в 1907—1909 гг. преподавал в сельском училище деревни Кушниковой и в Сургуте и имел хорошую репутацию среди коллег. Есть и другие совпадения в биографиях отца и сына:

Сергей Иванович тоже имел интерес к общественной деятельности, состоял в обществе вспомоществования учащим и учившим в учебных заведениях Тобольской губернии, производил метеорологические наблюдения в деревне Кушниковой.

А теперь пусть говорят о личности героя публикуемые письма, пусть читатель найдет его черты и в строках, и между строк.

Копия

*Его Высокоблагородию Господину Штатному
Смотрителю Березовских и Сургутского училищ
Подавшего в отставку учителя Сургутского
городского приходского училища
Ивана Ивановича Суханова*

Объяснение

Вследствие предложения Вашего Высокоблагородия от 31 августа за № 258 я имею честь дать Вам следующее объяснение: 1) что я, будучи учителем Сургутского училища, хотя и был знаком с политическими ссыльными, но настолько, насколько имели знакомства с ними и другие лица: давал им работы от училища, что можно видеть из прихода-расходной книги, где есть их расписки в получении денег, и как заказчик бывал у них. Из этого видно, что посещения эти вызывались необходимостью и по большей части совершались официально, а следовательно, и не имели характера близкого знакомства. Поэтому понятно, что и беседы мои с ними не могли иметь политического оттенка и продолжаться долго. Что же касается теперь прогулок с ними, и притом в позднее время, то это совершенно наглая ложь. Были, впрочем, случаи, когда мне приходилось с кем-нибудь из них проходить по городу в лавку или куда-нибудь по делу, то в том нет еще ничего преступного. Да если бы даже я и был с ними близко знаком, прогуливался с ними и даже беседовал, то и тогда не могло бы это служить доказательством того, что я разделяю их убеждения, что я сторонник их. Ведь в духовной жизни человека не всегда оправдываются слова нашего знаменитого историка: «С кем живешь, к тем и привыкаешь». Скажу про себя, что я сначала, живя в Сургуте, вращался же в среде таких опошлившихся и пьянствующих людишек, как близкий круг Иноземцева, и все-таки не сделался таким же пьяницей и пошляком; то так же я мог быть

знаком и с политическими и в то же время не разделять их политических убеждений. Напротив, доказательством моего не-расположения ко всяким противозаконным политическим убеждениям служит моя привязанность к церкви, посещение храмов и участие в самом Богослужении, состоящее в пении и чтении книг во время совершения его, но еще большим доказательством против возводимого на меня обвинения может быть то, что я намерен поступить в духовное звание и уже дважды подавал прошение и вызывался Преосвященным к экзамену, но домашние обстоятельства были препятствием к достижению этой цели; при всем этом и по настоящее время я не оставляю намерения поступить в духовное звание, а поэтому может ли все это быть совместимо с требованием безусловной свободы и непризнания власти. А в лицах же с противоположными убеждениями привязанность к церкви и подчинение начальству не могут совместиться, доказательством того служит то, что они не посещают храмов и чуждаются исполнения всяких религиозных обязанностей, считая их за предрассудок и религиозный мистицизм. Помощника Иноземцева сделать ложный донос побудило не что иное, как личные неудовольствия, возникшие между нами вследствие возбужденных мною дел во время исправления им должности Сургутского Окружного Исправника, которые касались лично его самого, как то: 1) взыскание кортомной платы за отхожее место, принадлежащее училищу, отданное по распоряжению полиции во временное пользование местной команде; 2) взыскание с него самого 150 руб. за испорченный им сифонный барометр [нрзб.] во время приведения в известность училищного имущества после смерти учителя Алексеевского. (Ранее же сам Иноземцев, когда я был в хороших отношениях с ним, зная меня за человека религиозного, вместе с тем видел во мне и горячего патриота). Вот что было поводом к нашим личным неудовольствиям, которые впоследствии побудили Иноземцева отомстить мне. А так как отомстить мне совершенно нечем, то он избрал политическую неблагонадежность как верное средство для достижения своей гнусной цели. А также и стражник Кайдалов, исполняя волю своего начальства, т.е. донося на меня, в то же время мстил мне за своего сына, которого я временно увольнял из училища за дурное поведение, о чем можно найти заметку в классном журнале Сургутс-

кого училища. Возникновение личных неудовольствий между мною и Иноземцевым хорошо известно лицам должностным, в то же время близко стоявшим ко мне, как то: законоучителю училища Тверитину, начальнику Сургутской команды Захарову и многим другим лицам, в среде которых мне приходилось вращаться и которые могут подтвердить это и вместе с сим дать более верное понятие о моих убеждениях, что может рассеять возникшее вследствие ложного доноса недоразумение и подозрение начальства.

В заключение имею честь просить Ваше Высокоблагородие ходатайствовать пред директором училищ Тобольской губернии о передаче настоящего объяснения или копии с него куда следует по начальству для разрешения всех недоразумений, возникших вследствие доноса, а помощника Иноземцева за ложный донос просить высшее начальство подвергнуть законной ответственности и о результате этого объяснения мне объявить чрез кого следует в Тобольске.

Г. Березов. Сентября 2 дня 1882 года.

*Подписал: учитель Сургутского городского приходского училища
Иван Суханов⁵.*

*Его Высокоблагородию Господину Директору училищ
Тобольской губернии бывшего учителя Сургутского городского
приходского училища Ивана Ивановича Суханова*

Прошение

Ваше Высокоблагородие! Вам известно мое стремление к самообразованию, и поэтому я считаю лишним что-нибудь еще говорить об этом. Но думаю, что будет весьма кстати сказать несколько слов о себе с другой стороны. На педагогическое поприще я вступил не случайно, не потому, чтобы некуда было деваться, не из-за куска насущного хлеба, а по призванию, — с намерением всю свою жизнь посвятить на служение общему благу. И поэтому я всегда стремился к достижению известной умственной и нравственной высоты, необходимых для руководителя всякого дела, и шел раз намеченным путем, не страшась ни нападков, ни оскорблений, ни даже презрения со стороны среды, меня окружающей. И теперь, несмотря на болезнь, голодовку и нравственные страдания, пере-

⁵ Гос. архив Томской обл. Ф. 125. Оп. 1. Д. 917. Лл. 19–20.

житые за два года отставки, я чувствую в себе достаточно силы и энергии, чтобы, будучи учителем, совершенствоваться и не петь в унисон окружающей среде. Обладая при этом порядочной дозой воли и страсти к саморазвитию, я имею все данные для того, чтобы стать выше массы при благоприятных условиях, не остановиться на полдороге и оправдать доверие ко мне начальства.

Ваше Высочество! Теперь в Березовском уездном училище есть вакантная должность учителя русского языка, и я желал бы ее занять. И думаю, что определение меня на эту должность было бы весьма кстати; оно было бы вместе с тем и самой дорогой наградой для меня за мой прошедший труд. Такая награда укрепила бы меня физически и дала бы мне более возможности безостановочно развиваться. Смею сказать, что определение меня на эту должность не было бы с Вашей стороны ошибкой, и мне бы, и ученикам оно принесло большую пользу.

В заключение я почтительнейше прошу Вас, Ваше Высочество, благоволить принять на себя труд ходатайствовать пред Высшим начальством о допущении меня к исправлению должности учителя русского языка в Березовское уездное училище с обязательством через год держать экзамен на право занимать эту должность. О результате своего прошения прошу Вас мне объявить.

1884 года 11 июня. Г. Тобольск.

*Бывший учитель Сургутского городского училища
Иван Суханов⁶.*

М.Н.П.

Директора училищ Тобольской губернии

Ноября 9 дня 1884 г.

№ 1727 г.

Тобольск

Господину Главному Инспектору училищ Западной Сибири

Вследствие предложения Вашего Превосходительства от 3 ноября за № 2401 имею честь почтительнейше донести, что из конфиденциального сообщения г. Тобольского Губернатора, в копии представленного и Вашему Превосходительству от 2 июля за № 1010, видно, что по произведенному дознанию никаких фак-

⁶ Гос. архив Томской обл. Ф. 125. Оп. 1. Д. 917. Л. 2.

тов, какие подтверждали бы обвинение учителя Суханова в политической неблагонадежности, не открыто, ввиду чего и рапорт помощника Сургутского Исправника Иноземцева о политической неблагонадежности Суханова как неосновательный оставлен Губернским Правлением без последствий. Уведомляя об этом, г. Начальник Губернии просил даже с своей стороны моего внимания и участия в положении Суханова, лишившегося места по неосновательному на него донесению.

Факт признания Суханова вне всякого подозрения в возведенной на него клевете, красноречиво говорящий в пользу обвиняемого, по-видимому, должен был вызвать симпатию к личности, несправедливо пострадавшей. Но, к сожалению, не могу сказать этого на основании нескольких данных, находящихся в переписке Суханова, из которой достаточно ясно обрисовывается характер его как человека вообще. Прежде всего это человек эксцентричный и болезненно раздражительный: то со слезами на глазах просит о должности, то становится дерзок, в чем сейчас же и раскается. Так, 18 августа настоящего года, когда письмоводитель дирекции попросил Суханова, чтобы он представил свои документы о происхождении, полученном образовании и др., он ответил: «Вам надобности нет до моих документов, когда их получу, тогда и представлю». Вследствие ли несложившегося еще характера, или болезни ли, или материальной необеспеченности, или, наконец, по другим каким-либо обстоятельствам его [нрзб.] из одной стороны в другую: он ищет берега, а пристать пока не может. То желает себя посвятить на первоначальное обучение детей, то берет каникулярный отпуск, едет в Казань для поступления в Учительский Институт и с дороги возвращается назад; то ищет частного занятия с приличным обеспечением, то желает поступить в Полицейское Управление, и, наконец, не раз пытался поступить в духовное звание, для чего был вызываем на экзамен к Преосвященному и по домашним обстоятельствам не мог явиться по вызову. В последнее время, когда Суханов был уже определен и [справляющим] должность] учителя Березовского училища и получил подорожную и прогонные деньги, несмотря на неоднократные напоминания исправлявшего обязанности Директора училищ о поспешении выехать к месту службы, преспокойно проживал в Тобольске, так что первому пришлось в силу необходи-

мости обратиться к полицейской власти для выдворения его из города.

Как учитель Суханов, очевидно, много читал, владеет довольно бойко пером и на своей должности может быть пригодным человеком, если не подчинится каким-либо влияниям извне. Усердная педагогическая его деятельность известна мне и одобряема была посторонними посетителями школы и лично засвидетельствована г. Начальником Тобольской губернии. Ввиду всего этого я полагал бы оставить Суханова при исправлении своей обязанности еще на год в силу последовавшего циркуляра Министерства Народного Просвещения, по которому свободные вакансии должны быть предоставляемы кончившим курс в учительских институтах, тем более что внушение, сделанное ему от меня чрез смотрителя, надеюсь, предостережет его на будущее время от неуместных выражений в официальном документе и случайного увлечения в отдаленном Березовском крае. Предоставлять же место теперь кому-либо из кончивших курс в Учительском Институте значило бы оставить училище без учителя русского языка по меньшей мере на полгода, а русский язык и без того в Березовском училище не в блестящем положении.

Директор училищ Петр Панов⁷.

М.Н.П.

Директора училищ Тобольской губернии

Марта 28 дня 1885 г.

№359

г. Тобольск

Господину Главному Инспектору училищ Западной Сибири

Имею честь почтительнейше донести Вашему Превосходительству, что из всех училищ только Тарское не представило мне речей на предстоящее торжество в апреле; из представленных речей по училищам мною не допущена к произнесению речь и.д. учителя березовского учителя Суханова, во-первых, потому, что она частью повторяет то, что по программе будет читать учитель истории Демин, а во-вторых и главным образом, потому, что речь Суханова имеет красный оттенок, начиная с самого обращения к присутствующим: «любезные граждане» или просто «граждане». Так и

⁷ Гос. архив Томской обл. Ф. 125. Оп. 1. Д. 917. Лл. 11–12.

слышится глупое подражание какому-либо французскому оратору с парижской трибуны, забывая то, что слова эти относятся к присутствующей березовской публике. Говоря о последствиях изобретений славянских писмен Св. Кирилла, Суханов, продолжает: «Если бы не было св. братьев, то у нас не было бы писмен, а если бы не было писмен, не было бы литературы: не было бы Пушкина, Гончарова, Добролюбова, Писарева, Салтыкова с прекрасными письмами к тетеньке, т.е. (объясняет) к матушке России; если бы не было литературы, а главное, гласности, то мы, может быть, ели бы из общего корыта, питались бы мышами и кротоми, как остяки, и нас обирали бы, как до сих пор обирают этих дикарей Севера; для пользы дела и развития требуется свобода мысли, свобода слова и действия». Замечая об успехе проповеди славянских апостолов, старается доказать, что успех этот лишь зависел от того, что проповедь была на славянском языке, тогда как латинский язык католических проповедей тормозил миссионерское дело, как и «ныне латинский язык тормозит дело общего развития в наших гимназиях». В силу выписанных выражений и им подобных фраз, которыми испещрена речь березовского оратора, я не нашел возможным вычеркивать и исправлять представленную работу, тем более что и переписана с черновой Суханова учеником 1-го класса училища Перепелкиным с грамматическими ошибками, почему я и запретил окончательно произносить ее, отослав Смотрителю для хранения при делах училища, сделав последнему замечание, как он решился подобную речь представить ко мне, не просмотревши предварительно того, что она представляет. А так как почта идет из Тобольска в Березов лишь 1-го апреля, и дорога с каждым днем портится более и более, то я, выигрывая время до 6 апреля, отправил свое запрещение с частным лицом г. Пежемским. Неизлишним считаю присовокупить, что Суханов прислал прошение Губернатору, прося места, написанное в стихах и также, как я слышал, с красным оттенком. Так как Суханов допущен лишь к исправлению обязанности учителя и до сих пор не имеет установленного свидетельства на звание учителя, то не признаете ли возможным, Ваше Превосходительство, уволить его от должности, на место его назначить учителя Тюкалинского училища Ситчихина.

Директор училищ Петр Панов⁸.

⁸ Гос. архив Томской обл. Ф. 125. Оп. 1. Д. 917. Лл. 13–14.

*Господину Нижнеудинскому Окружному Исправнику
Государственного ссыльного Ивана Ивановича Суханова*

Прошение

Высшая администрация, относясь внимательно к нуждам политических ссыльных и удовлетворяя все их законные требования, несомненно, желает того же самого и от своих подчиненных.

Весьма понятно, что подобные гуманные и справедливые отношения высшей власти, являясь одним из важных условий ссылки, способствуют уменьшению столкновений и тем самым возвращают опальный элемент к мирной деятельности.

Мне кажется, что каждый из нас, ссыльных, менее всего желает столкновений с кем бы то ни было и избегает их всеми зависящими от него средствами, если только к его интересам относятся с известной справедливостью.

По крайней мере, я стремился к этому с первого же дня моего водворения здесь, в селе Большемамырском; но, к величайшему моему прискорбию, вижу теперь, что все мои добрые намерения мало содействуют установлению должных порядочных отношений ко мне с семьей местных властей.

Это вытекает из следующих фактов, красноречиво свидетельствующих об упорном невнимании к моим нуждам и моим законным требованиям.

Сегодня 29 августа, а я не получал правительственного пособия на кормовое довольствие мне с семьей за июль месяц. Кроме того, означенное пособие с первого же месяца моего водворения здесь высылается мне в уменьшенном против настоящего размере, т.е. [цифра неразборчива] вместо отпускаемых по распоряжению Господина Министра Внутренних Дел 31 рубля 25 коп., а именно: на мое содержание 12 р. 50 к., на содержание жены — 12 р. 50 к. и сына 6 р. 25 к.

Следовательно, всего удержано у меня незаконно, как бы похищено, с февраля по сентябрь месяц, за восемь месяцев, по 12 р. 50 к. в месяц, всего сто рублей серебром.

Ввиду всего этого и желая избежать столкновения с администрацией, я и покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие сделать распоряжение как о своевременной высылке и полностью правительственного пособия мне, так равно и высылке мне означенных ста рублей, незаконно удержанных у меня из пособия, и о

том, что будет Вами сделано по поводу сего прошения, благово-
те меня уведомить через волостное правление.

29 августа 1891 г. Село Большемамырское.

Государственный ссыльный Иван Суханов⁹.

Докладная записка

*Корреспондента Статистического Отдела Департамента
Земледелия и Сельской Промышленности М.Г. Имуществ*

Ив. Ив. Суханова

7 декабря 1893 года

С. Шеркалы

*Его Превосходительству Господину Начальнику
Тобольской губернии*

Ваше Превосходительство!

Роль корреспондента — слишком неблагодарная роль: к корреспондентам, как Вам хорошо известно, привыкли относиться если не враждебно, то, по меньшей мере, с некоторым покровительственным пренебрежением. Вот так и я, представляясь Вашему Превосходительству в скромной роли корреспондента Статистического Отдела Департамента Земледелия и Сельской Промышленности, чувствовал понятное смущение и робость, когда заговорил с Вами о необходимости статистического исследования края, а потом, когда Вы на это изволили заметить мне, может быть, насмешливо, что народ здесь, по-видимому, пользуется довольством и выглядит далеко зажиточнее какого-нибудь великорусского мужика, не нашел ответа и затем глупо замолчал Ваше лестное для меня предложение составить записку об экономическом положении жителей Березовского края и о положении рыбопромышленности. Молчание это и обязывает меня теперь к объяснению, которое я и решил сделать в кратком докладе.

Вашему Превосходительству, конечно, хорошо известно, что пережитые нашим отечеством тяжелые последствия голода и холерной эпидемии были одним из главных импульсов, двинувших русскую интеллигенцию на путь изучения экономических и других явлений народной жизни во всех ее проявлениях. Инициатива в этом благородном деле, бесспорно, принадлежит правительству. Оно первое, еще задолго до кризиса, почувствовало

⁹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 14. Д. 74. Лл. 51–52.

необходимость обратиться к статистике, чтобы с помощью ее сделать верный диагноз болезни такого огромного организма, как государство, и определить, не является ли эта болезнь хронической или она есть только временный недуг, развившийся на почве полного или неполного неудовлетворения потребностей организма. Работа правительства, земства, печати и интеллигенции в означенном направлении не осталась без результатов: она показала с математическою точностию, что миром управляют цифры с такою же роковою необходимостью, как и естественные законы, и что долгое игнорирование выводов, к коим приходит статистика, всегда имело последствием кризисы в экономической жизни; она открыла, что все эти голодовки, эпидемии и сопутствующие им зверства черни есть плоды поголовного невежества народных масс и очень мало зависят от каких бы то ни было внешних причин.

На помощь статистике в деле изучения народа пришла и этнография и оказала немалую услугу.

Изучая миросозерцание народа, его медицину с заговорами, заклинаниями, суеверия и предрассудки, его жилища, орудия производства и проч., этнография, как и статистика, пришла к одному и тому же выводу, что все недомыслие народа покоится на невежестве, которое и есть первопричина многих ненормальных явлений в народной жизни.

Статистика и этнография обнаружили, что народ если и прибегает при лечении своих болезней к знахарям и очень часто враждебно относится к официальной медицине и гигиене, то только потому, что он ходит в потемках и что окутавший его мрак не дает ему возможности отделаться от разных предрассудков и суеверий, которые железным кольцом сковали его ум и мешают ему выйти на путь культурного развития. Статистика и этнография выяснили, что народ дурно устраивает свои жилища, питается иногда нездоровой пищей и самым примитивным способом и средневековыми орудиями возделывает свою землю только потому, что он лишен необходимых знаний. Статистика и этнография дали нам возможность понять, что сильная детская смертность, незначительный прирост населения и минимальная средняя продолжительность [жизни] народа обуславливаются чрезвычайно низким умственным развитием народа и т.д. и т.д.

Вот тот путь, которым мне бы хотелось следовать, знакомясь с краем. Но, к сожалению, я пока не имею ни средств, ни соответствующих делу полномочий.

И потому в двух своих записках, представленных в Статистический Отдел Департамента Земледелия, чтобы не вводить в заблуждение правительство, мне пришлось сделать ретроспективное обозрение экономического положения жителей Березовского края и краткое описание попыток земледелия в крае. Коснувшись в этих записках, насколько было возможно сделать априори, причины бедственного положения жителей при обилии естественных богатств края, я в то же время позволил себе привести некоторые свои соображения тех мероприятий, кои могли бы быть приняты правительством по отношению улучшения быта инородцев и русского населения. В ряду этих мер главное место отводится лучшей постановке дела народного образования и необходимости устройства школ-интернатов для обучения инородцев.

По моему мнению, образование инородцев является единственной мерой, с помощью которой только и можно их сделать участниками прогресса, ассимилировать с русским населением и сделать их экономически самостоятельными. В противном же случае племя это, быстро идущее к вымиранию под гнетом тяжелых экономических, гигиенических и других условий, исчезнет с лица земли, как исчезли некоторые инородческие племена на отдаленном востоке Сибири. Затем является необходимость в реорганизации продовольственного дела и устройстве в крае нескольких земледельческих колоний на счет казны; помимо этой меры земледелие здесь никогда не привьется. Кроме этого, в записках намечены и другие, имеющие, быть может, второстепенное значение меры, как то: развитие кустарной промышленности, организация рыболовных артелей на началах кооперации и рациональная эксплуатация рыбных богатств р. Оби и пр.

Но чтобы предлагаемые меры имели жизненность и оказались наиболее плодотворными, необходимо прежде реализации их приступить к подробному статистическому исследованию края.

Подобный труд я мог бы с большим удовольствием принять на себя.

Ваше Превосходительство, Вы сделаете мне большую честь, если благосклонно отнесетесь к моей готовности работать на да-

леком севере в качестве статистика и предложите мне поступить к Вам на службу.

Это последнее предложение я приму как знак особой милости ко мне и обездоленному краю и постараюсь оправдать своей работой высокое доверие, которое мне будет оказано принятием меня на службу в качестве младшего чиновника особых поручений с откомандированием в Березовский округ для производства статистических работ.

Заручившись такими полномочиями, я буду иметь возможность исполнить добросовестно Ваше предложение составить записку об экономическом положении жителей Березовского края и положении рыбопромышленности в крае; в противном случае исполненная мною работа едва ли может Вас удовлетворить, так как она не будет иметь прочного фундамента и уподобится зданию, построенному на песке¹⁰.

¹⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 14. Д. 74. Лл. 196–198.

Березов: красная весна, белое лето

В январе 1918 года Тобольская губерния состояла из уездов: Березовского, Ишимского, Курганского, Сургутского, Тарского, Тобольского, Туринского, Тюкалинского, Тюменского, Ялуторовского.

В Березовский уезд входило одиннадцать волостей: Березовская (городовая), Елизаровская, Кондинская, Казымская (инородческая), Кодская (инородческая), Куноватская (инородческая), Ляпинская (инородческая), Обдорская (остяцкая), Обдорская (самоедская), Подгородная и Сосьвинская (инородческая).

В Березовском уезде было 257 селений, действовало 17 православных церквей, 11 часовен, 1 библиотека, 13 школ, 6 постоянных дворов, 6 винных лавок, 1 чайная, 68 торговых лавок, 1 водяная мельница, 11 кузниц, 1 пожарная, 2 ярмарки, 25 почтовых станций.

Горячие ссыльные парни

Считается: «...В Березове в конце января 1918 года на общем собрании городской бедноты и демобилизованных солдат под председательством талантливого организатора, политического ссыльного большевика Т.Д. Сенькина было принято решение образовать революционный комитет. Вслед за этим большевики организовали из бедноты Березова «Рабочий союз», в который вошло около 500 человек. В марте власть в Березове полностью перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Земская, волостная и «инородческие» управы были упразднены. Организована Красная гвардия под командованием Т.Д. Сенькина. Беднота начала отбирать у рыбопромышленников снасти и невода и делить их между собой».

Налицо местное «триумфальное шествие советской власти» и своя «красногвардейская атака на капитал».

Назван состав первого ревкома: кроме упомянутого Сенькина — Ф.Ф. Котовщиков, И.Ф. Филиппов, Н.Л. Ильин, Д.Н. Ильин, М.П. Кузнецов, Н.С. Михайлов, П.И. Сосунов, Л.Я. Железнов, А.Г. Нижегородцев, Ф.М. Защилов, К.Г. Шмуклер.

В октябре 1937 года НКВД арестовал Ивана Филипповича Филиппова, 1888 года рождения, уроженца Березова, зырянина. В анкете арестованного отмечено: «служил в Красной гвардии с февраля по май 1918 года, в армиях белой и красной не служил, состоял в ВКП(б) с 1918 по 1922 годы, выбыл в связи с судебным делом, работал в Тобольске председателем артели «2-я пятилетка», предъявлено обвинение за знакомство с Углановым и за контрреволюционные разговоры».

Николай Александрович Угланов был с 1925 по 1929 годы секретарем Московского комитета партии и кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б). За оппозиционную деятельность назначен в мае 1933 года управляющим Обьрыбтрестом в Тобольске — фактически отправлен в ссылку. После его ареста в 1937 году десятки обских рыбаков расстреляли по обвинению в «углановщине», то есть только за знакомство с Углановым.

Доказывая свою невиновность, Филиппов представил следствию свои собственноручные показания — воспоминания о событиях весны—лета 1918 года в Березове и о своем участии в поисках кладов белогвардейцев и местных богатеев.

«...В январе 1918 года, — писал Филиппов, — в Березов из Кондинска приехали Михаил Петрович Кузнецов, председатель потребительской кооперации и кредитного товарищества, со своим бухгалтером Павлом Ильичом Сосуновым. Образовалась группа в составе:

1. Федор Федорович Котовщиков, работал бухгалтером, потом председателем кредитного товарищества, очень способный кооператор, окончил городское училище, после смерти родителей имел в своем иждивении двух братьев, четырех сестер и престарелую тетку, прекрасный оратор;

2. Тихон Данилович Сенькин, политический ссыльный с 1905 года, социал-демократ, большевик, малограмотный;

3. Филипп Мелентьевич Защипов, политический ссыльный, большевик, мастер на все руки: часовщик, фотограф, химик, художник;

4. Лев Яковлевич Железнов, рыбак, кооператор, хорошо владел языком ханты и манси, трудолюбивый мужик, шестеро ребятишек мал мала меньше;

5. Иван Филиппович Филиппов;

6. Николай Львович Ильин, старый кооператор, хорошо грамотный, бухгалтер, председатель кооператива;

7. Ал. Георгиевич Нижегородцев, сын чиновника, телеграфист;

8. Константин Георгиевич Шмуклер, окончил городское училище, телеграфист;

9. Дем. Николаевич Ильин;

10. Константин Георгиевич Нижегородцев;

11. Николай Иванович (фамилию не помню), политссыльный;

12. Михаил Петрович Кузнецов, окончил городское училище, до революции работал помощником писаря;

13. Павел Ильич Сосунов, сын ссыльного черкеса, батрак, хорошо грамотный, после военной службы телеграфист, исключительно честный и смелый человек».

Не случайно присутствие в группе трех телеграфистов: все политические новости доходили тогда до уездного Березова по телеграфу. Так узнали о февральских событиях 1917 года в Петрограде, об отречении царя от престола и об Октябрьском перевороте. Ссылным и примкнувшим к ним местным романтикам терять было нечего.

«В начале марта, — повествовал Филиппов, — наша группа решила захватить власть в свои руки революционным путем и создать уездный Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Вооруженная сила в Березове была представлена штабс-капитаном Салминым, командиром роты солдат в количестве 72 человек. Это Георгиевские кавалеры из разных частей действующей армии, имевшие ранения на фронте и считавшиеся выздоравливающими.

Был намечен такой план действий:

1. Арестовать уездного исправника Л.Н. Ямзина, его помощника Н.Т. Кушникову, купца С.П. Шахова. Это задание было дано Сенькину и К. Г. Нижегородцеву;

2. Арестовать штабс-капитана Салмина, предъявив ему обвинение в неисполнении декрета Совета Народных Комиссаров о роспуске старой армии и организации Красной гвардии, разоружить местную команду и распустить ее по домам. Это было поручено мне и Сосунову;

3. Арестовать начальника Березовской тюрьмы и освободить заключенных в ней. Поручено Зашипову и Д.Н. Ильину;

4. Взять под контроль почту и телеграф поручено А.Г. Нижегородцеву и Шмуклеру.

В ночь на 9 марта каждый отправился выполнять свое задание. Все получилось как нельзя лучше, только Салмин, как заядлый монархист, заупрямился и не сразу подчинился нашему приказу от имени Совета по Березовскому гарнизону, который мы написали заранее.

Салмин со своей семьей жил в отдельной квартире, при нем находился денщик. Мы разоружили штабс-капитана, произвели у него обыск и отвели Салмина в канцелярию команды, где он по нашему требованию предложил писарю составить приказ о роспуске солдат местной команды и сдаче всего оружия и боеприпасов Березовскому военно-революционному комитету. Потом мы отвели офицера в тюрьму и отправились в казарму, где зачитали солдатам декрет СНК и приказ Салмина о демобилизации и разоружении. Было также сказано, что утром 9 марта они могут ехать по домам, для них будут поданы подводы. Солдаты приняли наше предложение с большой радостью и тут же стали сдавать оружие.

На следующий день по городу на столбах были расклеены объявления и разослан по учреждениям под расписку приказ ВРК о том, что власть Временного правительства закончилась».

Попытка березовских купцов натравить на бунтовщиков окрестных охотников ханты и манси провалилась. Происходивших в городе событий «иностранческое» население не понимало: по большому счету им было все равно, кто в уезде представляет «власть», с которой ассоциировались «порядок» и «товарообмен». Купцов, как всегда, подвела жадность, а новые «хозяева» Березова не скупилась: «вызвали в ревком заведующего хлебозапасным магазином и приказали ему отпустить каждому приехавшему на сход ханты по мешку муки. Ханты были очень довольны и на следующий день все разъехались по своим угодьям».

Однако «на призыв Березовского РВК желающих добровольно вступить в Красную гвардию оказалось очень мало». Записались только Сенькин, который стал начальником, Филиппов, Д.Н. Ильин, К.Г. Нижегородцев, К.И. Ануфриев, С.Е. Попов и И.И. Конкуров. Какие уж там 500 человек из поздних исторических исследований. «Сочувствующих, — считал Филиппов, — было больше, но положиться на них мы не могли, так как они были заняты на

хозяйственных работах по найму». Некогда было другим людям заниматься революционными делами, они трудились, содержали семьи, растили детей и всегда и во всем полагались только на себя.

Показать характер

Родственники арестованных Ямзина, Кушникова и Шахова жаловались в Тобольск губернскому комиссару В.Н. Пигнатти на самоуправство ревкома. Опасаясь наказания за захват власти, березовские заговорщики обратились за помощью в Тюмень, Омск, Екатеринбург и даже в Петроград. Из «колыбели революции» в Березов прислали трех балтийских матросов-радиостов с радиоприемником. Они наладили прием сообщений об обстановке в стране, но общаться с другими городами можно было только по телеграфу, и то через Тобольск. Омск и Екатеринбург предлагали насаждать в уезде советы и для придания законности новой власти провести 15 апреля уездный съезд в Березове.

По свидетельству Филиппова, «делегаты с мест не приехали из-за распутицы, поэтому представительство от волостей распределили между членами ревкома. Председателем уездного совета выбрали Котовщикова, его заместителем — Кузнецова, остальные ревкомовцы стали членами президиума». Волости затаились, а Обдорск не признал полномочий ни ревкома, ни совета.

В Березове по инициативе возвратившихся с фронта прапорщиков С.Ф. Нижегородцева и А.Н. Кушникова был создан «Союз фронтовиков». В него, по словам Филиппова, «записались не только демобилизованные солдаты, но и местные купцы, полицейские и даже попы. Наши попытки распустить «Союз» или ввести туда нам сочувствующих оказались безуспешными. Из-за нашей малочисленности мы не могли применить к ним силу. Кроме того, наш совет был ослаблен отъездом Сенькина в Обдорск».

Непокорный Обдорск требовалось призвать к революционному порядку: сначала дали туда телеграмму о командировании вооруженного отряда в количестве 35 красногвардейцев. На самом деле поехал только Сенькин с сопровождавшими его Д.Н. Ильиным, К.Г. Нижегородцевым и К.И. Ануфриевым.

В Обдорске они созвали собрание, на котором заявили, что

«большая часть отряда задержалась на стане Шурышкары за отсутствием подвод и прибудет позже, после чего пообещали за невыполнение распоряжений уездного совета арестовать весь состав земства и отправить в Березовскую тюрьму к заключенным в ней бывшим руководителям уезда».

Так был организован в Обдорске волостной совет. Филиппов считал, что «члены Обдорского земства хорошо знали характер Сенькина, еще со времен его здешней ссылки. Тогда Сенькин открыто, при народе стрелял в полицейского станового пристава Тарасова и его урядников. Поэтому они без всякого сопротивления сдали свои полномочия. А сам Сенькин со своими ребятами завесновал (остался до первого парохода) в Обдорске».

В истории нашего края Сенькин представлен как политический ссыльный, большевик, герой революции и гражданской войны, организатор и руководитель первых советов на Обском Севере.

Крестьянин Орловской губернии Малокрасноярского уезда Успенской волости села Каменки 40-летний Тихон Сенькин, судимый в 1903 году за кражу Орловским окружным судом к одному году арестантских работ, действительно в 1905 году по постановлению Министерства внутренних дел был сослан в Березовский уезд Тобольской губернии под надзор полиции и определен на жительство в селе Обдорском. Только не за революционную деятельность, а «за подстрекательство крестьян к аграрным беспорядкам: погромам, поджогам и др.».

В 1911 году «за буйство и полный дебош в ренсковом погребе Голева-Лебедева в селе Обдорском по постановлению Тобольского губернатора Сенькин отбыл 3-месячное заключение при полиции». В том же 1911 году «за покушение на убийство (о чем говорил Филиппов) по приговору Тобольского окружного суда провел 1,5 года в Тобольских исправительных арестантских отделениях».

После этих случаев политические ссыльные, жившие в Обдорске вместе с Сенькиным, потребовали его удаления в Березов «под более строгий надзор полиции как уголовного преступника».

И вот он, перепоясанный ремнями и увешанный оружием, вернулся в Обдорск.

Бросай и беги

Известный специалист по истории Сибири доктор исторических наук профессор М.Е. Бударин в 1966 году в рецензии на книгу «Очерки истории партийной организации Тюменской области» отметил: «...в большинстве работ по истории Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири почти совершенно не освещается классовая борьба на территории Обского Севера. У читателей может сложиться мнение, что эта огромная территория Северо-Западной Сибири в те годы находилась как бы в стороне от ожесточенных сражений».

Такое же впечатление складывалось и после прочтения его собственной монографии «Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири», изданной в Омске в 1952 году.

Михаил Ефимович с 1944 года почти десять лет был собственным корреспондентом газеты «Известия» по Омской и Тюменской областям и узнал, я уверен, все тайны нашего края. Бударина еще в 60-е годы, при жестокой цензуре и строгой секретности, допустили, пожалуй, единственного из ученых, писателей и журналистов, к бесценной исторической сокровищнице — архивным документам Омского УКГБ (этот архив имеет региональный статус). Он написал две книги: «Были о сибирских чекистах» и «Чекисты», выдержавшие несколько изданий и ставшие сейчас большой редкостью. Несмотря на понятную сейчас идеологически-ведомственную заданность этих книг, в них приведены уникальные исторические сведения. Там же автор впервые упомянул о пропавших орденах «Освобождение Сибири» и «Возрождение России». Я почти убежден: он видел чекистские материалы 20—30-х годов о розыске этих реликвий Сибирского белого движения. Чувствую, как его подмывало раскрыть эту тайну. Но он не мог этого сделать в то время — я это тоже понимаю. Как ему было рассказать правду об участниках гражданской войны на Обском Севере, когда и побежденные, и победители расстреляны как «враги народа», а в 1952 году эпохе Сталина—Берии, казалось, не будет и конца.

Но сибирские реки в отличие от политических режимов по установленным природой правилам меняются сами и меняют жизнь на своих берегах.

«В конце апреля 1918 года, — сообщил на допросах Филиппов, — мы слышали из Петрограда сообщение по радио об активиза-

ции контрреволюционных сил и необходимости членам Советов направляться из глубинки в пролетарские центры для защиты рабоче-крестьянской власти. В самый разгар распутицы мы не смогли выбраться из Березова и ждали первого парохода, рассчитывая захватить его и подняться вверх по реке Сосьве ближе к Надеждинским заводам.

Во второй половине мая пришел первый пароход «Арсений», переименованный в «Отважный», с рыболовецким караваном. На нем прибыл в Березов из Омска через Тобольск продовольственный отряд в количестве 45 хорошо вооруженных солдат под командой поручика Лагуновского, который остановился на квартире Шахова. Хотя все документы Лагуновского были в полном порядке, за подписями и печатью Омского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, мы не решились открываться ему, а стали ждать следующего, более подходящего парохода. Настораживало, что Лагуновский проводил все время в компании прапорщиков С.Ф. Нижегородцева и Кушникова. Мы подозревали, что они затевают заговор против нас, но все еще надеялись на приход другого парохода.

А в Тобольске 17 мая 1918 года в исполкоме совета обсуждался вопрос о положении на Обском Севере. Решили послать в Березов и Обдорск на пароходе «Станкевич», переименованном в «Красную звезду», отряд красногвардейцев во главе с чрезвычайным комиссаром Пейселем. На всем пути своего движения на Север экспедиция должна была устанавливать советскую власть, но главное — отбирать у зажиточной части местного населения «деньги в звонкой монете и другие ценности».

Тогда в Тобольский уезд входило шесть волостей: Демьянская, Денщиковская, Самаровская, Уватская, Филинская, Юровская, да три прибавилось: Батовская, Зенковская, Реполовская. Все села небедные, поэтому Пейсель и его вооруженное сопровождение увлеклись конфискациями и реквизициями. Награбили много, но до Березова не дошли. Остановило известие о мятеже чехословаков и захвате ими Омска.

Тремя днями раньше отряд поручика Лагуновского при содействии местного «Союза фронтовиков» разоружил охрану склада с оружием и боеприпасами, освободил из тюрьмы заключенных, в том числе Ямзина, Кушникова и Шахова, и арестовал членов уездного совета.

Филиппов так описал этот переворот: «Солдаты и фронтовики окружали наши квартиры и, зная, что мы вооружены, открывали огонь. Ко мне в дом Лагуновский послал солдата Георгия Фомина с требованием сдаться. Фомин же так трусил, что сразу в передней, не говоря ни слова, выстрелил (позже он говорил, что нечаянно) и выскочил во двор. Услыхав выстрел, оцепление дома дало залп. Я бросился в кладовку, оттуда на чердак, выломал переборку, спрыгнул с крыши и убежал в лес. Но от нервного волнения у меня так разболелся зуб, что на следующее утро я решился лесом пройти в амбулаторию при больнице на окраине города. Когда я вошел в приемную, фельдшера так перепугались, будто я с того света явился. Едва фельдшер взялся щипцами за мой зуб, как в помещение вошли пять вооруженных солдат: «Руки вверх!». Я рванулся, зуб сломался, фельдшера заломили мне руки, но я вырвался и, выхватив из-за пояса кольт, приказал этой пятерке немедленно убратся прочь, если хотят остаться в живых. Они выскочили в коридор, а фельдшера А. И. Локиц, Пр.Г. Копытов и доктор Малинин стали просить, чтобы я не стрелял в больнице, где есть тяжело больные, а сдался добровольно, потому что все члены совета, за исключением меня, уже арестованы, но, может быть, все обойдется.

Я был в крови, вытекавшей из десны, и в возбужденном состоянии, но, прислушавшись к уговорам, решил сдаться, чтобы умереть вместе со своими товарищам из совета. В полицейском управлении я сдал кольт, и меня посадили в общую камеру. Обстоятельства моего ареста может подтвердить фельдшер Прокопий Георгиевич Копылов, который живет в Тобольске.

А 9 июня пришел пароход «Народник», принадлежавший жителям Березовского уезда, который мы так ждали. Он направлялся в Обдорск. Мне пришлось горько раскаяться, что я сдался. Когда любой пароход приходил в Березово, то все его население бросало работу и бежало на пристань. В такой обстановке я мог бы выскочить из своего лесного убежища, выпустить своих товарищей из тюрьмы, мы захватили бы пароход и оттуда били бы беляков, как куропаток. Но мечтать об упущенном было бесполезно».

Сведение счетов

Еще один член Березовского совдепа Константин Георгиевич Шмуклер, 1896 года рождения, уроженец Тюмени, член ВКП(б),

директор фабрики Заводоуспенской Тугулымского района, на допросе в Тюменском отделе ОГПУ в октябре 1928 года показал: «Березовский совет состоял из следующих товарищей: председатель совдепа Федор Котовщиков, расстрелян карательным отрядом при отступлении Колчака в 1919 году, члены совета — Филипп Зашипов, Лев Железнов, Иван Филиппов. Начальником Красной гвардии был Тихон Сенькин. Я был членом совета, состоял председателем военно-революционного трибунала, заведовал отделом по борьбе с контрреволюцией, считался комиссаром тюрьмы и казначейства.

...Приблизительно 30 мая, или 2—4 июня по нов. стилю, в Березов прибыл пароход «Отважный», командир — Перепелкин, отъявленный белогвардеец, ныне проживающий в Тобольске. С парохода сошел отряд чехов, командир — поручик Лагуновский, всего 75 человек, вооруженных винтовками, но без патронов; имелись только гранаты. Лагуновский предъявил мне удостоверение: отряд продовольственный, заградительный, не пропускать баржи с рыбой частных владельцев. По решению совета отряду было выдано 2000 патронов к винтовкам «Гра».

4 июня этот отряд при содействии «Союза фронтовиков» в лице их заправил Георгия Фомина, прапорщиков Соленика, Кушникова под общим командованием Лагуновского произвели налет на совет и арестовали его членов. Меня взяли за обеденным столом. После арестов у контрреволюционеров состоялось совещание, на котором комендантом города был назначен прапорщик Нижегородцев». Шмуклера допросили в связи с обвинением Нижегородцева «в участии в перевороте против Советской власти в Березове в 1918 году». Через десять лет после тех событий суд Уральской области приговорил Нижегородцева к трем годам тюрьмы. Он отбыл наказание, жил в Тюмени, работал бухгалтером на автодорожном рабфаке.

Но в августе 1937 года его арестовали. Из старого дела изъяли протокол допроса Шмуклера и вновь предъявили эти показания в качестве обвинения. Тогда свидетель отметил: «Прапорщик Нижегородцев участия в разгроме Березовского совета и обстрелах наших домов не принимал». Не забыл он объяснить мотивы своей объективности: «В августе 1919 года в селе Самаровском я был словлен контрразведкой. Меня не расстреляли, потому что пришел пароход, которым командовал Нижегородцев. Он меня и отстоял».

А отстоять самого Нижегородцева было некому: его расстреляли 31 октября 1937 года вместе с другими 48 тюменцами, служившими офицерами в царской и белой армиях. Реабилитировали в 1956 году. Остались лишь анкета и короткие показания: «Нижегородцев Сергей Федорович, 1898 года рождения, уроженец г. Березова, до 1915 года учился, потом на военной службе: в царской армии по 1918 год, прапорщик; у белых с июля 1918 по январь 1920 года, поручик; в красном речном флоте с 1920 по 1924 годы, помощник командира парохода. Отец был рыбак, имел свой небольшой промысел, в 1929 году его раскулачили и вместе с матерью выслали из Березова. Моя семья — 3 человека: жена Вера, 39 лет, медсестра, сын Борис — 17 лет, дочь Валентина — 9 лет. Меня уже судили в г. Свердловске в 1928 году по статье 58, п. 2, и я отбыл 3 года в тюрьме и лагере за участие в свержении Советской власти в Березове в 1918 году. Кроме меня в этом выступлении участвовали Дубов (умер), Кушников (убит) и Лагуновский (ничего о нем не знаю). Я был назначен начальником команды из 20 человек, производил аресты работников совдепа и конвоировал их в Тобольскую тюрьму. В расстрелах не участвовал. Членом офицерской контрреволюционной организации в Тюмени в 1937 году я не состоял».

Органы не обделили своим вниманием и капитана парохода «Арсений»—«Отважный». Константин Александрович Перепелкин, 1889 года рождения, уроженец Тобольска, работал на водном транспорте с 1906 года, окончил Казанское (Волжское) речное училище и считался одним из самых опытных северных речников: семь лет был первым помощником командира парохода и 17 лет командиром (капитаном). При белых служил у пароходчика Плотникова командиром парохода, носившего имя одного из сыновей хозяина. В 1921 году, во время крестьянского восстания, после ухода повстанцев из Тобольска Перепелкин спас караван из 30 судов от весеннего ледохода, за что «получил от местной фракции РКП(б) звание Герой Труда».

Тем не менее его арестовали в ноябре 1933 года «за антисоветскую агитацию против посылки рабочих затона для помощи в момент осенних заготовок овощей и картофеля». Но тогда транспортному прокурору Обь-Иртышского бассейна еще хватило смелости прекратить это дело. Он счел возможным «ограничиться взысканием по профсоюзной линии».

А как же буйный красногвардеец Сенькин? Что с ним стало? Обратимся к показаниям Филиппова: «Обратным рейсом на пароходе «Народник» (потом его переименовали в «Могучий») прибыл Сенькин с тремя своими красногвардейцами. Их тут же на пристани пытались арестовать, но он бросился на Лагуновского с гранатой и наганом. Поручик с солдатами отступили. Но и Сенькин не решился в толпе взрывать гранату и стрелять. Поэтому, когда народ разошелся с пристани, его и обезоружили».

По утверждению Филиппова, «25–27 июня 1918 года всех арестованных членов Березовского совдепа отправили на этом же пароходе «Народник» в Тобольск. В Демьянском к нам в трюм посадили еще одного избранника народа, омского большевика Петра Хотееенкова. Когда мы прибыли в Тобольск, то на пристани нас увидели Д.П. Реут и Михаил Петров, работники кооперации, бывшие политссыльные, и стали выкрикивать: «Вы видите, товарищи и граждане, первых избранников народа. Черная реакция наложила руки на рабоче-крестьянских депутатов. Дойдет очередь и до всех вас, если вы не будете оказывать сопротивления». При этих выкриках конвой не рискнул сопровождать нас до тюрьмы, а отвел в бывший губернаторский дом, где ранее содержался Николай Романов, и сдал нас городской администрации. Оттуда нас под охраной доставили в тюрьму».

Филиппов подробно изложил в своих показаниях обстоятельства своего заключения в Тобольской каторжной тюрьме, эвакуационного этапа летом 1919 года в Иркутск и дальше, в Александровский каторжный централ, знакомства с еще одним «героем революции и гражданской войны» А.В. Протасовым-Жизневым, совместного с ним бегства из тюрьмы, скитаний по глухой ангарской тайге, пребывания в красном партизанском отряде, работы в уже советском Иркутске, возвращения в январе 1920 года в Тобольск... Но о Сенькине — ни слова. Чем занимался тот в это время — неизвестно. Как будто ждал где-то нового безвластия в Березове. дождался. И вновь, как чертик из шкатулки, появился в городе, привычно захватил в нем власть, объявив себя председателем уездного ревкома и «красным наместником Севера». У него были и власть, и золото, и то, что всегда дороже золота, — хлеб!

Александр Петрушин.

«Березово — пуп Земли!» плюс научные фантазии

Можно ли объективно и беспристрастно рассказать о событии, которое считаешь чудом? Я предпринимала такую попытку десять лет назад, публикуя записи воспоминаний тюменских геофизиков (и моих родителей в том числе) об открытии березовского газа и рожденной им уникальной Березовской экспедиции. (Березово — пуп Земли // Югра. 1993. №№ 4—10). Для геофизиков пятидесятих годов, убежденных сторонников точных наук в изучении Земли и всей природы, воспитанных в твердых коммунистических и материалистических убеждениях, березовский газовый фонтан 1953 года был счастливой случайностью, а сами они — «рядовыми строителями коммунизма». Воистину, «лицом к лицу лица не разглядеть»! Или, выражаясь научно: «Современников, занятых делами, обманывает абберрация близости, и им кажется, что за время их жизни ничего существенного с этнической системой не произошло» (Л.Н. Гумилев). Для меня, видящей те же события хотя не «из прекрасного далека», но все-таки со стороны, с расстояния лет, разделяющих два поколения, герои моего детства были титанами. А в «счастливую случайность», перевернувшую судьбы не только людей и социально-экономическое положение отдельного региона, но и всей России, можно верить до поры до времени — как в детстве в волшебную палочку. В зрелом возрасте, когда приходят сомнения в непогрешимости затверженных с юности учений и правоте признанных учителей, приходится искать новые объяснения. В результате и появился еще один пересказ воспоминаний очевидцев и участников тех событий — с фантазиями на эту тему одного из них, ныне кандидата физико-математических и доктора геолого-минералогических наук, автора «геосолитонной концепции» профессора Роберта Михайловича Бембея, и привлечением идей об «этногенезе» и «пассионариях» знаменитого русского историка, географа и философа двадцатого века Льва Николаевича Гумилева.

Осенью 1951 года в старое сибирское село Березово (широко известное в России по картине Сурикова «Меншиков в Березове») пришли люди, назвавшие себя геофизиками и отрядом электроразведки. Вид новоявленные геофизики имели потрепанный, бродяжий, имущество незавидное: в основном провода да железяки. Оказались ребята простые, местные, из-под Тюмени да Ханты-Мансийска. Объяснили, что ищут нефть и газ и если найдут месторождение, будет тут промысел и жизнь совершенно переменится. Березовцы слушали не без удовольствия, вспоминали сказки про заповедные места среди болот, где газ прямо из-под кочек пузырями идет, а вода радужной пленкой затянута. Но всерьез в добрые перемены мало кто верил. Березово, да и весь Ханты-Мансийский округ в те не столь отдаленные времена сохраняли репутацию мест ссылки, население которых как при царе, так и при советской власти пополнялось спецпереселенцами. Разные это были люди, но здесь всем приходилось жить по старинке, больше натуральным хозяйством, рыбной ловлей и охотой — благо рыбы и дичи хватало и коренным жителям, и пришлым. Геофизики, однако, хозяйством и местными промыслами не интересовались, все возились со своими проводами. Была у них при себе рация, по которой ежедневно получали они указания и сами отчитывались, что сделали, что дальше делать будут да чего для дела недостает. Вот эти переговоры да еще энергия, с которой не сильно разговорчивый командир разведчиков взялся готовить отряд к зимнему походу, подтверждали, что народ это серьезный, не сам по себе, а по важному государственному делу.

Анатолий Васильевич Бисеров — тот самый командир-начальник электроразведочного отряда, выполнившего первые ВЭЗ (вертикальные электрозондирования) под опорную Березовскую скважину, — и пятьдесят лет спустя, рассказывая, как же все это было, многословием не отличался.

— Я уже третий год с геофизиками работал, сначала в магнитке, потом в электроразведку перешел. Интересно было! В Ханты весной 51-го приехал, наш отряд еще относился к Тюменской геофизической экспедиции. Начальником был инженер, но он не справлялся, увольняться придумал, так что геофизиков не осталось, и я за начальника стал. Лето работали вниз по Оби. Были у нас двадцатипятитонная баржа да катер БМК (такая фанерная коробка) — постоянно он ломался. Наше начальство далеко, пытались жало-

ваться главному инженеру только что организованной Ханты-Мансийской геофизической экспедиции Шмелеву, он в ответ радиogramму: «Сейсморпартия Кузнецова давно работает самосплавом. Задания выполняет на сто процентов». Взяли провод, вниз по течению идем, тащить баржу не надо, только придерживаем по берегу. Причалить не везде могли — там съёмки не делали. Так дошли до Полновата. Тут распоряжение: «Выполнить опорную ВЭЗ у Салехарда». У Салехарда фундамент неглубоко, метров семьсот от поверхности, значит, и разности невелики, километра по три. Но на материке мерзлота, а у нас батареи слабые, не пробивают! Вернулись на Обь, по воде с помощью моторной лодки сделали пять ВЭЗов. Намучились! И с аппаратурой, а больше потому, что опыта нет, с воды-то до тех пор никто ВЭЗы не делал. Но кой-чему научились. Вернулись в Полноват на зимовку, отсюда в Березово. Нас к тому времени уже в Ханты-Мансийск передали, зимний маршрут определили: Березово—Саранпауль. С осени стали к зиме готовиться: заказали в совхозе «тоборы» и «гуся» (меховые одежда и обувь, надеваются в поездке на нартах поверх обычного зимнего снаряжения), насушили сухарей, разбросали по профилю от Березово до Хурум-Пауля. Теперь Шмелев уже меня в пример другим ставит. По рации слышу, распекает кого-то: «Бисеров сухарей насушил и ничего не просит, сидит без дотации!» Березовский совхоз дал оленей — сорок три головы, трех погонщиков и двенадцать нарт. Пошли мы хорошо. Размотку делать приходилось не больше чем по пять километров, да не по тайге, места все открытые. Электроды в полтора метра доставали талые породы, значит, и с заземлением все в порядке. Жили мы (человек двенадцать) в утепленной палатке, а каюры в чуме, иной раз и вовсе на нартах ночевать оставались: «В палатке потеть будем!». Оленей через день меняли, чтобы ездовые отдохнули, покормились. Через месяц всех оленей заменили: быстро они устают. К Уралу фундамент поднимается, двести метров до него остается, наблюдения все проще. С Северной Сосьвы перешли на речку Ляпин, по ней поднялись до Ломбовожя, Саранпауля... Возвращаясь, повторяли те точки, где сомневались в полученном материале. Весну, первое солнце уже у Сартыньи встретили. А то все в потемках работали, наблюдения при большом костре делали, да у прибора подсветочка. Вот только олени на обратном пути и вовсе выдохлись. Уже не мы на них, а они на нас едут, на нартах лежат.

А груза и так было несколько тонн. До Березово не довезли, у Игри-ма бригадир наших каюров говорит: «Оставьте, теперь сами дойдут». И верно, дошли. В Березово мы еще до распутицы вернулись. А летние работы снова по рекам...

На следующую зиму в Березово явились буровики со всем своим сложным хозяйством — эти всерьез и надолго. И отношения к себе потребовали серьезного: не в поход снарядить, а у себя устроить. Почему не помочь хорошим людям? При исполнении райсовета создали специальную комиссию, пригласили представителей лесхоза, землеустроителей и совместно с начальником буровой партии Александром Григорьевичем Быстрицким рассудили, что там, где Тюменьнефтегеологией была намечена точка для буровой Р-1, организовать бурение не удастся: не дойдет туда техника. Березовцы предложили свой вариант, на окраине поселка, между стеклозаводом и больницей. Место — как нарочно придуманное, другого такого не найти: и пристань рядом, и дорога есть, и вода, и стройматериалы, и не заливают по весне.... Сам Быстрицкий посчитал, что для решения геологической задачи, возлагаемой на опорную скважину, такой перенос значения не имеет. Работа на самой судьбой определенном месте пошла успешно, тем не менее весной 53-го года тюменское руководство за самовольный перенос скважины сослало начальника партии на юг, в Покровку. Для тех времен такое наказание за самоуправство — редкое везение! Свирепый генсек только что скончался, в стране еще держался заведенный им «порядок», при котором приравнивались либо к побегу, либо к вредительству «шаг влево, шаг вправо», а тут — целая буровая аж на 2 километра в сторону ушла! На всякий случай следовало заранее определить виновных и принять меры. Геофизики еще раньше вошли в черный список: бурящаяся скважина не встретила фундамента на предсказанной ими глубине.

— *В феврале в Ханты-Мансийск приехал начальник геологического отдела управления Сибирского округа гортехнадзора со специальным вопросом ко мне: какова глубина до кристаллического фундамента в Березово?* — рассказал уже упоминавшийся главный инженер Ханты-Мансийской геофизической экспедиции **Александр Ксенофонтович Шмелев**. — *Я взял обработанное березовское ВЭЗ — порядка 800 метров. Оказывается, березовская скважина уже достигла глубины 1200 метров, а фундамента все нет. При заложении*

скважины единственные данные о глубине фундамента взяты по нашей ВЭЗ. Планировалось предварительно произвести сейсморазведочные работы, но не было выделено ни средств, ни техники — хотя сейсморазведка обходится на порядок дешевле бурения вслепую. Теперь опорная скважина может не достигнуть фундамента — это загубленные государственные средства, и кто-то должен отвечать. Скорее всего, я — к тому времени на меня уже было собрано серьезное досье. Мы попытались интерпретировать эту кривую ВЭЗ с различными допустимыми параметрами, но глубины до фундамента во всех случаях более 1000 метров получить не могли. Через несколько недель с облегчением узнали, что Березовская скважина встретила фундамент на глубине 1324 метра...

Потом случилось несчастье: при сейсмокаротаже из-за несоблюдения правил техники безопасности погиб один из взрывников геофизической партии москвич Борис Самсонов. Тут уже и до суда дошло. Двое прямых виновников получили по два года тюрьмы, бывшие за начальство Виктор Абрамович Гершаник и Семен Исакович Лев — по году исправительно-трудовых работ на рабочем месте без права выезда и отчисления двадцати процентов заработка.

Со всех сторон скомпрометированная скважина заранее была признана не только случайной, но и абсолютно бесперспективной в плане нефтегазоносности. Электрокаротаж оптимизма не добавил. Испытания, положенные опорной скважине, все-таки были произведены, но в упрощенном варианте: открытым забоем опробовали маломощный прифундаментный пласт. Не был установлен превентор. На завершающем этапе, при подъеме труб, скважину заливали не тяжелым глинистым раствором, а водой, да и за ее уровнем не следили. Если бы не это разгильдяйство, скважину бы благополучно задавили, зацементировали, и не узнали бы, что там газ. Но коварный джинн, притаившийся до времени и усыпивший бдительность буровиков, успел воспользоваться своим счастливым случаем: когда давление упало, вырвался, взревел, выплевывал все трубы и стал аварийным фонтаном — ростом за 50 метров. Ничего похожего на таинственные пузыри из-под болотных кочек — огромная неуправляемая силища!

Бембель: *Но и о тех пузырях не стоит пренебрежительно отзываться! На месторождение они вряд ли указывают, но происхождение*

у них с залежью общее. Проявлений выхода нефти и газа на поверхность Земли — множество! Например, маслянистые пятна на Югане, возле деревни Юган. Первый раз они были зафиксированы в 1934 году, там уже тогда пытались искать нефть, под руководством геолога Васильева бурились скважины глубиной до сорока метров — ясно, что найти не могли. Были предположения, что кто-то выбросил бочку мазута. А потом эти пятна я лично видел — в 1958 году! Бочка мазута не могла протекать в течение 20 лет! Другое дело, что такие проявления не носят промышленного характера. Они говорят о том, что здесь идет дегазация Земли, часть углеводородов непрерывно уходит в атмосферу. Единственное место на Земле, где на поверхности нефть и газ почти не проявляются — Саудовская Аравия: там толщина экрана такая, что никакие нефть и газ просочиться не могут. В Западной Сибири покрывки качеством ниже, и все насквозь, как через решето, идет и идет в атмосферу. Прежде всего метан (все наши болота газируют) и легкие углеводороды — непрерывным потоком. В Уренгое считают, что в атмосферу уходит не меньше того, что добывается. Но признаки — это еще не месторождение. Может, все прошло напролет. Откуда идет, если залежи нет, — это вопрос, над которым следовало задуматься уже тогда, начиная с березовского фонтана. Но поскольку господствовала теория органического происхождения нефти, по которой углеводороды в осадочной толще Земли образуются из разлагающихся останков флоры и фауны, единственно верной и не подлежащей обсуждению была признана версия, что газо-водоносным оказался тот самый прифундаментный пласт, чуть ли не в метр толщиной. Документы, вызывающие сомнения в этом, были попросту засекречены по принципу «Если факты противоречат теории, тем хуже для фактов!». И геофизики десять лет искали в Березовском районе месторождения, подобные предполагаемому. Находили, но эти маленькие структурки запасы имели, соответствующие своим размерам и, в конце концов, совершенно разочаровали геологоразведчиков. Конечно, эти работы тоже не были напрасными: мы многому научились. Я сам в 60-м году, еще молодым специалистом, в Березово работал в опытно-методической партии, которая занялась проблемой высокочастотной сейсморазведки: мы пытались научиться видеть под землей, на глубине полтора-два километра, очень тонкие пласты, в один-два метра, содержащие нефть. Но к решению этих задач начали подходить только в восьмидесятые годы, с помо-

ицу объемной сейсморазведки ЗД. И тогда обнаружили, что сильно локализованные залежи, очень богатые нефтью, образуются там, где из глубин Земли поднимаются к поверхности Земли удивительные «столбы». Мы назвали их «зонами вертикальной деструкции». У меня свое объяснение этого явления, которое я называю «геосолитонной концепцией», и отсюда — «геосолитонные трубки». Надо сказать, более идеального места для геофизики, чем Западная Сибирь, найти трудно. Здесь мы получаем материалы супервысокого качества. Можно сравнить с тем, как мы видим дно водоема через чистую воду — геофизики других районов работают с мутными средами. После того как мы здесь обнаружили геосолитонные трубки, изучили их, те же явления стали находить в других местах, практически всюду, и очень много. Азербайджанские геофизики, например, на дне Каспийского моря обнаружили огромное количество таких «столбов». По геофизическим материалам их можно проследить на глубину до 30 километров — это вся земная кора, то есть они идут из мантии Земли. Ясно, что и в Березово это была геосолитонная трубка, диаметр ее мог оказаться — первые сотни метров. В то время никто не думал и предположить не мог, что бывают такие малоразмерные, но при этом богатейшие месторождения.

Ревел невесть откуда бьющий фонтан — как все фабрично-заводские гудки большого города разом! Говорят, за 30 километров слышно было. Будто и впрямь будил и звал... Это было потрясение не только для местных буровиков-геологов-геофизиков и окрестных жителей. Березовский фонтан, хоть и получивший необходимые геологическо-материалистические объяснения, все равно выглядел чудом, явленным для людей самой Природой. И действительно начал творить чудеса в умонастроениях, отменять решения, строить новые планы, поворачивать вспять хоть не реки, но направления работ — в государственном масштабе!

В неслыханно краткие для советского государства сроки появился приказ, отменяющий начатую три месяца назад ликвидацию геологоразведочных работ в удаленных и труднодоступных районах Севера Тюменской области. К тому времени Ханты-Мансийская геофизическая экспедиция уже была ликвидирована и как раз плыла на двух караванах барж на юг — в Новосибирск и Тюмень. Тут же было принято решение караваны вернуть и продолжить разведку, но уже не от Ханты-Мансийска, а от Березово.

В Тюменской геофизической экспедиции поднялся ажиотаж: хантымансийцы, не догуляв положенных отпусков, явились к начальству, требуя немедленно отправить их на рабочее место! Еще до рекостава в аварийном порядке с помощью обкома партии в Березово из Тюмени было доставлено недостающее оборудование, и уже в зиму 53—54 годов в Березово начала работы комплексная геофизическая партия, в которую входили отряды гравиметрии, электроразведки и сейсморазведки.

— *Палаточка у нас стояла неподалеку от фонтана — ну и гудел же он!* — рассказывает **Октябрина Викторовна Шкутова**, в то время по семейным обстоятельствам переведенная «на легкую работу» — из начальников гравиразведочной партии в отряд электроразведки. — *И все вокруг просолил. Воду для питья и стирки привозили в бочках. За две недели до родов я еще лазила с прибором по сугробам — необъятно толстая, вся замотанная... Мой начальник Юра Копелев все ходил за мной и смотрел со страхом: боялся, что я прямо в сугробе рожать начну.*

Октябрина Викторовна — единственная из женщин-геофизиков Тюменьгеологии не только заслужившая, но и получившая орден Ленина — но это уже отдельная и более поздняя история. А тогда, в Березово, она встретила свой третий северный полевой сезон. Для ее тогдашнего начальника **Юрия Самойловича Копелева** все было внове:

— *До Березово я успел год проработать в Тюмени, но в основном за книгами. По образованию никакого отношения ни к электроразведке, ни вообще к геофизике не имел, закончил Горьковский политехнический институт. Почему послали в Тюменскую геофизическую экспедицию — понятия не имею. Мы же тогда как были воспитаны: раз сказали «надо» — значит, надо, и никаких разговоров. О березовском фонтане услышал в поле. Потом отправился в экспедицию проситься в отпуск, а мне говорят: «Надо ехать в Березово». Ну, я и поехал. Летели на ЛИ-2. Еще не долетая до Березово, слышали гул скважины. Когда сели и самолет свои движки выключил, уши заложило, хотя скважина от аэропорта была за километр. Такой непрекращающийся рев низкого тона. Фонтан бил высоко, кратер ледяной дорос до половины вышки. Метров двадцать — ледяная гора, оттуда вырывается фонтан и рассыпается соленым дождичком где-то там, в вышине, разносило его вокруг скважины метров на сто. Потом лес вокруг скважины погиб. Заткнул фонтан уже в*

июле 1954 года Быстрицкий. Это первое, что он сделал, вернувшись из Покровки. Я первый раз был на Севере, конечно, интересно было все. Ханты — все в малицах, не поймешь, где мужчина, где женщина. Олени, собаки... Поселок был большой — рыбозавод, стеклозавод, промкомбинат, колхоз, большая школа в здании еще царских времен, хороший клуб. Жило очень много высланных: немцы, украинцы, куча молдаван. Друг к другу привыкли, все свои, замками своих дверей никто не запирает. Первый год было трудно устроиться на квартиру, очень неохотно пускали, потом и к нам привыкли. Рабочими были в основном березовские. Геофизиков первый год было немного, но жили дружно и весело, встречались часто. С Гершаником — у него в отряде была «передвижная камералка», помещалась в балке на санях — так каждый день.

Этот первый, еще спокойный год в Березово определил всю дальнейшую жизнь молодого подневольного специалиста Копелева: он остался с геофизиками, хотя потом уже мог сменить место работы и место жительства, и возглавил всю электроразведку Главтюменьгеологии. С **Виктором Абрамовичем Гершаником** под березовским фонтаном тоже произошло чудо: в Ханты-Мансийской экспедиции его считали скептиком и пессимистом, а теперь, хоть он тоже был не добровольцем, а «мотал срок» на «исправительных работах», стал вдруг заправским энтузиастом и весельчаком, каких поискать.

— Здесь уже реально пахло газом! — объяснял он. — Задачей нашей в первый год было выяснить, каково положение скважины, которая фонтанирует, в общем структурном строении. С тем, чтобы определить, где еще есть такие места, где, может быть, лучше, где хуже — то есть перспективы нахождения объекта газифицирующего, изучение его форм, структуры. Может, это складка или еще что-нибудь... Такая работа была целенаправленная и ближе к ожидаемому результату, чем все, что мы делали до сих пор. Объемы, которые мы должны были выполнить, по нынешним временам мизерные, всего пятьдесят километров. Было установлено, что структура находится несколько северо-восточнее скважины. Даже эти маленькие работы позволили до начала следующего сезона (сейсморазведка в этих местах до сих пор проводит свои работы только зимой) заложить четыре дополнительные скважины. Одна из них, северо-восточная, разразилась фонтаном более интенсивным и абсолютно су-

хим. Выяснилось также, что если бы Быстрицкий поставил скважину там, где планировалось, она попала бы мимо структуры, и «открытия века», таким образом, не состоялось.

Фонтан «заткнули», но, видимо, «реальный запах» березовского газа к этому времени распространился по всей территории Советского Союза, а его концентрация достигла уровня, приводящего к необратимым последствиям на психику интересующихся открытиями — началось «березовское столпотворение».

К осени 1954 года в Березово базировались две экспедиции — геофизическая и буровая, причем в геофизической было уже 5 партий, а численность работающих достигала 500 человек. Тут уже поименно каждого не назовешь! Правда, в основном это был «контингент» — рабочими полевых партий, организуемых, как всегда, «в аварийном порядке», пришлось набирать освобожденных по амнистии уголовников из близрасположенных лагерей. Конечно, проблем с ними было не счесть, и предпочтение отдавалось оседлым жителям Березово, но тех просто не хватало. Да и не каждый оседлый житель соглашался на всю лютую зиму или комариное лето пуститься в кочевья по тайге и болотам с ночевками в щелястых балках, палатках, а то и вовсе в землянках — даже за большие деньги. «Нет, начальник, эту работу делать не хотим: тяжелая больно! — честно признавались матерые сибиряки приезжим инженерам. — Ищи кого помоложе!» Но включаться в общую суматоху, во все убыстряющийся ритм жизни с новыми хлопотами, тревогами и небывалыми надеждами всем приходилось. Беспокойных гостей надо было и на постой определять, и кормить, и лечить, и необходимую оборону от пришельцев держать, и клубную самодеятельность с их помощью поднимать на невиданную доселе высоту. «Прослойка интеллигенции» составляла примерно десятую долю сложного быстро растущего коллектива геологоразведчиков. К 1959 году в уже объединенной Березовской нефтеразведочной экспедиции было 28 геофизических отрядов, и только молодых специалистов насчитывалось 159. По этой причине средний возраст березовского инженера-нефтеразведчика не превышал 25 лет, и, вопреки логике и законам природы, из года в год не увеличивался, а еще и уменьшался. В недавнее место ссылки своею волей, горя энтузиазмом, съезжались выпускники геологоразведочных факультетов самых престижных вузов страны: МГУ, Московского геологоразведочного, Губкинского, Ленинградского гор-

ного, Киевского университета, Львовского политехнического, Свердловского горного, томских университета и политехнического.... Зачастую получить направление на работу в Березово могли только те, что шли на распределении первыми — отличники и романтики. В принципе, отличники, но не романтики, поддавшись общему ажиотажу и разумно рассудив, что перспективная глубинка — неплохое начало для карьеры, тоже приезжали, отработывали три положенных года и возвращались на «Большую землю». Появлялись и просто романтики, приехавшие «за туманом и за запахом тайги» — тех и вовсе ненадолго хватало. Об этом рассказал **Анатолий Родионович Малык** — выпускник Киевского университета 1958 года, после Березово возглавлявший Новоаганскую экспедицию, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский геофизический тресты, институт Зап-СибНИИ геофизики:

— Там проверялись люди на устойчивость. Не только по профессиональному признаку, но и чисто по человеческому, по коммуникабельности, отношениям не только к работе, но и к людям. Многие уезжали не по своей воле, а потому, что почувствовали, что такая обстановка не для них. Я не могу сказать, что это были плохие люди, нет, сейчас многие из них известные геофизики, работают в московских организациях, в научно-исследовательских институтах, центральных районах. Хорошие ребята, но Север оказался не для них. А я, когда через три года приехал домой в отпуск, с таким восторгом рассказывал про отношения! Потому что на юге они были значительно сложнее, не знаю, по каким причинам. Возможно, эти аномальные условия Крайнего Севера, работы помогали сразу выявить, кто есть кто.

Оставался народ совершенно особенный. Конечно, это были очень сильные люди — иные не могли выдержать сурового климата, «полевых» условий жизни, работы в одной упряжке с «контингентом». Конечно, это были азартные люди, одержимые жаждой поиска — каждый по-своему. Кто-то надеялся на удачу, старательский фарт, кто-то на упорство, кто-то изобретал методы, позволяющие работать с невиданной производительностью, чтобы в кратчайшие сроки закрывать исследованиями огромные площади, кто-то искал новые подходы к истолкованию данных аппаратуры, возможности с помощью логики, математических расчетов видеть Землю насквозь, совершенствовать свою науку. Их

хватало на все и еще оставалось на то, чтобы чувствовать себя совершенно счастливыми.

— Экспедиция была совершенно уникальная по своей атмосфере. Возможно, частично это было связано с тем, что она была большая. Возникла некая критическая масса неординарных и творчески заряженных людей. Мы устраивали конференции молодых специалистов, на которые приезжали ребята из полевых партий, делали доклады. Не знаю, бывало ли это где-нибудь еще — конференции внутри одной экспедиции. А были конференции и по-взрослому, на которые съезжались ученые из Тюмени и других мест. Конечно, во всем принимал огромное участие главный геофизик экспедиции Лев Григорьевич Цибулин, которого в ту пору мы все очень любили: обаятельный, энергичный, принимающий решения самостоятельно, берущий ответственность на себя, разбирающийся.... Атмосфера была еще и спортивной. Я был капитаном волейбольной команды, которая победила на территории Березовского района — это среднее европейское государство, еще и поболее некоторых! Были и другие виды. Тренировки были до двух часов ночи, мы просто не замечали времени, — это уже из воспоминаний академика **Сергея Васильевича Гольдина**.

Совместную жизненную энергию этих людей, волею случая (а может, и не случая?) собравшихся вместе, поневоле приходится сравнить с тем фонтаном, что призвал их. Но более всего попавших под влияние колдовского березовского газа объединяло два поистине мистических качества: вера в несметные богатства сибирской земли и убежденность в своем предназначении найти их — не для себя, для всей страны.

«Березовской академией» называют геофизики ту экспедицию. «Кузницей кадров» — руководство Главтюменьгеологии: молодые специалисты, с первого сезона самостоятельно писавшие геофизические отчеты, вполне сравнимые с диссертациями, на втором году работы становящиеся начальниками отрядов и партий, затем возглавили геологоразведку по всей Тюменской области (и не только), стали ее элитой. Администраторы и интерпретаторы, ученые и операторы — независимо от занимаемой должности, они все оказались талантами, лидерами, авторитетами и учителями среди своего окружения.

В трудах Льва Николаевича Гумилева я нашла общее имя для этих людей — пассионарии.

«Формирование нового этноса всегда связано с наличием у некоторых индивидов необоримого внутреннего стремления к целенаправленной деятельности по изменению окружения, общественного или природного, причем достижение намеченной цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта, представляется ему ценнее даже собственной жизни. Этот признак лежит в основе антиэгоистической этики, где интересы коллектива, пусть даже неверно понятые, превалируют над жадой жизни и заботой о собственном потомстве. ...Итак, пассионарность — это способность и стремление к изменению окружения. Степени пассионарности различны, но для того, чтобы она имела видимые и фиксируемые историей проявления, необходимо, чтобы пассионариев было много, т.е. это признак не только индивидуальный, но и популяционный... Пассионарность обладает важным свойством: она заразительна. Это значит, что люди гармоничные (а в еще большей степени импульсивные), оказавшись в непосредственной близости от пассионариев, начинают вести себя так, как если бы они были пассионарны. Но как только достаточное расстояние отделяет их от пассионариев, они обретают свой природный психоэтнический поведенческий облик. ...В составе этносов почти всегда присутствует категория людей с «отрицательной» пассионарностью. ...Группа субпассионариев в истории наиболее красочно представлена «бродягами» и профессиональными солдатами-наемниками. Они не изменяют мир и не сохраняют его, а существуют за его счет. В силу своей подвижности они часто играют важную роль в судьбах этносов, совершая вместе с пассионариями завоевания и перевороты. Но если пассионарии могут проявить себя без субпассионариев, то те без пассионариев — ничто. Они способны на нищенство или на разбой, жертвой которого становятся носители нулевой пассионарности, т.е. основная масса населения».

В результате дальнейшего погружения в идеи Гумилева об этногенезе я пришла к потрясшему меня самому выводу, что стала свидетельницей, как на фоне угасания стареющего и распадающегося этноса россиян зародился либо новый, еще не имеющий собственного имени, либо получил мощный импульс развития дремлющий до поры субэтнос сибиряков. Случилось это, что называется, на пустом месте, из ничего, из невидимого и неосязаемого сгустка энергии! По мнению Гумилева, «в природе существует этни-

ческое поле, подобное известным электромагнитным, гравитационным и другим полям, но вместе с тем отличающееся от них. Проявляется факт его существования не в индивидуальных реакциях отдельных людей, а в коллективной психологии, воздействующей на персоны». Измерять «этническое поле» пока, видимо, возможно только ощущениями людей, попавших под его влияние. В геофизических рассказах присутствуют отчеты и о таких наблюдениях.

— *Мы считали, что находимся на самой горячей точке, вот именно — пуп Земли! Когда я приезжала в Москву и встречалась со своими сокурсниками, мне все казалось: «Господи ты боже мой, какой ерундой они все занимаются! Главная-то работа — наша! А они все не то делают!»* В основном все так были настроены, — признается **Галина Павловна Агафонова** — выпускница МГУ 1955 года, отработавшая свой первый сезон оператором гравиметрического отряда. Это 200 километров по зимней тундре на оленьей упряжке в обнимку с капризнейшим и тяжеленным прибором, с ночевками в палатке или чуме, имея в качестве помощников двух мальчишка-юров и матерщинника-радиста. Зато доказала, что «молодые тоже могут, даже если женщина!». Но такая экзотика — для начала, потом Галина Павловна, как и другие женщины-геофизики, стала интерпретатором, подготавливала структурные карты для планирования сейсморазведочных работ, разведочного бурения, подсчета запасов. Партия оперативного анализа Главтюменьгеологии, в которой она работала, «сделала больше, чем все тюменские НИИ вместе взятые!» — утверждает Лев Григорьевич Цибулин, ставший после Березово главным геофизиком Главтюменьгеологии. При этом сотрудники партии не пытались защищать диссертаций, не претендовали на государственные награды. Они просто делали свое дело, продолжали то, что начинали в Березово.

Бембель: *Мы там все чувствовали, что «Березово — пуп Земли!».* Обстановка была необыкновенная. Собрались, сконцентрировались такие люди, в таком количестве — из Москвы, Ленинграда, Львова, Киева, Баку, Саратова, Свердловска, Томска, Новосибирска — отовсюду, все варились в общем котле. И что интересно, с самого начала не было землячества или деления по национальностям. Люди сразу начали объединяться по интересам, по интеллекту, и совсем не важно было, откуда ты и кто по национально-

сти. Народ тут и должен был быть необыкновенный: если бы не хватило их запала, ничего бы не состоялось.

Могло ли все это быть стечением обстоятельств, случайностью? «Случайность» — любимое объяснение материалистической науки всего, что не поддается ее измерениям, причину чего она не в состоянии понять, в том числе и само возникновение жизни. По этому поводу двое современных ученых, математик и астрофизик, сказали: «Скорее ураган, пронесшийся по свалке старых самолетов, соберет из кусков лома новешенький суперлайнер, чем из своих компонентов случайно возникнет жизнь». Березовский фонтан, загадки которого, как выясняется, нам еще предстоит разгадывать, изначально, уже с факта слепого попадания первой скважиной в столь тонкое месторождение, не мог быть случайным. Наверное, провидение хотело помочь России. Когда коммунистический режим загнал все в русло, ведущее к прямой гибели, российская экономика была спасена Тюменью. Что бы было с Россией после развала Советского Союза, если бы не было тюменского нефтегазового комплекса?

Но, возможно, не только спасение российской экономики было целью провидения. Виктор Абрамович Гершаник, которого спустя годы коллеги стали называть «одним из признаков залежи углеводородов» (так уж получалось, что где бы он ни работал, находили месторождение), в конце жизни, подытоживая ее, сказал: «Важнее всего не то, что мы открыли нефтяной Север, а что Север открыл нас. Не все это открытие выдержали, но кто выдержал... Французский физик Ланжевен сказал: «Счастливцев Ньютон! Открыть закон всемирного тяготения можно только один раз». Уже когда я обосновался в Тюмени, я любил ходить собирать грибы по Ялуторовскому тракту. Там железнодорожный переезд. И вот однажды я подхожу — шлагбаум закрыт: идет состав с шаимской нефтью. Это, оказывается, так приятно, что идет состав с моей нефтью! Пусть и дорогу других преграждает такой шлагбаум!»

Может быть, провидению угодно, чтобы не переводились такие люди? По Гумилеву причиной появления пассионариев на Земле является «пассионарный толчок» — «микромутация, вызывающая появление пассионарного признака в популяции и приводящая к появлению новых этнических систем в тех или иных районах». «Толчки», по его мнению, «явно неземного происхождения» — но как раз в этом он мог ошибаться.

Бембель: Я отметил на физической карте Земли координаты более 30 предполагаемых Гумилевым «толчков». В семидесяти пяти процентах случаев они оказались расположенными в зонах повышенной геосолитонной активности Земли. Это тоже не случайность. Я считаю, что наша планета Земля — высокоорганизованная, живая, самоуправляемая система. Мы, в составе биосферы и ноосферы Земли, тоже входим в эту систему. Она в свою очередь является частью такой же живой, еще более высокоорганизованной, разумной Вселенной. Еще Сократ в платоновском диалоге «Кратил» говорил так: «Те, кто считает, что все находится в пути, полагают, что большая часть вещей просто движется, и есть еще нечто такое, что проникает все остальное, благодаря чему возникает все рождающееся. Это нечто есть также самое быстрое и самое тонкое — ведь иначе оно не могло бы проникнуть сквозь все идущее, не будь оно столь тонким, что его ничто не задерживает, и столь быстрым, что оно распоряжается остальными вещами так, как если бы они стояли на месте». Безо всякой терминологии Сократ, по существу, сказал о двух вещах: о веществе и об управляющем этим веществом поле. «Нечто проникающее», очень быстрое и очень тонкое — это поле: электромагнитные волны, гравитационное поле, торсионные поля, на которые записывается информация, в том числе и та, которую Гумилев называет «этническим полем». Геосолитонные трубки, о которых мы говорили, — это пути прохождения сквозь тело Земли рождаемых ею полей, геосолитонов. Геосолитоны обеспечивают обмен веществом, энергией и информацией между космическими телами. Вещество и энергия материальны, информация нематериальна, что дает повод время от времени о ней «забывать». Но без нее нет жизни, поскольку один из признаков жизни — управление. Это не моя мысль, а замечательного русского ученого Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского. Мертвое — значит, разрушающееся, процессы в котором идут стихийно, неуправляемый процесс называется энтропийным, или разложением. Этот принцип справедлив как для живого организма, так и для государства и планеты — всего. Отсюда для меня совершенно очевидно вытекает вывод о том, что аварийный березовский фонтан был не просто «газово-водяным выбросом», а Явлением, доказывающим существование направляющей руки Высшего Разума нашей планеты, или Бога.

Роберт Бембель, Елена Шмелева.

II. Старое и новое

«Солдатушки, бравы ребятушки...»*

(Дневник новобранца)

Раз во время занятия меня позвали в околоток, со мной пошел лучкинский Разбойников. В околотке меня осмотрели, расспросили и отпустили. Недели через две опять позвали. Я пошел уже один. В околотке было несколько врачей и полков[ник] Ерошевич, полков[ник] меня спрашивал, чем дома занимался, и я ему отвечал, спрашивал также, стрелял ли я дома, я сказал: стрелял и только дробью. Врачи посоветовались и решили написать мне свидетельство на нестроевую должность.

Когда в роте узнали, что я нестроевой, молодые завидовали мне, каждому хотелось быть нестроевым. Мне в роте было несколько прозвищ. Более звали Захарко, а унтер-офицеры и ефрейторы — Венедиктом, а когда стал нестроевым, то звали Нестроевой или Штатный.

А писем все нет и нет, мне казалось, что все забыли меня. Я опять написал всем по письму, а Устинку писал: что с «О» и что с «М»?

Двенадцатого февраля у нас ротный праздник. Нам выдали мундиры. Мундиры были плохо пригнаны и сидели на нас мешками. В праздник утром нас построили в две шеренги вдоль прохода, по бечевке выровняли в ожидании ротного командира; ротным командиром был тогда [нрзб.] Прокофьев...

Пришел ротный ком[андир] и поздравил нас с праздником. Нас построили в столовой кругом иконы Ивер[ской] Б[ожией] М[атери]. Пришел полковой священник и, наконец, командир полка. Отслужили молебен, мне пришла очень горячая охота молиться — так, что навертывались слезы на глаза. Затем кричали «Ура!» за здоровье государя, государыни, наследника престола, командира полка, ротного командира и бывшего комроты Богданова, с которым были портреты государя и наследника с собственноруч-

* Окончание. Начало см.: Подорожник: Краеведческий сборник. Выпуск 2. Ханты-Мансийск, 2002. С. 57–90.

ными надписями, затем за здоровье полкового священника и опять командира полка, и за свое здоровье и счастливое окончание службы, и своих родных и знакомых, и благополучное возвращение домой. И грянули же мы за свое здоровье!

Нам раздали по два фунта булки и по полбутылки пива. После обеда пришли музыканты и играли до пяти часов. Я в первый раз слышал [нрзб.] хор полковой музыки, и музыка мне почему-то не понравилась, я отнесся к ней равнодушно.

Вообще, с самого начала рекрутства я на все смотрел равнодушно, и даже дорогой, когда ехали сюда, ничто не интересовало, я смотрел на все, как [на] давно виданное, я удивлялся себе, что меня ничто не интересует.

А писем все нет и нет. Мне казалось, что все меня забыли и я никому не был нужен, и это меня иногда раздражало. Мои письма давно должны быть дома, и адрес мой должны знать.

Учение шло своим порядком. Когда была словесность, я говорил громко, так, что солдаты смеялись и говорили: а Захарко здорово отвечает. Гимнастика тоже не обходилась без замечаний солдат. Если я подходил к какому-нибудь снаряду, солдаты говорили: вот Захарко сделает, он не [нрзб.], он ефрейтора отхватит и пойдет в нестроевую роту, унтер-офицером будет, ему везет.

На турнике и на лестнице я работал хорошо и на брусках ничего. Из всей гимнастики я не мог скакать вдоль через кобылу, за что мне и попадало ремнем от подпрапорщика, и как бы я ни скакал, перескочить не мог и всегда растягивался на кобыле. Через кобылу из молодых прыгали немногие, и стрелки многие не могли прыгать.

Иногда после занятия нас собирали и заставляли скакать через кобылу; который перескочит, тот идет оправляется, а который нет — за пирки, и когда все перескачат, нас из-за пирок выпускают по одному. Который выйдет, его возьмут нагнут и стар[ший] обучающий ремнем — раз, раз, и когда отпустят, несешься вприскок по проходу, а когда скомандуют «За пирками равняйся!» — выравниваешься, «Налево!» — повернешься, «Садись!» — сядешь и пойдешь гусиным шагом, а ст[арший] обучающ[ий] с ремнем встречает каждого. Я всегда попадал за пирки, когда скакали через кобылу, и как бы учитель меня ни подбадривал, я никак не мог перескочить... Все остальное я делал хорошо.

Меня сначала интересовал разговор солдат, который я почему-то избегал. Если говорит солдат солдату: сделай то-то или сходи туда-то, солдат отвечает: «А раньше». Это «раньше» употребляется всегда между стрелками. Или вместо того, чтобы сказать «Ты неладно делаешь», говорят: «Эх ты, качаешь», или «Подкачал». Веселый или хороший стрелок называется «боевой», это введено и между офицерами. Мне часто говорили: «У нас Захарко боевой».

Любимый у солдат разговор — про увольнение, а сколько про него шуток и прибауток — не перечесть. Если молодой что-нибудь делает, ну хоть несет бак с супом, ему говорят: «Сколько тебе таскать-то?». Если увидят жеребенка, то кричат: «Внимание, тринадцато лето!». А если услышат — играет музыка, марш, кричат: «Внимание, одиннад[цатый] год!» и начинают притопывать.

При встрече стрелок со стрелком начинают разговор всегда почти с одних слов: «Как живется, письма получаешь?». Письма у солдат — первое удовольствие, а из деревни их так писать скупятся. Солдаты последние гроши собирают и посылают домой письма.

Сойдешься с товарищем, и разговор про своих, про деревню, и первым долгом спрашиваешь: а что, письма не получил, не знаешь, что у них хорошего? Каждый стрелок любит говорить про письма и про увольнение.

В конце февраля мне Никитка принес записку от «О». О, как я обрадовался, читал и перечитывал ее. «О» писала: «Тяжело без тебя этому твоему другу. Дорогой [нрзб.], не забывай нас, и мы тебя не забудем и любим тебя более прежнего. Как невыносимо ждать от тебя письмо с адресом, и вот решила написать в одном конверте с Ник., надеясь, что он тебя увидит и передаст тебе. На меня письма не пиши своей рукой адрес».

Далее писала: «Никто тебя не забыл, и просили писать чаще, каждую неделю». Далее просила помнить советы своей сестренки и сообщила, что крестный и мама жалеют и плачут. «Если тебе нужны деньги, напиши сейчас же, и он тебе вышлет. Веди себя лучше, чтоб все тобой довольны были. Утка женится на Варе, свадьба третьего февраля. Никто тебя не забыл, и не думай этого», — были последние слова в письме. Письмо писано наполовину по-тарабарски.

Как я обрадовался письму, а особенно тому, что «О» пишет «не забыла» и исполняется задуманная мною дружба с целью под-

держивать и давать советы на службе и любовь, для которой мне бы хотелось во что бы то ни стало прослужить и снова увидеть «О». Мой характер дурной, мне все представляется и думается: почто человек живет, если жизнь не удастся ему? Мне часто почему-то было скучно и тяжело, и я думал: к чему жить, коли жизнь несчастлива! И мне хотелось или перемены, или вовсе не жить. Я очень боялся, что придет такая минута, что я решусь сделать с собой что-нибудь дурное. Также очень боялся, что не хватит силы переносить тяжести службы и по своему дурному уму не увижу родных, друзей и свободу.

И когда я почувствовал, что люблю «О», и люблю не так, как любил прочих, которых любить бросить для меня ничего не значило, что «О» лучше и красивее всех, и я ее полюбил невольно, не замечая этого, и сразу понял, что я люблю ее любовью, в которую не стоит шутить. Я понял глубину любви к ней тогда, когда думал, что она меня никогда любить не будет за то, что я хуже и стою на нижней ступени образования. Как я мучился и терзался тогда, думая это. Но желание мое сбылось, хотя я и не верил и сейчас не верю, что «О» любит меня, мне кажется, что из жалости ко мне она говорит и делает вид, что любит. Но пусть не любит, пусть хоть пишет и не забывает меня.

Жизнь солдата скучна и однообразна, никакого удовольствия, кроме писем, недаром солдаты так их любят. Мне как-то сразу бросилось в глаза, что служба сама по себе не так тяжела, как тяжела скука и одиночество, также и неволя.

«О» не забывала, и вскоре я получил другое письмо, уже с моим адресом. Она писала, что получила мое письмо с адресом и спешит ответить. Далее писала, что получила письма из Тобольска и со ст. Толидо, и последнее Утка распечатал. А я писал из Омска, Новоникол[аевска], Толидо, Байкала, Маньчж[урии] и Харбина, сейчас не знаю, где они: или затерялись в дороге, или все у Утки. Очень скверно, если они у Утки, я в них писал много такого, что не хотелось бы, чтобы они были у Утки.

Далее «О» писала: «Дорогой [нрзб.], я тебя не забыла и не забуду, и ты не забывай и пиши, да пиши дор[огой] [нрзб.] чаще, ради Бога, чаще, а то меня страшно мучит, что ты мне редко пишешь, мне так тяжело и скучно без тебя, дорогой».

Милая «О», и мне тяжело, но что же мы сделаем, ведь ты недаром сказала, что человек игрушка в руках капризной судьбы, эти слова я никогда не могу забыть.

Далее писала, что Утка написал ей, что я умер или случилось со мной несчастье, и она позвала свою мать и сказала ей, а ученики слышали и рассказали в деревне, а в деревне так не пройдут такие вещи, и получилась сплетня.

Было видно, что Утка начинает игру, и только чем кончит? Когда я был дома, то было видно, что завидует мне, хоть и не знал, какие отношения у нас с «О», но ведь не знать — более подозревать. Должно быть, сейчас вздумал встать на мое место, и если вздумает далее добиваться моего места, то бедной «О» много придется перенести всяких гадостей. А он сумеет устроить все, у него закон не писан, а характер самый подлый. Бедная «О», что тебе будет из-за меня.

Далее «О» описывала, какая была елка, сколько и какие были гости. Ребята отличились на елке на славу. Егор, Колька и Черкашин не отпустили своих ребят, из-за этого пропало много хороших сценок. Пишет, что сильно хворала и чуть не умерла.

Ей не нравится, что пишу «М», ну что ж, не буду писать, мне и так она надоела. Меня только несколько беспокоит ее положение, потому что я считал себя несколько виноватым в теперешнем ее положении.

Но сейчас меня беспокоит положение «О», она находится между врагами, которые могут ей сделать всякие глупости, и только потому, что она мой друг.

Она просит меня писать ей чаще и не пить. Сейчас же писать часто невозможно, потому [что] заставляют все свободное время чем-нибудь заниматься, а пить совсем некогда, разве у закоренелого пьяницы сейчас вино на уме.

Писать, что хотелось, «О» я боялся, потому что письма могут попасть кому-нибудь в руки, и я писал то, что совсем мне не нравилось. Подожди, милая «О», когда я обучусь, у меня много будет свободного времени, и я тебе буду писать часто, часто.

«О» пишет, чтоб я учился и занимался грамматикой, но сейчас не грамматика на уме, а требуют, чтобы занимался гимнастикой.

Вскоре после письма «О» получил письмо от крестного и Утки вместе. Крестный ничего не писал, кроме поклона и что

Влас в Петербурге в лейб-гвардии, а Утка писал, что женился на Варе. Учительница живет хорошо. Про «М» не слыхал и не видал. Катушка была хорошая, такой не бывало никогда. Почему не писал мне писем? Учительница получила три письма, а я одно, и то распечатанное отдала учительница. С учительницей живу теперь хорошо, сначала была немного ерунда какая-то, она пыталась меня, что ли, а теперь хорошо относится ко мне, как женился, теперь и не то стало со мной и с ней. Жизнь моя совсем другая стала. Я теперь стал пить вино, как ездил в город, взял вина хорошего, коньяку и прочих вин, пил, сколько мне надо было, и тебя поминал. В конце письма писал: «Меня Варя сильно любит. Посоветуй: мне жить или покончить жизнь свою».

Пришел Никитка, я сказал ему, что пишет Утка, а Никитка сказал: «Вот взяли бы в солдаты и потерли, как нас трут, забыл бы просить совета». Оно и верно, ему делать нечего и пишет, что на ум придет.

Я тоже так думал, как был дома. Если что братья скажут — не нравится, и работа тяжелая, кажется, [что] много заставляют работать. А сейчас и рад бы пожить, как жил, но тут командуют: «Эх ты, серая пробка, еще мать со станции не ушла, а ты об увольнении говоришь, завтра не в очередь будешь писарем по взводу!». Вот при такой команде забудешь просить советы: жить или умирать. Служба из дурака делает умного, а из умного дурака. Можно сказать, что кто на службе не бывал, тот и горя не видал. Я вот только не успел еще носа обогреть в роте, а служба садится на плечи, заставляет жить и оглядываться, чтоб каждый день был на учете.

Мне часто говорят: «Тринадцато лето, Захарку везет, он все знает». А это «везет» нелегко достается. Как подумаешь, что каждая ошибка сулит [нрзб.], тогда поневоле захочешь, чтоб везло.

Сейчас, думая, как я жил дома, я каждый раз называю себя дураком, не умел жить и пользоваться жизнью.

«О» писала часто, и письма все были длинные, она описывала, как жила, и все новости, свои и деревенские. Я писал, что мне служба дается, что пока хорошо и даже мало думаю об ней. Это была правда: меня как-то сразу втянула ротная жизнь, и тут занятия, охота не отстать от людей и не нести наказания. Вечерами время проходило незаметно, было шумно, задуматься не да-

вали. Я был охотник [нрзб.] на турнике или пошляться по роте, на месте не сиделось, письма писать мешали, и если писал, то неразборчиво. И время летело незаметно, не успеешь опомниться — проверка, после проверки иногда словесность. Учителя занимались со своими учениками, и занятия были слабые, более говорили о посторонних вещах, а наш Гриценко иногда поручал обучать мне, а сам уходил совсем.

Приходили старослужащие и слушали, как я занимаюсь, и говорили: «Захарко [нрзб.] приехал, а уж обучает, тринадцатый год, на будущий год будет учителем».

Тянули своих учеников учителя Малюгин и Лобачев, а все равно ученики знали еще менее нашего.

Если не было долго письма от «О», я совсем как-то забывал свою деревенскую жизнь и мало беспокоился, но если же приходило письмо, я становился веселым, и «О», и вся жизнь ярко представлялись в уме моем, я как-то становился энергичнее, и мне служба казалась пустяком.

А письма «О» писала длинные, длинные, так что читать их не хватало послеобеденного отдыха. Товарищи дивились, что мне часто пишут и письма длинные. Я говорил им, что у меня в письмах нет ни одного поклона, которые я ненавижу. Товар[ищам] хотелось знать, что пишут, я им давал читать, но они ничего не могли разобрать. Особенно дивились, если письмо писано по-тарабарски.

Мы готовились к большому параду по случаю трехсотлетия дома Романовых. Утром в день юбилея нам выдали новые шароварки защитного цвета, серые папахи, новые ремни поясные, ружейные и подсумки. Мы оделись и построились, нас осмотрели и повели на полковой плац, и когда собрался весь полк, пошли на гарнизонный плац около гражданской тюрьмы.

Все солдаты с нетерпением ожидали трехсотлетия, думая, что сбавится срок службы. На плацу уже построились второй, третий, пятый и двадцать первый полки с батареями и пулеметными командами и кавалерия. Некоторые роты в полках выравнивали по бечевке. Приехал начальник дивизии генерал-майор Сидорин, объезжал полки, потом служили молебен. Я чуть не отморозил уши во время молебна. Солдаты говорили, что после молебна будут читать манифест.

После молебна кричали «ура!» и стреляли из пушек, затем проходили церемониальным маршем мимо начальника дивизии сначала полки по порядку номеров и затем батареи, от батарей был сильный грохот и шум. В первый раз я видел так много войска, офицеров и пушек. <...> Очень много было вольного народа. Особенно хорошо было, когда играли полковые музыки во время приезда начальника дивизии.

По казармам пошли с песнями. Когда шли по прямым улицам, штыков было, как лесу. Сначала шли пехота и конница, взади артиллерия. От песен содрогался воздух, каждая рота пела свою песню. Полк от полка шли на пятьдесят шагов, батальон от батальона — на двадцать пять шагов, а рота от роты — на десять шагов.

В ротах нам дали по полбутылке пива и по фунту хлеба. Солдаты дождались объявления манифеста, но манифест-то был только насчет арестованных.

На другой день ходили в унтер-офицерское собрание на спектакль, играли «Сусанина». И после обеда пошли в городской театр (народный дом). Мне не удалось сходить в город, ходил за обедом.

В марте начали нас приучать к пороховому дыму, водить на стрельбу. Сначала ходили молодые, прибывшие раньше нас, потом и мы; стреляли из тира на двести шагов в поясные мишени. Нам говорили, как надо стрелять, держать ружье, спускать курок и т.д. С нами стреляли еще из каких-то рот молодые. Давали по три патрона. Я попал только две пули.

После стрельбы я вышел из тира, ефрейтор какой-то роты построил «промахов» и занимался укреплением рук. Было холодно, руки у них мерзли, и они чуть не плакали, но ефрейтор командовал беспощадно. Я стоял и смотрел, мне представлялась служба во всем своем блеске. «Если все хорошо, так хвалят, а случится неудача — замучат беспощадно», — думал я.

Сколько я прожил в роте, никогда не видал, чтоб старослужащие наказывали молодых, а вот, говорят одиннадцатый год, что девятый и десятый год были собаки, не давали никогда молодым как следует пообедать, ставили на ложки и требовали, чтобы не ломали ложек, клали на ящики свои спать или стоять на полусогнутых ногах, делать упоры и ходить гусиным шагом.

Стрельба разделялась на подготовительную, упражнительную и боевую. Стреляли на двести в поясные, на триста или четыреста — в головные и на пятьсот и далее до тысячи четыреста — в рост. Я более трех не попадал, и то только один раз попал три, но и промахов не давал, за них ставят под ружье, а я не любил стоять. Я не старался стрелять, ни к чему было нестроевому стараться, а то хорошо будешь стрелять — оставят в роте, а мне хотелось поскорее выкрутиться из роты, и выкрутиться так, чтобы не наказывали.

По праздникам гоняли в церковь. Я ходил каждый раз, если не удавалось спрятаться. После обеда гоняли на беседы в девятую или двенадцатую роты.

[Далее в рукописи нет стр. 107—110].

...праздник чувствуешь себя, как в кругу самых дорогих близких друзей, а здесь никого знакомого. Хоть и есть, но где они — не увидишь в такой массе солдат.

А как хорошо поет «О» с учениками, как я любил слушать, когда поет она. Милая, дорогая «О», знала бы ты, как тяжело было в ту ночь. А она, может быть, и вспомнила обо мне. Было жарко и тесно. Сначала стояли построеными, а потом разбились, и многие вышли на ограду, где горели костры. Служба была недолгая, по-военному. Вышли из церкви, построились и ждали командира полка. Командир поздравил с праздником и, как всегда, скомандовал по казармам бегом.

В роте построились, взводные и отделенные христосовались с нами и сели разговляться; получили по порции пасхи, сыру, колбасы и по два фунта хлеба, разговелись — и спать. Праздновали три дня. Ходили в солдатский театр и на плацу делали гимнастику... но только вольные движения под музыку, на снарядах не делали, потому что во время упражнения много человек ушиблись. Разведчики показывали свои фокусы на лошадях и убили две лошади, и двое разведчиков сильно ушиблись.

После пасхи мы занимались более на улице и в поле. Пойдем на стрельбу, и старики стреляют, и мы занимаемся: гимнастикой, словесностью и ружейными приемами. На стрельбище приходят торговцы с сайками, булками и кренделями; у кого деньги, те брали и ели, а у кого нет — просили или в глаза смотрели.

На словесности меня спрашивали редко, а если и спросят, так не так, как других, а говорят: «Вот Зах. скажет». И редко бывало, чтоб я не сказал.

Письма «О» писала так же часто, но денег послали только пять рублей.

Когда ходили на полевые занятия, меня отправляли дозором и часто за старшего, а если рассыпались в цепь, я ходил лево-фланговым дозором. Вообще, мне ничего тяжелого не давали.

Раз после поверки нас выстроили и начали сдвигать ряды и повороты. И с правого, и с левого от меня фланга побили, и заднего, но я остался небитым и даже не получил замечания. Ну и боялся же я, чего никогда не бывало. Подп[рапорщик] [нрзб.] так был зол, что за самую маленькую ошибку бил по маске.

В апреле уже занимались общим строем, гоняли на полевую гимнастику. Сначала вбегали на горку и скакали вниз, аршина четыре вышины. Наш Урман никак не решался соскочить, и его стлкивали. Раз скакали с коленей с кобылы: станешь на кобылу поперек на колени — и соскочишь. Урман никак не решался, и его заставляли ротный, полуротный и учителя, но он стоял и стоял. Полуротный бил его шашкой и толкали. Столкнул, поставят, и опять стоит, не решается соскочить. И выстоял весь час. Так ему тяжело пришлось, что он вспотел как мокрая курица. А через веревку, хоть на четверть подыми, не перескочит. Мне полуротный поручил его выучить скакать, я увел его за нары и не мог выучить перескочить через аршинный ящик.

С горки соскочишь, потом три кочки, одна от другой на сажень, с кочки на кочку перескочишь — за кочками барьер и барьер с брусом, опрыгаешь между брусья — далее деревянная горка, на горку забежишь и перескочишь через барьер, а от барьера до земли аршин пять, тут же лестницы, веревки и шесты, далее забор, от забора через канаву и потом по кочкам и через вал, за валом бревно. Раз я побежал через бревно и упал. Коленями попал на бревно, а головой на землю, ушиб сильно ногу, и от сапога отлетела подошва. По бревну пробежишь, потом бежишь по канаве и нагибаешься, чтоб неприятель не видал, канава за [нрзб.], потом опять горка, на нее заскакиваешь с крутой стороны и под горку катишься катком, тоже чтоб неприятель не видал.

Как пойдут в казарму, двое или трое есть хромых. Часто сильно ушибаются, падая с турника или с какого-либо снаряда. Если отдадут в приказ, что в такой-то роте ушибся или убится солдат, то наш подпрапорщик запретит заниматься на снарядах в свободное время, чтоб не случилось несчастья, и потом сам же говорит, что солдаты ленятся упражняться гимнастикой в свободное время.

Взводный второго взвода Верещагин упал с турника на дворе и всю маску своротил, на шинелях унесли в околоток.

Я никогда не берег себя на гимнастике, но и никогда не падал, только раз своротил локти, балуясь на турнике. Если занимались на снарядах гимнастикой и видел, что другие не могут сделать, что задано, у меня тряслись подколенки от нетерпения.

В конце апреля нас подтягивали, потому что готовились к экзамену, говорили, что в первых числах мая будет экзамен.

Раз подпрап[орщик] Лапко стал собирать рыбаков неводить. Я сначала не хотел пойти неводить, но отделенный сказал под[прапорщику] Лапку, что я рыбак, и подп. зачислил меня в команду неводчиков. Вытащили невод, очень интересный, долины сажень десять, стень сажени полторы, и на ухе и на пяте были привязаны разлуки точно такие, какие у нас вяжут на песках. Под[прапорщик] приказал зашить дыры. Из нас нашлись только трое из всей команды, правильно умеющие зашивать — я и двое иртышных.

Чтоб нести невод, накатывали его с обеих сторон на разлуки, я показал, как носят у нас. Лапку понравилось, и невод наседали на шеи человекам пяти. Вся команда состояла человек из пятнадцати. С нами пошел полуротный с каким-то офицером.

Пришли к озеру, половина стрелков ушла на другую сторону озера. Тянули тягой, как залив, и, проташив сажень пятьдесят, пританивали, чтобы не подавать на другую сторону веревки, когда пританивали, для этого к ушам было привязано две веревки, за одну тащили на другой стороне, а другая была у нас, за которую мы подтягивали ухо во время притони.

Попадали караси, сомы, раки и крабы, которых мы бросали или собирали корейские мальчишки. Краб круглый, как две сложенные тарелки, и у него восемь ног, с виду очень некрасивый. Раков очень любит полуротный и чуть не ест их живыми. Рыбы очень много должно быть в озере, наш невод не хватает ни неба,

ни земли, и то попадало по пяти-шести карасей и сомы. Сом похож на налима, только некоторые плавники не такие, как у налима. А раки как раки, я их видел в первый раз и не решился брать в руки, были противны.

Чтоб во время притони не уходила рыба, под[прапорщик] Лапко приказывал солдатам снимать шароварки, забредать в воду и прижимать тетиву к земле.

Я рассказывал, как неводят у нас и как ловится рыба. Особенно интересовало их, что мы рыбу пускаем в озера и по зиме выневаживаем. Кажется, они и представить себе не могли, как бы мы ни объясняли с Молоковым и Разбойниковым.

Еще ранее как-то раз на словесно[сти] я рассказывал полуротному, чем у нас занимаются в течение всего года; рассказывал и про речки, про запоры, и как я лазил в воду, и какие у нас местности, и какие звери, и как их ловят и чем, также про самоедов, остяков и казымцев. Их это все очень интересовало, и они называли меня охотником.

У одного конца озера была корейская деревня. Когда мы кончили неводить, вытащили невод на берег и подпр[апорщик] спросил, кто хочет остаться караулить невод, пока приедет Плащик (ротный конюх), я вызвался первый. Мне хотелось побыть на поле и на свободе. Со мной остались еще двое: Костя Солянской и еще один. Когда команда ушла, я пошел посмотреть, что хорошего в деревне. Деревня небольшая, и среди улицы очень грязно и навалены всякие отбросы. Фанзы обмазаны глиной и покрыты соломой. Трубы сделаны из досок и всегда возле фанзы, а не на фанзе, как у нас. У одной фанзы прямо среди улицы жеребилась кобыла. Я заглядывал в фанзы, и меня разил какой-то очень противный запах. Устройство внутри фанзы почти одинаково. Часть фанзы или по обеим сторонам около стен занимает полук (нарки), под нарками печь, и наверху печи вставлен котел (как у ост[яков] калташиха), в котором они варят и пекут хлеб.

Я вернулся к товарищам. Костя стал звать меня искать ханжи. Я согласился, мне убытку не было, потому что не было копейки денег. На конце деревни стояла какая-то большая фанза, огорожена оградой. Мы зашли. Китаец пек лепешки из крупчатки в котле, мы стали просить его продать нам на две копейки, китаец не соглашался, мы вязались и отдавали деньги. Наконец он взял

деньги, посмотрел на них, взял лепешку и положил деньги на лепешку, отдал нам. После этого повернулся к двери и, подталкивая нас, говорил: «Ходи, ходи, солдата, ходи». И выпроводил таким образом за ворота. Лепешка вкусная, только без соли.

Было очень холодно, и нас прохватывало в одних гимнастерках, а Плащика все не было. Чтобы согреться, мы залезали в ямы и прятались в солому.

Костя ушел и принес полбутылки ханжи, выпили все вместе. Кислая, вонючая и нисколько не пьяная.

Я был еще в кузнице. Вся кузница была не более квадратной сажени, а ковали кузнеца четыре, все сидели на корточках, и сколько времени я стоял, ни один кузнец не вставал на ноги. Пришел к ним старый кореец и сел. Ему сейчас же подали трубку, чубук, который четверти три; у всех корейцев трубки на длинных чубуках, если идет кореец по улице и курит трубку, то его трубка задевает всех прохожих.

Становилось совсем темно и холодно. Плащика все еще не было. Мы забрались в фанзу к корейцу, и один из нас по очереди караулил.

К корейцу пришел гость. Корейка подала ханжи и в чашке мелко изрезанное мясо. Угощались не по-нашему. Сначала налил ханжи в чашку хозяин и подал гостю. Гость выпил и налил, подал хозяину. Мясо ели двумя палочками. Я никак не мог научиться взять кусочек дерева, а корейцы работали не хуже, чем мы вилкой.

Когда мы приехали в казарму, рыба была уже сварена и ждали нас. Угощал подпр[апорщик]. Поставили столик среди первого взвода, и ели все, которые неводили, подпр[апорщик] никого не пускал из неучаствовавших в неводьбе.

Перед экзаменом нам говорили: «Как подкачаете на экзамене и скажут подзаняться, тогда могила, зарывайтесь». Отдали приказ, когда каким батальонам будет смотр; нашему батальону смотр приходился первого мая.

Перед экзаменом занимались словесностью, очень многие словесности не знали, и тогда подпр[апорщик] наберет таких господ и поставит [нрзб.]. «Вот, ребята, отдохнем», — говорил я, садясь на словесность. «Хорошо тебе говорить, когда все знаешь. Хороший отдых, поставят ночными или под ружье», — отвечали мне. Незна-

ек садили на первые скамейки, к подпр[апорщику]. Я всегда сидел на первую скамью с незнающими и все время смотрел подпр[апорщику] или тому, кто с нами занимался, прямо в глаза, и часто приходилось, что так и просидишь, не поднимут.

Ротный мне говорил, что будут спрашивать на экзамене, я старался запомнить, мне страшно не хотелось подкачать, потому что почти все говорили, что я не подкачаю.

Неожиданно разнеслась весть, что первого мая молодые будут принимать присягу, я был рад этому, думая, что лишняя забота об ученье свалится.

Первого мая день был веселый и теплый, нас построили на полковом плацу, собрались все офицеры, принесли знамя, играла музыка. После присяги прошли церемониальным маршем и с песнями по ротам.

Я не пел песен, и вот по какому случаю: в Радоницу весь полк пошел на полковое кладбище, была страшная грязь. Вообще здесь скверное место: если ветер — пыль, песок подымает столбами, а дождь — грязь непролазная. Когда мы шли городом на кладбище, то всю грязь размесили так, что задним приходилось брести, как по воде, а до кладбища версты три будет. На кладбище служили молебен и пошли назад с песнями. Подпр[апорщик] шел сзади роты, потому что был ротный, и когда пели, мне приходилось тоже петь, так как я боялся, что подпр[апорщик] накажет. Подп[рапорщик] схватил меня за плечи и сказал: «Не пой, ты ни черта не умеешь петь». Я назло ему немного помолчал и опять запел. Он поймался за шинель и закричал: «Не пой! Никогда не смей петь!». «Слава Богу, — подумал я, сейчас избавился от песен». После этого, когда дежурный с ремнем сганивал молодых на песни, я сидел себе, как до меня ничего не касается. «Захарко, на песни!» — кричал мне дежурный. «Я не пою, г. подпр[апорщик] запретил», — говорил я, смеясь, и меня оставляли в покое.

Третьего мая был нам экзамен. Все три роты разделили на три взвода. С первым взводом занимался командир полка, со вторым капитан Бобровский-Королько и третьим подполковник Соколовский. Сначала общим строем делали ружейные приемы и рассыпание в цепь, потом развели по взводам и занимались фехтованием, сигнализацией и сигналами, взди — словесностью по ружейной части.

На фехтовании не знали отбивки с переводом, в сигнализации выпутались хорошо, а сигналы нам подсказывал полуротный, тоже сошло ничего. На словесности спросили [нрзб.] жид портного, который мало занимался, а более перешивал мундиры. Соколов[ский] спросил его, показывая на спусковой крючок, что это — [нрзб.] молчал. Ротный сказал, что он портной, тогда Соколов[ский] спросил: «Ну что это?» — «Крючок», — ответил Птак. «А можно его пришить к шинели?» — опять спросил Соколовский]. Птак молчал, и от него ничего не могли добиться.

После обеда были гимнастика, грамотность и словесность. В нашей роте делали плохо. Через кобылу с ручками скакали и падали, на брусьях задачу выполняли немногие. Через кобылу я тоже неудачно скочил. Скочил хорошо, а приседание не вышло, запнулся и слетела фуражка, а ранее скакал хорошо. На брусьях мне не пришлось делать, на турнике тоже задача была нетяжелая, но все делали плохо. Мне удалось на турнике. Соколов-[ский] сказал, когда я соскочил на землю: «Это он хорошо»... На лестнице тоже плохо работал, потому что было очень тяжело, а ранее лазил лучше всех...

[Далее нет стр. 124–125].

...«А ты зачем? Ты нестроевой, в караул не пойдешь. Фурсов поставит его куда-нибудь ночным». Я выскочил из строя и вприскок убежал в столовую.

Был назначен смотр старослужащим, и их почти не выпускали из-за столов, все время долбили словесность, словесность они знали хуже самого плохого молодого солдата.

Когда молодые сели на повторение обязанностей, мне делать было нечего, и я сел на словесность со старослужащими. Занимался ротный. Стрелки меня спрашивали, что, как, я боялся подсказывать, чтобы не услышал ротный, и если шепну что-либо, они не расслышат и ответят совсем другое.

Караульные ушли в караул в двенадцать часов, а нас, ночных, повели в караульное помещение в семь вечера. Мы были назначены на две смены. Я был назначен к складу дров и угля (почетный пост). Караульным начальником был взводный Фурсов, ночью нам не давал покою, то и дело кричал: «Караул, стройся!». Все вскакивали и строились.

В полночь я сменил караульного у дров и простоял до пяти

утра. Утром ночные собрались в караульное помещение, и нас отправили в роту. Едва напился чаю и завалился спать.

После этого раза два стоял ночным у казармы на второй смене от двенадцати ночи до пяти утра. Утром, напившись чаю, залезал во второй взвод на верхние нары и спал до обеда, встану — уже обедают. «Ну что, Зах., выспался?» — спрашивает взводный. «Так точно, г. взводный, более некуда», — отвечал я, смеясь.

А во время обученья никогда не был ночным, раза два был дневальным по роте. Молодых дневальных во время смены гоняют на занятия, а я, как сменяюсь, меня старослужащие положат спать между матрацы и забросают шинелями, чтобы подп[рапорщик] не видал; как в первом, так и в четвертом взводах старослужащих меня любили и никогда в обиду не давали.

После пасхи был в полку большой смотр. Работы было очень много. Шили разные мешочки под чай, сахар, сушеную зелень и так далее, выкладывали в вещевые мешки полную выкладку. Одежда тюковали и выносили на плац, одевали полную походную амуницию. Одним словом, работы была масса, а меня поставили дневальным у винтовок, и я стоял, как дурачок. Шесть часов стоял и шесть спал. Молодые все мне завидовали, говоря, что ему служба стоит [нрзб.], а тут нет покою день и ночь. Так я стоял дневальным целые трое суток.

Когда отдали в приказ, что молодые солдаты переименовываются в стрелков, после поверки Фурсов нас увел в четвертый взвод и говорил нам, как надо вести себя стрелкам и т.д. В заключение сказал: за обедом будут ходить и старослужащие, и молодые по очереди, это было для меня лучше всего, т.к. приходилось таскать обед через две недели.

В половине мая был назначен смотр молодым стрелкам всего полка корпусным командиром генералом от кавалерии Плешковым. Нас опять начали учить, что будет спрашивать корпусный и т.д.

Для смотра выстроили на плацу во всей новой полковой амуниции и [с] полной выкладкой. Выравнивали по бечевке. Офицеры были все налицо, потом начали собираться и генералы, сначала пришел командир бригады генерал-майор Жуковский, потом начальник дивизии генерал-лейтенант Сидорин, генералы в ожидании корпусного ходили и осматривали стрелков.

Корпусный приехал на автомобиле, заиграла музыка, раздались команды «Смирно!» и «Слушай на краул!». Поздоровавшись, корпусный обходил, осматривал стрелков, мы стояли не шевелясь, только поворачивали за ним головы. Корпусный еще совсем молодой генерал, а глаза такие веселые-веселые; если на него глядеть долго, то никак не удержать улыбки.

Обойдя всех, корпусный поблагодарил нас за отличную стойку. Перестроив роты, пошли церемониальным маршем. После марша построились опять в прежнем порядке. Скомандовали: «Четные роты, налево шагом марш!». Четные роты вышли и стали у летнего театра.

Корпусный зашел [к] первой роте, и ротный начал командовать, сначала ружейные приемы и стрельбу. После проверки каждой роты корпусный говорил: «Хорошо» — и благодарил. Когда корп[усный] обошел все роты, тогда приказали снять амуницию. Мы все с себя поскидали, вышли из-за ружей и построились около гимнастических снарядов.

Началась словесность. Корпус[ный] что спрашивал, для меня было знакомо, и я дожидался, что он спросит меня, мне очень хотелось этого. Корпус[ный] прошел мимо меня и остановился от меня у третьего человека. Если спросит что-либо у кого-нибудь и только что стрелок начнет отвечать, а кор[пусный] уже конец доскажет сам и потом говорит: «Совершенно верно. Совершенно верно».

После словесности нас партиями рассчитали, кого на турник, кого на кобылу и т.д. Партия, в которой стоял я, угодила на лестницу в учебную команду. В команде мы долго ожидали корп[усного], и когда он пришел, мы были уже построены по порядку рот, начали лазить. Кор[пусный] благодарил каждую роту по окончании лазки, некоторых стрелков благодарил отдельно, если хорошо пролезали, но мало пролезали хорошо. Залезая, я думал, что пролезу хорошо, но пролез скверно, а кор[пусный] все-таки поблагодарил.

Когда мы вернулись на плац из команды, на плацу никого уже...

[Далее отсутствуют стр. 131–134].

Мы были отпущены до шести часов, пора домой, и делать в городе нечего, постояли, поглазели и отправились домой. Мы при-

шли ранее шести часов, и я с Моисеевым в полковой лавочке выпили еще пива.

Будничные дни проходили незаметно, но праздники были скучные, выйдешь за лагерь с каким-нибудь товарищем, говорить с ним нечего, и если что говоришь, то как-то через неволю, а то лежишь и думается вся прожитая жизнь и вся дорогая теперь воля, которую ранее не замечал и не ценил. Много-много разных невеселых дум передумаешь, а как тяжело, и выхода нет, и невольно миришься со своей участью, не ожидая впереди что-то хорошее. Эх, тяжела и грустна солдатская жизнь. Все что-то не хватает, что-то недостает, как больному человеку, которому болезнь напоминает, что он болен. Редко-редко подвернется счастливая минутка, как искра, вспыхнет и потухнет, и кругом темнота.

Тяжело и скучно, невольно вспоминаешь свою сторону, свободу и друзей. А «О» — к счастью или несчастью я полюбил ее в такое тяжелое для меня время? Что дает эта любовь? Ничего, придет время, и все разлетится, между нами стена, и стена непреодолимая.

Раз вечером я бежал из-за лагерей в палатку, меня кто-то позвал моим домашним именем, я оглянулся и, к своему удивлению, увидел Федюшку. Мне «О» писала, что его увели, но более ничего об нем не слышал... Увидя его, я сразу подумал, что можно узнать, что было после меня, и сразу начал его расспрашивать, что у нас хорошего. Оказалось, что он ничего не знает и я знаю более его из писем. Мне писали, что все говорили про нас с «О», а он сказал, что ничего не слышал, так я и ничего не добился от него. Он еще обучался и не принял присяги. На другой день я сказал Ник., что Федюшка здесь, он захотел увидеть его, и мы все втроем уселись на скамейку, говорили и смеялись. Я говорил Федюшке: «Я серый, а ты еще серее меня».

Двадцать девятого мая вся рота пошла на стрельбу, а меня отправили в сборные лагеря рассаживать капусту. Нас было немного, человек пятнадцать: которые боронили, которые загребали и садили. Все были на отбор более российские, приехавшие с новобранцами осенью и прикомандированные в полк. Когда привезли обед, пошел дождь. Есть было на дворе нельзя, и мы, недолго думая, забрались в офицерское собрание, поставили банку

среди полу и начали обедать, как обедали [нрзб.] на постоянном дворе, толкая друг друга.

В сторожке был подп[рапорщик] седьмой роты со своей командой и, услышав, что мы в собрании, прибежал и закричал: «Господи, да это невозможно!». Мы утащили банку на кухню, [но] и из кухни подп. нас выпроводил, тогда мы ушли с банкой под сарай и на навозе, среди грязи, кончили обед.

После обеда расползлись кто куда на отдых. Я забрался под самую крышу на перекладину и расположился там, как дома. До вечера мне пришлось таскать воду поливать капусту. Я сильно устал. Когда пошли в полк, была грязь, я промочил ноги и стер до мозолей. На поверке я незаметно для себя отставил ногу, когда играли «Коль славен», и отделенный Лобачев [нрзб.] мне за это наряд уборного на кухню.

Поверки в лагере мне очень нравились, когда играла полковая музыка, особенно когда играли «Коль славен». Какое-то приятное чувство охватывает в это время, и какие-то радостные неуловимые мысли вскружают голову. Уходя, музыка играет походный марш, и стрелки дают себе волю, особенно одиннадцатый год, ведь запас всегда провожают с музыкой.

Отделенный всегда заставлял меня сказывать сказки, когда мы ложились спать, а зимой, когда был дневальным, то дежурному никогда не дам уснуть ночью, все время болтаю, болтаю что-либо, когда и сам понятия не имею, что говорю.

Вечером тридцатого мая я пришел с кухни поздно, меня встретил дневальный и тотчас же заявил, что я назначен вестовым к полковому адъютанту. Я немного удивился, что так скоро получил командировку, а потом меня осенила мысль, что вестовой — лакей, и мне стало очень неприятно. Разве я думал быть лакеем? И как-то стало совестно самого себя, значит, я более никуда не годен, и меня всунули в первое попавшее место. Я сел возле палатки и долго, долго думал. Мне представилось, как будет недовольна «О», узнав, что я денщик. Я сначала подумал, что ничего не буду писать об этом, но потом решил написать, а там будь что будет. Если любит, то не разлюбит, а если делает вид, то напишет, что не то от меня ожидала, и все кончено.

В палатке мне отделенный сообщил то же. Тревожные мысли мучили меня всю ночь, и я долго не спал, обдумывая свое положение.

Мне очень хотелось отделиться от строя поскорее, и я знал, что скоро уйду, по намекам своих начальников, но не знал, когда именно — осенью или сейчас, командировки были всегда осенью после стрельбы, и не отпускали ни одного стрелка из роты ранее стрельбы, каков бы он ни был. <...>

Встав утром, я тщательно умылся, подчистился, как полагается солдату, и одел все, что было получше. Дождавшись восьми часов, отправился к адъютанту.

Только что пришел на кухню, денщики, взглянув на меня, захохотали, я не мог понять, чему они смеются.

Пришел адъютант и спросил, как зовут, — я сказал. «Готовить умеешь?» — «Никак нет, в[аше] б[лагородие]!» — «А солдатский суп варишь?» — «Так точно, солдатский сварю». — «А думать умеешь?» — «Так точно, умею». Адъютант ушел, денщики опять засмеялись.

Я был, как слепой, и не знал, за что взяться. Денщиков было много, четыре человека, и каждый учил по-своему, какое-нибудь одно дело учили на разные манеры — я запутывался, и голова моя кружилась. Я сразу же возненавидел всю эту суетню, и начинать что-либо делать мне казалось прямо противным, приходилось каждый раз приневоливать себя.

В первый же день вечером привезли уголь и свалили в сарай, мне приказали бросать его в угол. Пришел адъютант и сказал: «Склади дрова, видишь — развалились. Так будешь делать — я тебя буду ставить в учебную команду под ружье».

Меня так это поразило, что я остановился и не знал, что думать. Только пришел и еще ни за что не принимался, а тут сулят под ружье. А мне и в роте почти не говорили, что поставят под ружье.

После адъютанта пришел ко мне денщик, которого я сменял, и стал рассказывать, как ему жилось. По его рассказам выходило, что жить и дня невозможно. Он говорил, что за каждый пустяк барыня рада нахлестать по щекам и жалуется адъютанту, а он ставит под ружье.

Венгерский ушел, и я, убирая уголь, обдумывал свое положение. Надежды на хорошую жизнь не представлялось.

В то время, когда я пришел к адъютанту, на квартире жили четыре офицера: командир нашей роты, п-к Готлибов, подпоручик

Линко и адъютант. Наш ротный переходил в роту, а жена его уезжала в Киев с детьми. Ротный, адъютант и Линко помещались в одной половине дома, и готовили обед на одной кухне, а Готлибов помещался в другой половине, и готовили на кухне через коридор.

Денщики смотрели на меня подозрительно и смеялись над моими неудачами. Денщик ротного Зиновьев обращался со мной хорошо и учил меня, как что делать. Спали мы с ним на дворе в сарае, и он мне рассказывал, как жить и вести себя.

На другой день по вступлении в денщики Зиновьев повел меня на базар, дорогой рассказывал, где что покупать и какие цены. Город я не знал и не был в нем, если не считать того, что несколько раз приходил в баню. Торговали китайцы и за все запрашивали втрое, а цены с нашими не сходны. Через два-три дня я уже пошел на базар один.

Ротный перешел в роту, и Зиновьев ушел, а другой его денщик Травкин остался у нас и жил так себе, не зная, за что приняться. Тут же были и денщик Линко Спиридон, и няня адъютанта — девка, как кобыла. Вскоре и Травкин ушел в роту, и я остался со Спирид[оном] и няней.

Готовить учила меня барыня. Я часто, стоя около нее... чуть не называл ее вместо «барыня» «О-й». Спиридон ничего не пособлял готовить и убирать комнаты и, когда нужно, ставил самовар. Няня тоже ничего на кухне не делала, а если придет, то приказывает делать то, что может делать сама, за что я ее невзлюбил, а отказаться было нельзя, служба заставляла повиноваться... Вообще, я чувствовал себя как на иголках, вся работа, вся жизнь моя были мне до безумия противны. Я делал все неохотно, и у меня выходило много ошибок, которые меня еще более злили, а тут еще не было денег и главное — писем.

Я хотел уйти в роту обратно, но меня бы не пустили, а делать так, чтоб прогнали, не хотелось. Наконец, я решил проболтаться до осени и уйти в роту, а когда будет увольняться одиннадцатый год, занять какое-либо нестроевое место. Я думал, что попрошу ротного, чтоб он назначил меня писарем в канцелярию полковую, и, обдумав все это, решил все так и сделать.

Давно пора получить письмо от «О», а письма все нет, и не знаю почему. Несколько раз хотел писать, но не было денег на марку, а потому писать все откладывал.

Заколотил дружбу с готлибовским денщиком Францем, он мне давал суп, хлеб и сахар. Хлеб я брал из роты, и мне не хватало, ела нянька, а отказать не смел, приказывала есть ей барыня. Все время в скверном расположении духа и хвораю. Хвораю не очень, но сильно слаб, устаю и худею, похож на покойника. На сердце неспокойно, стараюсь успокоить себя — не удается, еще хуже делается.

Написал «О» письмо карандашом, не было чернил, конверт дал Спиридон, и стыжусь его содержания, а когда послал, то начал жалеть, что послал, вернуть нельзя, что сделано, то сделано.

Понемногу дурное настроение стало проходить, а здоровье было слабое. В лазарет не ходил, думал, что все одно, что будет — пусть будет.

У Франца с няней вышло какое-то недоразумение, и его отравили в роту. Я очень жалел, что Франц уходит, он мне много делал хорошего.

Батальон наш ушел на Барановский полигон, и Спиридон ушел со своим офицером. Я остался один. Работы прибавилось, вставать приходилось рано, ложиться поздно, это еще более расстраивало мое здоровье. Болела грудь, тяжело дышать и кашлял. Думал: пойду в лазарет только в крайнем случае. Болели ноги. Едва кончил день. Я думал: [если] сильно разовьется болезнь, пойду в лазарет и или умру, или уволят по слабости здоровья.

Адъютант и барыня посылали в околоток, я отказывался, говоря, [что] это пустяки. Когда приехал Спиридон, барыня после обеда отправляла спать или сам уходил, когда нечего было делать. Наконец, мне надоело хворать, и я пошел в околоток. Меня осмотрели и сказали: «Приходи завтра, положим в лазарет». Я ушел и более не пошел.

Получил от «О» письмо, от которого веяло холодом, и она выговаривала за мое письмо.

Я очень обрадовался письму, и у меня стало спокойнее на душе. Я писал «О», описывал всю свою жизнь и написал между прочим: «Будешь ли ты любить меня денщиком?» Она ответила на это: «Полюби нас черненькими, а беленькими нас всяк полюбят». Дорогая «О», чем я отплачу за твою любовь ко мне?

Покупать я ничего не знал. Покупали много зелени, и я не знал, как ее назвать и путал названия. Раз мне барыня приказала купить десять пучков щавеля, а я купил шпината... Барыня вспль-

чива, и от нее мне часто попадало: то пережарю или недожарю, или нечистое что или нехорошее куплю. А китайцы не отдают за ту цену, за которую приказывает купить барыня. Время мало, покупок много, бьешься, бьешься и берешь, что дают, и попадает. Когда так доймают барыня, что хоть беги... запутаешься и не знаешь, за что взяться, за что возьмешься, то и неладно. Но когда ничего, хоть что и наделаю и знаю, что виноват, ничего не говорит.

«О» писала, чтоб я как можно попадал в писаря, и я писал, что осенью уйду в роту и буду проситься у ротного.

Одежда вся пришла в ветхость, дали казенную гимнастерку — была большая, и каждый раз, когда пойти на базар, приходилось загибать рукава, чтоб не болтались. Сапоги казенные развалились, починять не было денег, начал носить свои, и тоже скоро должны отказаться, а место чертово, без железок на неделю не хватит, все подошвы изотрешь об камни. Писал братьям, просил денег — ни денег, ни писем от них не было. От «О» письма ходили.

Нянька смеялась надо мной и сердилась, если я отказывался ей делать, Спиридон поддерживал ее, и что бы ни случилось, виноват был я.

Да, положение было хоть куда, и писать не стоит — и так не забыть.

Мало-помалу я начал привыкать, сам того не замечая, няня вязаться не стала и смеяться также, а если я на ее осержусь за что-нибудь и мне, конечно, никак нельзя выместить зло, то я делал так: когда она придет на кухню и сядет обедать, я встану перед ней и начну петь, обмажу нос, усы и всю маску, она не вытерпит и убежит.

Я рассказывал Спиридону, как я жил дома и вообще все свои приключения, он не верил и говорил, что так невозможно и никогда он не слыхал, чтоб так жили ребята и девки. Иногда слушала и няня мои рассказы. Я рассказывал про Наташку, как она у меня жила, и про Марфу и т.д. Только одна «О» была у меня себе на уме, и рассказывать про нее было нечего, таких друзей в шутках не поминают.

Иногда на меня приходила веселая минутка или было скучно, и я старался развлечь себя, болтая Спиридону и няне такие рассказы, что они смеялись и приходили в изумление, дивясь моей способности говорить.

Я, пожалуй, бы и не думал ничего, но меня сильно тревожили письма «О». Она настаивала, чтоб я попадал в писаря, но что же я мог сделать? <...> Оказалось, что без помощи адъютанта в писаря попасть нельзя, он был, так сказать, командиром всей писарской команды и заведовал всеми делами полка, как второй командир полка или его помощник. Чтобы попасть в писаря, надо было обратиться к адъютанту. Я сначала обратился к барыне, готовя обед, когда она в веселом духе, и понемногу рассказывал про свою жизнь и свое домашнее положение и с какими мыслями я ехал на службу и жил в роте. Одним словом, я говорил, что за свое слабое здоровье и неспособность к крестьянскому труду очень хотел бы чему-нибудь научиться на службе, чтоб устроить свою жизнь в будущем. Живя в роте, мне очень хотелось поступить в полковую канцелярию писарем, так как я к этому несколько подготовлен. «А сейчас разве нельзя?» — говорила барыня. «Почему же нельзя? Можно. Это дело барина. Если бы он вздумал, то в одну минуту сделал бы меня писарем!» — «Хорошо, я скажу ему», — говорила барыня. Мне только этого и надо было, я думал, что он барыню лучше послушает, чем меня.

Адъютант, узнав, что мне хочется в писаря, сказал мне: «Ты здесь научишься готовить и дома будешь получать хорошее жалование». Я ему в коротких словах разъяснил свое домашнее положение, и он сказал: «Живи у нас, а там посмотрим».

Адъютант сказал ротному, и ротный мне объяснил, что я слаб здоровьем и потому в писаря негоден и что в писаря берут сильных и здоровых солдат. Что же мне было делать? Просить его и настаивать я боялся, с начальником говорить — как зажженную лучину держать над рассыпанным порохом. Ротный-то был, пожалуй, и ни при чем, тут надо было просить адъютанта, а [он] не отказывал и не подавал надежды. Я часто напоминал барыне, но и она ничего более ему не говорила.

А вот не было у меня денег, так адъютант несколько раз говорил ротному, а когда я ему сказал, что мне посланы из дому деньги, то он справлялся по приказам, не было ли в приказе и не отдает ли их ротный.

Скоро я познакомился с китайцами, и мне стало хватать двух часов сходить на базар.

Бывши еще сначала в дурном расположении духа, я писал «О», что был в городе и узнал все на свете. Эта поговорка «все на свете» — солдатская. А «О» написала: «Что ты узнал в городе все на свете, город, что ли, изучил?» А что ж я мог узнать в городе более, как китайцев и цены на товары? Более ничего.

В одном письме мне «О» писала: «Если девушку берут замуж, то требуют, чтобы она была чиста. Ты мне говорил, что я тебе дороже жизни, возмущался житейской грязью, но изменял своим словам. Даже на шестое декабря, я знаю, где была «Д» в эту ночь. Где у тебя сила воли?».

Я сначала мало обратил внимания на эти слова, потому что не понял их смысла, но потом, перечитывая письмо, я сразу понял смысл этих слов. Что же я мог тогда сделать, когда со всех сторон был запутан, как паутиной, этими делами. Я говорил и возмущался житейской грязью потому, что мне вся та жизнь надоела, а в «О» я видел другую — чистую, светлую жизнь и любовь, но не мог же я все это бросить сразу, так как от меня этого требовали и даже имели право требовать, не все, а Р. Если бы я остался от службы, то все бы это кончил своевременно, а тогда Р. приехала только для этого, не мог же я отказать ей удовлетворить ее желание. Все нити с этой жизнью у меня не были порваны, и время было такое, что бросать было уже не [к] чему. А если бы я остался и «О» так же бы любила, то не пришлось бы ей писать или говорить мне все то, что писала сейчас. Если бы знала мою жизнь сейчас, то едва ли бы укорила меня в этом...

[Далее нет стр. 153—160].

Говорили, что денщики хорошо едят, но у нас не объеешься. Чуть ли не каждый день ходил в батальон за супом, на троих едоков совершенно не хватало, а особенно мне, когда я еще был серым и не знал порядка. Покуда убираю со стола, а на кухне все съедят. А потом научился: иду от стола до кухни и что есть на тарелке слопаю. Помучишься — научишься, голод и служба не родные братья.

Адъютант и барыня часто спрашивали, получил ли я деньги от ротного или из дому, и узнав, что нет, адъютант обещал поговорить ротному. Я и сам говорил, но он все говорил «отдам», а время шло и я почти остался без сапог.

Наконец, пятого сентября получил карточку «О» и письмо от «О», из дома пять рублей денег. Письмо не особенно обрадовало, «О» писала, что Варя утонула. Ехали из речки, что ли, домой и вывалились. Утка не утонул, а Варя утонула. Прочитав письмо, я едва сдерживал слезы, жаль было Вари. Но в письме сверху была приписка: «Про Варю сказала Палаша. Она здесь в Тобольске, и мы поедем в Нялино вместе». Я не разобрал настояще и подумал, что Варя в городе и что Палаша только говорила про смерть Вари напрасно...

Деньги я израсходовал, сразу купил гимнастерку, брюки и починил сапоги. Когда мне сказали, что есть в роте письмо и карточка, я обрадовался, думая, что карточку послала Оля, сейчас же побежал в роту часов в шесть утра. Наш взводный [нрзб.] Зайцев, отдавая мне письмо, сказал: «А ну-ка я посмотрю, что за карточка». И разорвал конверт. «Это кто?» — спросил он, смотря на карточку. «Сестра», — сказал я. «А она много красивее тебя», — сказал Зайцев, отдав мне карточку.

Набежали стрелки и не давали никак положить карточку, выхватили из рук и рассматривали. Всем показалась «О» очень красивой. Я, смотря на них, хохотал, как они дивились карточкой. А потом рассказывали другим стрелкам, что у 3. такая красивая сестра, что такой никогда не видали.

Спиридон со своим барином переселился с нашей квартиры в город, и я остался один и больной. Работы прибавилось, и приходилось топить еще печи, хоть и было тепло. Всех пять печей, топил три-четыре. Сначала ходил музыкант из музыкант[ской] к[оман]ды, так как адью[тан]т состоит к[омандиро]м муз[ыкантской] к[оман]ды, а потом не стал ходить, и мне приходилось топить печи и готовить обед одновременно. Прямо могила растоплять: много дров не дают, а положишь немного [нрзб.] — угли не горят, а надо скоро, и бегаешь как угорелый, и голова болит, и кашель — хоть зарывайся. А то еще куда-нибудь пошлют, приедешь — то все всплывет, то потухнет, а барыня за последнее время так была зла, что не могу описать. Хотел куда-нибудь подаваться, в лазарет или в роту. Барыне хотелось, чтоб приехала ее мать из Петербурга, но мать ее почему-то медлила приездом, и из-за этого барыня была так сердита.

Утром надо на базар, а она посылает за молоком, за которым проходишь до восьми часов, и на базар времени остается только

час. Вот и летишь — только дома мелькают, а до базару более версты будет. Нянька тоже ушла, и привели другую, она ничего не знала — еще и за ней ходить надо, и что неладно сделает, я же виноват.

Плохо было, плохо. Ноги болят, устанешь, сядешь отдохнуть — придет барыня и начнет: это надо сделать, то не сделал.

Думаю: [нрзб.] был бы здоров — сделал. Иногда ругает из-за такого пустяка, что не могу удержаться и хохочу.

С половины сентября оздоровел, и стало лучше. Барыню уговорил оставлять бутылки и заходить за молоком по дороге из города. Позволила. Если не успею, то печи топить после обеда. Позволила.

Няня новая сразу поняла все дело. Она мне не пособляла, а только мешала. Не могла подать самовара...

Хуже всего топить печи. Углями топить хуже, чем дровами, надо часто мешать, а пока затапливаешь две-три печи, время много уходит. Дров на растопку не дают, а положишь немного лучинок — угли не загорятся. Квартира холодная, топить надо много, а если истрачиваешь много угля, барыня говорит, что купишь на свои деньги. Мало топишь — говорят: не умеешь топить. Черт знает как и быть, так беда и так беда.

Первый раз при нарочных получил в конце сентября [деньги] и купил все необходимое: пояс, шароварки, гимнастерки и прочее. Всех денег мне приходилось с жалованьем и крупой шесть и около шести [рублей], смотря какой месяц, со днем или безо дня.

Мне барыня сказала: «Теперь я не буду ругаться, мама выехала». — «Я не верю этому, — сказал я. — С одной барыней беда, а две будет — еще хуже будет». — «Нет, мама не любит ругаться, она будет объяснять тебе все тихо, а я уеду в лазарет». — «Посмотрим. Что-то не верится», — говорил я. Барыня смеялась.

Раз китаец принес полведра раков на кухню, барыня купила и торопила сварить их, так как ад[ъютан]т уже обедал. Приказала мне складывать их в кастрюлю. Я взял ложку. «Клади руками, — говорила барыня. — Скорее». — «Нет, барыня, я не буду брать их руками. Противны». Она ругалась, пришел барин, стал мне пособлять, и ему попало от барыни.

«Что, Зах[аров], если бы барыня была ротным командиром, плохо бы было?» — сказал мне ад[ъютан]т. «Я бы первый убежал из

роты, ваше б[лагоро]дие», — ответил я. Барыня сказала, что мне не даст раков. Я и не очень хотел их есть...

На базаре есть крабы морские. Тот прямо на черта похож, и вкус, и запах, когда варишь, такой же, как у рака. У краба едят только ноги, у него, кажется, восемь ног и два щупальца... Интересна камбала: почти круглая, как карась, и тонкая, один бок черный и с чешуей, а другой, как сваренный, — белый и без чешуи... Вообще, много рыбы и птиц, которых у нас нет. Щука похожа на нашу озерную и вся пестрая, по всей — черные пятна с большую горшину. Видел сорожек и, кажется, более никого из наших рыб. Здесь в употреблении более кета соленая, вкусная, тельная и мягкая. Соленой кетой кормят солдат. Свежую очень скоро жарить, только бросишь на сковородку — готова, вся разваливается. Потом сазан — похож на язя, а хвост, как у карася, и большая рыба, чешуя с двухкопеечную монету. Сом, как налим, у него на губе два уса и перья не так устроены, как у налима. У налима от середины тела идут плавники снизу и сверху, а у сома только сверху. Много и других незнакомых рыб, которым названия я не знаю. Спрашивал у китайцев и не понял, как они их называют.

Из птиц фазан похож на тетерю, на голове у него черная полоска, окаймленная красной тесемкой, а хвост длинный, как у сороки, только пестрый. Я жарил фазана [нрзб.], мясо, как у курицы. Бекас — ноги длинные, тонкие и нос — пол-аршина, как зуек, жареный вкусный...

Осенью мне трудно пришлось. Музыканты обивали комнаты и вставляли окна, мне приходилось [нрзб.] пособлять им, часто посылали за чем-либо, и работа моя стояла, а требовали, чтоб у меня все было в порядке.

Четырнадцатого октября отвез барыню на извозчике в местный лазарет. Ад[ъютан]т был на пробной мобилизации в г. Раздольном и к вечеру хотел приехать. Барыня в лазарет уехала в первом часу, из лазарета я пошел в город за покупками.

Я шел через китайский базар в первый раз. Улочки узкие, по обеим сторонам лавчонки, полно китайцев. Запах тяжелый, тут же палят свиней и пекут лепешки. Русских никого нет, видел одного солдата. Из города пришел в три часа, а в четыре позвали к телефону и передали из лазарета, что барыня разрешилась девочкой и благополучно.

Тотчас же барыня Готлибова спросила, где барыня. Я сказал, [что] в лазарете, и рассмеялся. Барыня спрашивала, почему я смеюсь, — я ей сказал, что скажу потом. Мне хотелось сказать первому эту новость барину.

Ад[ъютан]т приехал...

[Далее нет стр. 169—170].

...а остальные командировки все ни к черту, жалованье везде строевое. Здесь все же хоть жалованье хорошее по-солдатски.

Но если бы получал те же семьдесят пять копеек, черт бы заставил здесь жить.

С денщика спрашивается немало, и за всякую пустяковину надо отвечать. Весь дом на денщике, недаром сапог не могу стащить вечером. В роте спят, а ты еще начинаешь самовар ставить, поспать-то более пяти часов не приходится. А в роте спишь себе восемь часов, будят, а ты уже давно валяешься, не спишь.

Со старой барыней пока хорошо, ей мало приходится пособлять, что-то далее будет.

Летом все получше: печей топить не надо, а один обед пустяк готовить, с него никуда не отдергивают. Вот мы были со Спиридоном — утром спишь до той поры только, чтоб успеть к семи часам вычистить сапоги. Самовар ставил Спиридон. Днем тоже делать нечего, я готовлю обед, а он спит. После обеда один спит, а другой дежурит. Часто оба спали, надо — так разбудят. А теперь совсем не то. Вечером можно бы уснуть, а боишься: зазвонит телефон, не услышишь доложить — попадет. Или уснешь — позовут в комнату.

Когда приехала барыня из лазарета, старая барыня настояла купить корову. Купили корову с полугодовальным быком, дали сто рублей и доить нельзя. Целый час доишь — молоко не спускает. Немного подоишь и подпускаешь бычка, пососет, и за уши оттянешь его, опять доишь. Я не дою, барыня старая доит, а я только таскаю быка за уши.

Утрами на базар ходить совсем трудно. Когда барыня поправится, семь часов, а пока доишь, около восьми. Черта ли купишь в час? А вечером доить в пять часов. Если пойти на базар в три, то очень трудно прийти назад к пяти, а в три часа редко приходится выходить. Бегаешь как угорелый по городу.

Когда барыня приехала из лазарета, ей не понравилось, что барыня готовит по-своему. Приказывает, чтобы готовил я по ее

вкусу, а старая барыня не любит, чтоб в ее дела вмешивались. Если что подам, барыня говорит: «Почему не так, как я приказала?» Но что я могу сделать, раз старая барыня ничего не дает мне делать, и все я виноват.

Раз старая барыня шила, и обед готовил я. Мол[одая] барыня пришла на кухню и заругалась, что все не так, как надо. Но я знал, что делаю так, как нравится барину, и когда не было барыни, барин всегда хвалил за это блюдо. «Барыня, — сказал я, — вы ругаетесь, и я не могу ничего делать, а когда вас нет на кухне, у меня все лучше выходит». — «Посмотрим, — сказала барыня. — Если мне не понравится, я тогда вздую». И ушла. Когда я подал мясо, барин говорил: «Ты научился хорошее мясо покупать, всегда хорошее мясо. Молодец». — «Рад стараться, ваше благородие!» — крикнул я и убежал на кухню. Все хохотали. Потом нянька говорила мне: «Я спросила барина, почему ты так закричал, а он сказал: молодец, так полагается».

Я убирал со стола. Барыня сказала: «Сегодня битки очень вкусные были и барину понравились». — «Ну вот, барыня, если бы я сделал по-вашему, то ему бы не понравилось. Я без вас так делал, как сейчас, барину очень понравились, вот почему я и говорил, чтоб вы ушли из кухни».

<...>

Вот раньше, когда я еще не совсем выучился готовить, спрашиваешь ее, спрашиваешь, что делать, — барыня молчит, ничего не говорит. Или знаешь, что делать, а она не любит, чтоб я делал без ее позволения, так тянешь-тянешь, придет ад[ъютан]т, и заторопится, забегает, и мне попадет, и барин сердится, что обед не готов.

Много таких пустяков, из-за которых мне часто попадает, и если бы был такой же барин, давно сбежал бы, а то он ни во что не ввязывается.

Начались морозы. Квартира плохая, неустроенная, везде продувает, топить приходится много, чтобы нагреть ее, угля много уходит... Печи холодные. Говорят, не умею топить. Черт знает, как быть. Еще нет больших морозов, будут морозы — придется класть по полторы банки, в месяц выйдет угля пудов сто. Печи любят, чтоб их часто мешать, а когда заболтаешься на кухне, загаснут. И печи устроены плохо: топится — подойти нельзя, а закроешь — холодная...

На той неделе Никитку я встретил в лавке. Мне надо было скоро, и говорить не пришлось. Он мне наказал обязательно прийти в роту

в воскресенье вечером (десятого ноября). Я отпросился и пошел. Он встретил меня радушно, послал за булкой (солдатское угощение). Я за чаем написал от него письмо Даше, в котором он благодарил ее за деньги, которые она послала ему. Потом он показал мне письмо от Власка, где Власко писал, что я имел связь с учительницей, и когда Сенька увез меня в Селиярово, я во время вечерки сидел в кошеве и плакал, просился домой, а лошадь у меня запрятали. Кажется, еще что-то было писано, но Никитка изорвал письмо, и я взял обрывки с собой, прочитать не мог, много кусков было утеряно.

Сколько наврано опять, нет-нет и что-нибудь вспыхнет про меня, надоел, что ли, я им. Вот я получил последнее письмо от «О» от восьмого сентября, в Покров, в котором она пишет: «М. на тебя злится, что-то насказал Утка. Но она мне не говорит, в чем дело. Вот она сейчас сидит и говорит: «Черт Утку потащил, я его ругала, что он скрыл, а он говорит: тебя боялся». Варя что-то ей тоже говорила. Напиши, в чем ты перед ней виноват. Утка говорит, что ты говорил ему: «Я подарю учит[ельнице] пять рублей за то, что я ее беспокоил».

Из всего этого видно, что Утка добивается до М., и говорят между собой то, что и не было. Но ведь я был такой, что про меня думали, что я на все способен.

Я ни в чем не виноват перед М. Только разве то думает Устинка, что ему говорила Мотья. И, конечно, потом мы его уверили, но, я думаю, в душе у него осталось подозрение. Мотья и Мар. сказывала, и у той осталось также подозрение, хоть я ее и уверил, что Мот. соврала, потому что сердилась на меня.

И вот Утка и М. сейчас обсуждают это дело, догадываясь по разным приметам, что это была правда. Я сильно боялся, что Мот. расскажет все, когда поедет домой, потому я и захворал, чтобы быть на проводах у Мот.

[Далее нет стр. 177–178].

... в прошедшее воскресенье был у меня Муравенко (?). Мы с ним долго говорили, он мне сообщил, где находится «М.Ш.», я не знал, что он женился.... Мур. сказал, что он в Коневой и женился. Говорили также, что у Торопка в церкви сгорел иконостас. Когда М. ушел, я написал Шаш. открытку.

Был у Зманов. (?). Я ходил к нему за папахой, которую оставил по приезде в полк. Говорили, что, когда приедем в роты, у нас все

отберут и все изгниет в цейхгаузе. Я, боясь этого, отдал папаху ему. Он сказал, что ее украли, когда он собирался на пробную мобилизацию. Не знаю, правда ли.

Стало холодно и очень нехорошо. На кухне мороз. Особенно худо вставать, трясет. Когда мороз, топишь печи или готовишь — приходится часто выскакивать на двор, а каждый раз шинель одевать нет времени, а в гимнастерке холодно.

Нет, очень худо сейчас, надо печи топить и пособлять барыне готовить обед. Если топишь утром часов в шесть печи две, то совсем мало придется спать, почти всегда ложусь в [нрзб.].

Может быть, Спиридон опять придет к нам, т.к. Линко едет в отпуск, и ему приходится идти в роту, а в роту ему неохота, и он сказал мне, чтоб я сказал барину, не возьмет ли он его к себе. Барин согласился взять. Если бы он пришел, тогда бы лучше было, он бы печи топил, а я бы только готовил обед. Если не придет, то придется топить две печи в шесть часов.

Что-то долго нет писем, а уже пора. Очень хотелось бы знать, как живется теперь «О». Последнее письмо меня беспокоит. «О» писала, что Никандр хотел послать из Тобольска рублей пятнадцать денег, хорошо бы было, я положил бы их в кассу, и тогда было бы у меня тридцать пять рублей.

Всех денег получил рублей около тридцати, а ничего нет, все размотал. Черт знает, никак не могу, чтоб [не] истратить деньги, надо у ротного взять книжку и класть в кассу, [а] то ничего не выйдет.

Кажется все, более писать нечего. Спросили бы меня, к чему я пишу, и я не сумел бы ответить. Я не знаю, к чему пишу, и дома писал, много ночей не спал, писал, и пришлось бросить книгу, лучше бы не надо ее брать сюда. Оставил бы дома, не пропала бы моя работа даром. Очень жаль мне ту книгу, много было писано того, что бы было сейчас надо.

Вот я рассказывал многим про свою жизнь в деревне, и никто не верил, а одиннадцатый год всему верили, что писано было. Еще летом, когда было свободное время, мне часто хотелось писать, только не на что было купить тетради. Я не знаю, как мне не надоедает писать. Мне почему-то все надоедает, и что начну делать — покажется неинтересным, брошу. Читать тоже, думаю, никогда не брошу, потому что, если я увижу книгу и думаю, что

интересная, я не могу оторвать от нее глаз, а когда читаю — все на свете забываю. Чтение не приносит мне пользы, как и записки, часто от братьев мне попадало за чтение. Я не могу писать, как пишут ученые, но почему-то писать охота.

Теперь мне вечерами приходится сидеть, делать нечего, скука страшная. Читать нечего, хоть и можно достать книг, но всякий раз надо ходить и спрашивать. Когда дадут, а когда скажут: некогда. Писать же можно, никого не спрашиваясь.

Что я здесь писал, много не так, как было на деле, потому что многое позабыл...

[Далее отсутствуют стр. 183—184].

...После этого я опять принялся читать. Читал в комнате, на кухне холодно и не [к] чему жечь электричество. Книга увлекла, в голове [нрзб.] воздушные замки. Если я буду читать часто, мне когда-нибудь попадет из-за книг, я не могу оторваться от интересной книги, и дело стоит, я даже боюсь их брать читать.

Сейчас ходил в собрание, носил гамаши барыне. Сегодня у них спектакль в унтер-офиц[ерском] собрании, и ужин в собрании. Должно быть, все офицеры, в коридоре много офиц[ерских] пальто и пальто бригадного командира.

Мне почему-то очень тяжело вставать по утрам. Заведу будильник на шесть и поставлю поближе, утром загремит — вскочу, заверну регулятор и опять на подушку головой. Крепко не сплю, а ранее половины, а то и трех четвертей седьмого встать не могу, и холодно к тому же. Старая барыня — настоящий будильник, встает в пять часов. С вечера только лягу, пробужусь — у барыни уже огонь, и не знаю, когда ночь прошла.

Раньше двенадцатого почти не приходится ложиться. Ад[ъютан]т приходит всегда в половине одиннадцатого. Еще ранее дежурный писарь по телефону скажет, чтоб я ставил самовар.

Вот картинка: над нами горит электрическая лампочка. Няня и я пишем. Стучит будильник, за окном шумит буря с первым снегом. Няня от меня сидит только в аршине... На столе миска с моченой соленой кетой, конфорка от самовара, лучины, только что приготовленные мною для самовара. Книжка, сборник солдатских рассказов, которую вечером взял в роту. Я еще хотел переменить книгу, когда в двенадцать часов ходил за хлебом в роту. Соловей играл в пешки и увлекся, не мог дожидаться, когда

кончит. Мне вместо хлеба дали сухарей... Наклали полную папаху, а сверху положили сахар. Пришел на кухню, барыня говорит: «Я думала, ты пирожное принес».

Эти два дня были очень теплые, но сегодня перед вечером пошел снег, а сейчас буря. Няня очень веселая, и мы с ней живем пока дружно, она меня развлекает вечерами, и вечера проходят незаметно. Без нее мне было бы скучно одному сидеть.

У меня нисколько не осталось военной выправки от роты. Мало-помалу возвращаются все мои деревенские привычки держать себя, то-то солдат из меня будет. Чем погордиться, если придется вернуться домой?

Вт./19

...Эх, и холодно же у меня на кухне, дует во все швы, а мороз-то подходящий. Черт возьми, топить нечем, угля мало, и тот с мусором, а барин сказал, что хватит на три дня. Сто пудов в месяц, а еще не было зимы. Пудов полтора ста пойдет, если будут морозы. Прямо могила. Говорят, что много жгу. Положишь меньше — говорят: холодно, а не замечают, что как ветер, так и в доме ветер, во всем винят меня. Что бы ни случилось мимо меня, я виноват, отдуваешься.

Приду в роту — говорят: что ему, живет, булку ест. Повезло. А видели бы, как везет, попали бы на мое место — забыли бы говорить, что везет. Служба везде служба. Где не испытаеться, кажется, там хорошо.

Сейчас пишу, и пальцы не гнутся. Надел мундир, и толку нет, как на улице. С базару пришел, и ноги еще не отогрелись. Ходил, сам вспотел, а ноги замерзли. Строевые мерзнут в карауле, а я на кухне, верно говорят, что зима — зло солдата. Вот меня зима так и на кухне нашла.

Получил жалованье, и нет [ни] копейки. Расплатился с барынями и купил погоны и записную книжку. От этого месяца осталась от всего жалованья одна тройка, и то не знаю, улежит ли она до будущего жалованья. Черт знает, куда деньги идут, в роте семидесяти пяти копеек, теперь шести рублей не хватает. Надо написать братьям, чтоб не посылали денег. Хотел писать сегодня — отдумал, на марку денег нет.

Весь день думал, какой завтра праздник, и только вечером вспомнил, что Введение. У меня нет праздников, и когда праздник, то еще более работы.

Крутился все утро как черт, а хуже нет, как отдергивают. Барыня требует, чтоб я до девяти часов вытапливал печи и пособлял с[тарой] барыне готовить, а сама в то же время посылает то туда, то сюда, за какими-нибудь пустяками, которые можно сделать бы вечером после уборки посуды, когда свободное время. Это для меня хуже самого черта.

С/20

Думаю, что писать, записывать интересного ничего нет, и так [нрзб.] скучно. Кое-что бы надо починить, постирать — приниматься неохота, пока не нудит. Постирать еще успею, только седьмой час. Еще, может, горячую воду будет надо — купать девочку, купают ее, как утку, почти каждый вечер.

Думаю сходить в роту переменить книгу. Вчера вечером ходил. Соловей был дежурным и переменить отказался, а у меня такая охота пришла читать, что, когда он сказал, что книгу переменить нельзя, я чуть не заплакал и с горя пошел к себе и лег спать. Господа ушли в иллюзион, я проспал до половины десятого. Сначала мне няня мешала спать, пришла на кухню, говорила со мной... Я все-таки не встал, и она оставила меня в покое, пока не пришли господа.

Вчера... так крутило, что думал, сойду с ума. Утром в восемь часов барыня послала на мельницу за сечкой корове, а я с восьми до девяти топлю печи, и если не успеваю истопить в этот час, то топить приходится в то время, когда готовишь обед. Я ей говорил, что можно сходить вечером, тогда свободное время. С[тарая] барыня уговаривала — ничего не помогло.

Я не чувствовал себя, когда пошел на мельницу, более всего меня раздражало то, что у меня нет углей, а остался один мусор, которым топить трудно и ни черта от него жару нет. Черта ли будет тепло, когда тут сено, земля, осколки от дров и угольная пыль.

Сколько время продержали на мельнице. Не взял своего мешка, не было, управляющий мне сказал, что мешки не на его ответственности, доверенный не дал мешка, я опять ходил в контору, чтоб упр[авляющий] написал ему записку, тут же китайцы принимали пшеницу, и доверенный не решался оставить их одних.

Когда пришел с мельницы, дверь на кухню была заперта. «Холера!» — крикнул я, стучая в дверь...

[На этом дневник обрывается, следующие страницы тетради вырваны]

Сибирские бывальщины

Вечерами зимой многие мужики, да и бабы, собирались в избу к кому-нибудь, чаще к Афанасее Михайловне, и рассказывали бывальщины. Заходили, говорили «Здорово!», не раздеваясь, примащивались где кому удобно: одни к печке-железке, другие — где попрохладнее, прямо на полу. Начинали издалека. Говорили обо всем. О Никольских и крещенских морозах, о вывозке сена, о ямщине. Подсчитывали, когда будет нынче Пасха или Масленица, Троицын день или Ильин.

Если год високосный, о нем говорили особенно охотно и много, каждый пытался предсказать, на кого нонче мор будет, какие напасти могут случиться с человеком, вспоминают, какие раньше были. Воспоминания становятся все занятнее, а потом и вовсе перерастут в не-сусветицу: такие рассказы прямо так и называли — бывальщины.

Но никто из рассказчиков не начинал без повода, нужен был непременно повод для рассказа. Еще он нужен был для убедительности, что рассказчик не врет, а что все это сущая правда и что это было если не с ним, то с его знакомым. Если же повода не подвертывалось, то всегда находился кто-нибудь, кто начинал прямо:

О водяном

— А знаете, Никите в прошлом лете на этом сору пучина при-
виделась. Значит, собрался он ехать на сор режевку поставить, может, карась, язишка запутается. Хвать — весла нет. Петьке Боталову весло отдали. Он, значит, мать-перемать да в богородицу. За веслом сбегали — поехал. Приехал на место, все ладно, место облюбовал.

Заливчик перегородил от осинового пайка прямо к раkitнику — тут рыбешка пристаивается, да и озеро протоплее, но, думает, карасишка выходит. Ну, значит, взял тычку, хотел воткнуть, как оттуда эдака пучина вывернула, суркало да и под лодку. Он с другой стороны, пропастина уж на той стороне опять вывернула — урк, желтая да большая, чуть лодку не перевернула.

Тут он и вспомнил, как матькался. Давай креститься.

— Ну дак че, поставил режевку-то?

— Да какой поставил, домой скоря без оглядки.

О черте

— Вот душу дьяволу продал, — замечает дедко Матвей, — он ведь, дьявол-то, везде, дьявол-то ведь родной брат Богу. Они с ним на одном облаке спали. Только один раз дьявол чуть Бога с облака-то не столкнул. Но Бог думает так во сне: брат-де ведь беспокойный, все крутится, а тот его и во второй раз, и в третий. Захотелось, значит, ему одному царствовать на свете. Тогда Бог рассердился да и сбросил его оттуда на землю. Да сбросал всех его помощников. Три года, три месяца и три дня сбрасывал, пока всех не сбросил.

Попадал кто куда: в лес упадет — лешим станет, в воду — водяным, на дом — суседко, на баню — банник.

— Я тебя, — говорит, — брат, громом и молнией бить буду.

А дьявол говорит:

— А я за дерево спрячусь.

— А я дерево разнесу.

— А я за раба твоего спрячусь.

— А я и раба своего не пожалею.

— А я за лик твой спрячусь.

— Я и лик свой не пощажу.

К чему я это рассказал? Со мной случай такой вышел. Еду это я в Ильин день. Работать нельзя, грех. Вот я и думаю: поеду по-

смотрю, как стожки стоят. Не завалились ли? Еду, смотрю: большая туча с громом накатываются. Давай я торопиться. Слышу: кто-то кричит. Оглянулся, вижу: парнишка бежит, руками машет. Подбегает. На тебе! Ефрема парень. Посади, говорит дядя Матвей. Подивился я, да спрашивать некогда, посадил, еду. Как гром вдарил, парень съехался да давай под мышку лезть. Посади, говорит, под мышку. Ну, тут я и уразумел. Перекрестился, а парень соскочил с лошади, глядь, парня нет, вместо его мышь прыгает. В это время гром как грянет, молния сверкнет, стог-то и загорелся. Так на глазах и сторел, — заканчивает дедко Матвей.

О лешаке

— А вот Афоню прошлым летом с бабами таки попутал. — Афанасея Михайловна прикуривает козью ножку, глаза маслянисто чернеют, платок накинёт на плечи, улыбнется, недолго покажет темные провалы вместо зубов и начнет: — Собрались мы с бабами за черницей. Мне-то некогда было, да уговорили. Пошли, идем, ведрами бренчим: на медведя не набрести бы, он тоже на тех полянах промышляет. Обошли все поляны, нет черницы. В другое место идти далеко. Остановились на дороге. Что делать? Смотрим: идет по дороге Евлампий с уздечкой.

— Здорово, — говорит, — бабы. Че, на черницу пошли?

— Пошли-то пошли, да нет нонче ее. Все поляны обегали.

— Да я вот тут недалеко встретил. Черницы черным-черно, как плат накинута.

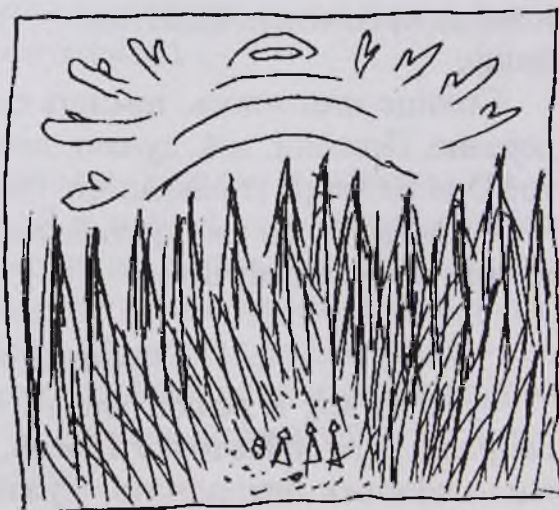
— Дак сводил бы нас, Евлампий Федорович.

— Да некогда мне. Вот пошел коня поймать, да не нашел. Ребятишки сказывали, за бором, а нет. Пойду за согрой, может, где на лайде.

Стали мы его уговаривать.

— Ладно, — говорит, — айда!

Пошли мы, он — впереди, мы — позади. Идем, глядим:

места какие-то незнакомы стали попадаться. Да и лес-то темнеет. Я и говорю Евлампии Федоровичу:

— Что-то уж больно далековато ведешь, а говорил, рядом. А он и не оглянулся даже. Говорит:

— Да вот тут, за этой гривой. Ну, мы опять идем.

— Вот-вот появится поляна.

Шли так, шли, а поляны все нет. А лес еще темнее. Мы остановились да давай совещаться.

— Не пойдем, — говорим. — Так и к вечеру не успеем.

А у меня дума запала. Дай, думаю, посмотрю, есть ли у него брови. Матушка еще мне говаривала, что у леших бровей нет. Он как обернулся, я и взглянула. Батюшки, и вправду нет. Я давай креститься. Перекрестилась, а он захохотал такую беду, вырос выше неба, захлопал в ладоши да побежал. Бежит, все хлопат в ладоши да хохочет. А мы остались. Кругом лес темный. Еловник да шигора с буреломником. Чаша!

Идти надо. Так не знам, куда идти. Стали по солнцу смотреть. Оно на западе садится. Стало быть, деревня против будет, а влево гарь, ну, думаю, выйдем на гарь, а там-то уж не заблудимся: дорога торна по ней. Пошли. Шли, шли, вроде и просвет показался. Мы скорей пошли. Опять на старо место пришли. Опять взяли направление прямо. По деревьям примечаем, прямо ли идем. Шли, шли — просвет, вышли. Опять на то же место попали, откуда вышли! Ну, думаю, в третий раз ты нас не проведешь! Еще круче влево взяли. Шли, шли и в третий раз обратно вернулись. Ну, говорю, бабы, никак нас лешак водит. Молитву прочитали, теперь идем да крестимся. Шли, шли — вышли прямо к конскому кладбищу.

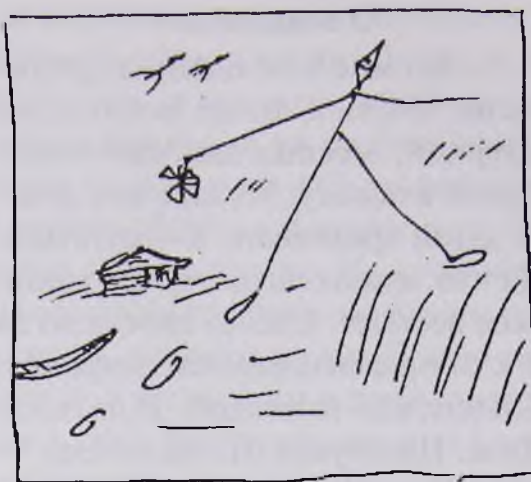
Солнце закатилось, темнеть стало. Быстрее-быстрее, бегом к деревне. Пришли, дай, думаю, взгляну к Евлампии. Дома нет сама? Она на дворе управлялась. Рассказала ей, а она говорит:

— Да ты че, он уже третий день никуда не выходит. Лежит на печке, чомор его мучит.

О лешаке с кибасом

— А то вот в речке, мы тогда с Федором только свадьбу сыграли, тятя да Ниточка Таосов, да нас двое, а в избушке-то нас жило человек пятнадцать, мужики из Сохалей бересту драли.

Они домой поехали, и тятя с Ниточкой с ними тоже уехали, за хлебом. Мы с Федором вдвоем и остались. Я так и обрадовалась. Федор ноги простудил, у него почесуха приключилась. Спали-то мы на лосятине. Он всю ночь об лосятину-то ноги чешет, а утром мужики смеются, дескать, хороший тебе мужик попался. Ну вот, легли мы спать. Федор скоро захрапел, а я верчусь, уснуть не могу.

Потом и слышу: кто-то от речки идет и эдак под нос себе песню напевает. Ну, думаю, кто-то приехал. Ровно и приехать-то некому: наши дак и до дому-то еще не успели. Дошел до избушки. Хочу шаги услышать, а шагов не слышно. Дошел до избушки, а немного погода опять идет от речки. Идет, песню мурлычет. Как обратно ушел — не слышно было. Только опять от речки пошел. Еще кибасом сбрыкало. Идет, песню гундосит. Я голову приподняла, хочу услышать, как к лодке пойдет, и опять шагов не слышать. Мне и жутко стало, как-то не по себе. Толкаю Федора, а он туды-растуды: «Че не спишь?». Я ему и говорю:

— Послушай, кто-то приехал.

Он говорит:

— Вроде никто приехать не может, некому.

Тот от лодки опять пошел, замурлыкал.

— Слышишь? — говорю.

— Слышу.

Обратно как ушел, не слышать было. Еще раз он пришел, а как обратно ушел, снова не слышать. Как пошел он в следующий раз от лодки, мы с Федором давай молитвы читать. На этот раз он и до середины не дошел. Как швырнет прямо на избушку что-то. Песок, земля посыпались с потолка. Полежали еще немного — не слышать. Встали мы, перекрестили все углы, окно и дверь и снова легли. Утром встали, что, думаем, он такое на избушку закинул. Залезли, а там целая связка кибасов.

О вешалицах

— Ко мне и вешалицы приходили. Была я тогда в тягостях Шуркой, месяца два уже было. Спали в пологу. Мужик-то с вечера давай приставать, я — ругаться. Да что мужик захочет, все равно свое возьмет. Сделал свое дело да и к стенке отвернулся, захрапел. Слышу: кто-то заходит. И не один. Двое. Шепчутся. По разговору — бабы. Думаю, неужели дверь не закрыла? Дак помню, что закрывала. Они идут из прихожей в горницу и к пологу. Постояли немного, открывают полог. Вешалицы-то, они по брюхатым бабам ходят. Котора не влюбится, ребенка вытащат и голик сунут. А которая пондравится, то хлеба положат. Которой голик сунут, та станет сохнуть и сама как голик станет. А которой хлеб, та добрень станет. В ту пору нас в деревне двое в тягостях ходило. Я да Афросинья-Мокроусиха. Полог закрыли. Как вышли — не слыхала. Только слышу: две сороки застрекотали такую беду на амбаре. Я встала, выглянула в окно, а они полетели на Кукуй и прямо к Мокроусихиной избе. Вот Мокроусиха-то с тех пор давай добрень да толстеть. Теперь поди две Мокроусихи старых-то будет уж. Кукуй от деревни далеко, почти что в лесу, так там всегда больше чудилось.

О змее

— Говорят, что к бабе Дарье змей летал. И говорят, что он и теперь летает, только к Аксинье, ей ведь уже двадцать три года.

Девка справна. И на лицо красива. К ней Гришка-Богоручка сватался, с заимки, глаз у него немного попорчен, а так парень деловой, хозяйство хорошее. Не пошла за него, живет теперь одна.

— Да како одна, змей теперь к ней летат. Дунька Иванова подсмотрела. Она Дарью-то обмывала. Как похоронили старуху-то, Акси-

нья ее упросила две ночи ночевать. В первую-то ночь все тихо было. А во вторую ночь, в полночь, такой шум в трубе сделался, и на шесток что-то упало, зола по всей избе разлетелась. А потом сфуркал и снова в трубу, видно, почувял чужого. На другую ночь Дунька-то не ночевала, но сбегала посмотреть, что там делается. В окно заглянула, а он как раз в трубу влетел опять, золу рассыпал; как зола улег-

лась, он и закорячился на шестке. Большой, весь в чешуе. С шестка соскочил и сразу на Аксинью-то набросился. Всю одежду как есть испластал, она гола осталась. А потом давай изгаляться над ей, да все по-песьи да по-конски. Этак, говорили, он три ночи изгалялся, а на четвертую ночь прилетел, только о шесток ударился, на пол-то соскочил, шкура с него спала, и сделался он красивым парнем. Только без одежды. А шкура-то на кухне лежит, вся шевелится. Он в горницу и говорит, что он-де человек, только околдован. Если бы она те три ночи не выдержала, то он бы к ней больше не прилетел. Наверно, Дарья-то перед смертью ей наказала, как себя вести. В эту ночь все было по-человечьи. Аксинья-то его миловала, а как петуху пропеть, он снова в шкуру обрядился и в трубу улетел. Дунька сама видела, как головешка за бор улетела. А у Аксиньи на лавке горшок очутился. Полный денег.

— Когда белить помогала ей, полезла за белой глиной в подпол, так сама эти горшки видела, все так кряду, крышкой закрыты и завязаны.

— Пантюха, ты сходил бы к Аксинье, почистил трубу. Сажа горит, так недолго и до пожара, — заметил Софроныч.

Каждый понял по-своему. Захохотали.

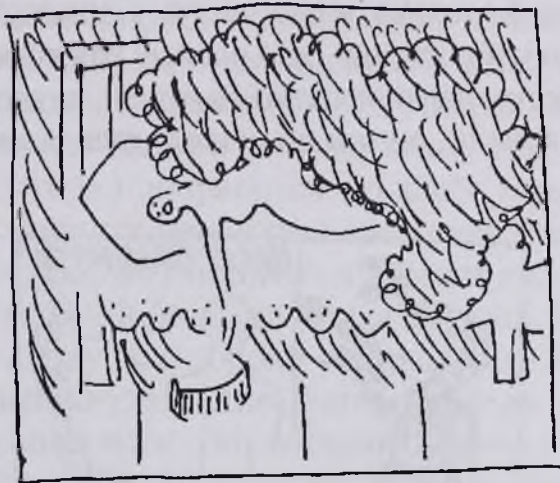
О суседке

— Не знаю про змея, а вот суседко ко мне приходил. Было это, когда Федора на ерманскую взяли. От баб-то слышала, что когда суседко давит, надо спрашивать, к худу или к добру. Если к худу, он так и скажет:

— К ху-у-у-у-ду-у-у! — как будто выдохнет.

— А меня никогда не давливал.

— Летом это было. Ребятишки за ягодами ушли, а меня Орина Митревна позвала в баню, ее-то тоже на войне был. Вот мы и помылись, чаю попили, посудачили; я домой пошла, что-то меня ко сну

потянуло. Она говорит: «Ложись у меня», а я в чужом месте как-то уснуть не могу, пошла домой. Дверь-то лопатой была прикрыта; смотрю — отставлена, зашла, никого нет, и что-то так кажется, что кто-то спрятался. Дай, думаю, осмотрю. Заглянула под кровати, за печку, в подполье слазила — никого нет.

Боялась-то я беженцев, варнаков тогда много бежало, еду воровали да лопотину. У Мокроусихи Иванов костюм сукманный, еще новенький, унесли да хлеба целую выпечку. Проверила все, успокоилась, дверь на крючок — да к печке: на полу-то попрохладнее, постелила перину да легла. Ишо и не заснула, а из-за печки выходит такой молодой да кудрявый, а на лицо не помню. И не испугалась я, только слова сказать не могу — одеревенела.

Он подходит и говорит:

— Я к тебе с крайчику лягу.

Лег, такой мягкий да пушистый. Меня обнял, тут я вроде и заснула, больше ничего не помню.

— Да уж не Андрюха ли приходил куделями меняться, тоже ведь кудрявый да мягкий.

— Фу ты, срамник бесстыжий. Было дело, приходил, торкался, так я его из фузеи так пугнула, поди и сейчас вспоминат.

О дедушке

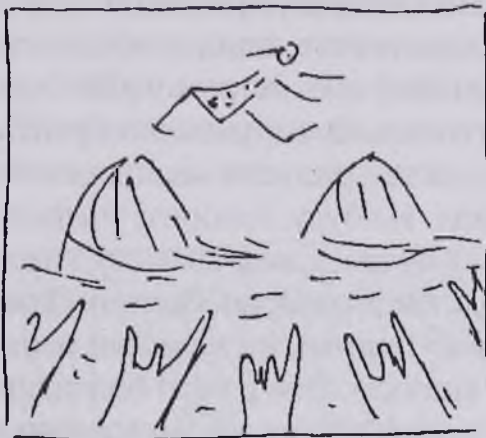
— Про дедушку, про Кирилла-то, хотела рассказать. Дедушка-то, говорят, бесшабашный был, крутой. Он ведь ни в черта, ни в бога не верил. А руки у него золоты были, не делал только то, чего не видел, а что увидал — сделает. Купец-то его свозил в Тобольско посмотреть пароход да машину. Он посмотрел, приехал оттуда и корпус сделал, и машину поставил, хорошо он ходил, в восстанье сожгли, а то бы и сейчас ходил. А ведь дедушка неграмотный был.

А все оттого, что горячий был. Его отец хотел грамоте обучить. Приходская школа — она была от нас за тридцать верст, дак он убежал оттуда. Один в обласке приехал. Не буду, говорит, учиться, че, говорит, каждый урок «аз-буки, аз-буки». Свою грамоту завел. Крестики, палочки. А больше рисовал, так интересно, быстро. Даже живо получалось, все смеялись. Давыд длинными палками изрисован, прямо иставной (похожий, значит). Все у него болтатся, голова маленькая. Ниче нет, а сразу узнашь. Илюшку, малосалымского остяка, — кругляшами. Гришку-Ворону — две палки сверху, как коромысло — руки; Егора большого — одну голову в круглеш длинный и трубку вставит; а пасынка Якова Софроновича — тютелем-ползнем, он и был похож на тютеля: маленький, кепка больша, кондырем вверх и носишко кверху. Палка с круглешом — и купец Киселев готов. Марину с ребятами — прямо, черточками, а видно — идет Марина, и за подол ребятишки держатся. Микрюкова Сеню вятского все рисовал дятлом, и еще деревянну ногу приставит. У него, пожалуй, без малого вся наша деревня и Алекино была изрисована. Он еще и ружья сам делал, стволины гнул и сваривал из маховой пилы. И все части сам вытачивал. Потом ружье проверял: стрельнет в табун уток и, ежели дюжины не вышибет, в сердцах ружье в няшу затопчет.

Черт удернул

Дак вот как он утонул. Чурочку для Киселевского парохода заготавливали на берегу. Ее и складывали, чтоб удобней подходить брать-то. Он взял Мотьку да поехал смотреть весной. Не затопило ли место. Ехал-то через сор. Мотька в гребях, он на корме. Уж к Лаутанскому озеру подъезжать стали, тут падера поднялась, непогода, стало быть, такой морок по воде пошел, валы заходили. А как к самой речке Лаутанской-то стали подходить, тут на сбое шле-

пунцы давай в лодку да в лодку, захлестывают. Видит дедушко-то — дело неладно, давай он повертывать к роще поближе. Тут лодку-то совсем заливать стало. Видит — дело худо. Сейчас лодка-то осядет. Он Мотьке-то кричит: «Держись за лодку». Она ухвати-

лась, а он к роще поплыл. Доплыл, ухватился за талину да кричит Мотьке:

— Я-то держусь крепко. Держись, Мотька!

— Ты, тятя, держись!

— Меня разве черт удернет, — сказал и... бульк.

Больше и не вышел. Мотьку с лодкой прибило к гриве. К самой избушке. Она в избушку-то зашла да боится, кругом кто-то бегат да вое. Она выскочила да

бежать. В прошлогоднем стоге укрылась. Дак ведь наутро люди пришли, стали звать, а она боится людей. Не идет. С одного стога на другой прыгает. Так ведь.

— Так до другого стога-то сажень пятьдесят будет!

— А ты думаешь, Мотька-то сама прыгала? Это дьявол в ней поселился. В этой Лаутанской их много.

Так и утонул дед Михайло, черт удернул его.

Чурка с глазами

Вот и Кондраха с бригадой одного неводом добыли. Притонили, смотрят: в мотне так и кишит, крутится, кипит. Ну, думают, попало рыбки. Вытащили мотню, а там чурка с глазами: куда ни поверни — везде одне глаза. Растерялись, значит, че делать? А тут как вихрь налетит, всю рощу поломал, гудит, а в этом звуке слова угадываются: «Отпусти дитя». Ну, они скоря эту чурку обратно в реку.

Сразу тихо-тихо сделалось. Дали еще тонь. Дак, не поверите, добыли язя центнеров пять. И все отборной, одна головка, кру-упной.

— Избушка в Лаутанской нехороша. Одному спать нельзя, — заговорил Федор Егорович. — Но я вот не думал, что в Соспасе

плоха. Меня от колхоза отправили там тал скоблить. В сорок первом-то вода больша была. Все покосы затопило, ко времю трава не вышла. Коров в борах пасли, весь ягодник они съели. А Шурка тогда мой язей ловил в согре. Прямо на чистотке. Сети ставил. Язь-то с реки шел кормиться. Васька Косачев, так тот из сеней по уткам стрелял — долго вода стояла.

Дед Федор

Вот зимой-то меня и направили в Соспас. Пак дали. Хлеб-то я почти в первы два дня съел, приварка никакого не было.

— Вот-те на, куропатки-то там за избушкой бегают.

— Да где там! Он сроду-то ни одной утки не убил, — заметила Афанасея Михайловна. — Пришел он с ерманской, я его отправила уток на вареву убить. Баню топила, а чирков стая цела села прямо за баней в речку. Пошел он: бух! Идет обратно, ругатся. По наплавам стрелял, а чирки-то в другом месте сидели. Говорю ему: на войне-то как стрелял? А он туды-растуды, конским матом. Дескать, белый свет не копейка.

— Но вот, хлеб-то я съел. Сижу, чищу тальник. С утра побольше нарубил, чтоб вечером не ходить. Курю трубку, а сам думаю: старуха-то поди сидит, чай пьет, хлеб еще, наверно, есть. Так тоскливо стало. Мороз на улице. Думаю, приехал бы кто. Так приехать некому. Обещали дня через два за талом да пак привезти. Сижу, а дума из головы не идет. Слышу, и верно, полозя заскрипели. Тпру! — говорит, дверь открывает. В тулупе вваливат. Вот-те на, Иван Мокроусов!

— Дай, — говорит, — закурить. Мунштук мой куда-то запропастился. — А сам к печке примащивается. Я ему и говорю:

— Сбрось тулуп-то.

— Нет, — говорит, — лошадь еще распрягать пойду.

Покурил, пошел. Вот я сижу, жду. Нет. Долго сидел. Нет никого. Пойду, думаю, посмотрю. Вышел, а никто и не приезжал. Дорога как с утра была переметена, так и есть. Ночевать я не стал, скорей домой. Пришел, а старуха:

— Ты че рано?

Я ей и рассказал. А она говорит:

— Так Мокроусов уж два дня как помер. От водянки. Завтра хоронить будут.

Мундштука так и не нашел. Видно, верно был. Да и Степану, царство ему небесное, в этой избушке чудилось, рассказывал мне потом. Лисиц ловил он. Дак к нему вечером пришел и говорит:

— А здесь вотчина-то моя.

Выжил. Два раза приходил. Пришлось Степану за выворотком в лесу ночевать.

О подмененке

Влас Евграфыч — за глаза его Чапаевым звали: за усы, звонкий голос и портупею любил носить — вытянул шею, поднял высоко-высоко брови, губу вытянул и скороговоркой:

— Да смею ли. Я вот в Тобольске ходил, ямщичал. Холостой ишо был. Вот попал в переплет. На одном постоялом дворе чаю попили, да и давай мужики байки рассказывать. Дескать, в бане хозяина чудится. Банница живет. Я не верить: «Врете, мол». А они: в том

месяцу старика одного, говорят, оставили. Звали, звали, а тот говорит: посижу еще, кости погрею. Потом нет и нет старика. Пошли, а он мертвый. И у глотки сини пятна. Я им говорю: «Ставьте четвертину! Я схожу в двенадцать часов». А они говорят: «Принеси двенадцать камней».

В двенадцать, так в двенадцать. Я мешок — и в баню. Побайваться стал. Думаю: зря об

заклад бился. Нельзя об заклад биться. Нечистой-то силе на руку. Но делать нечего. Пошел. Захожу, в бане-то днем мылись, тепло еще. Скользко с морозу-то. Чуть в пимах-то не упал. Изругнулся со страху, все страху-то меньше. Мешок бросил да и стал считать камни-то. Десять положил, за одиннадцатым потянулся с опаской. Ну, уж за двенадцатым-то вовсе взглядываю на полочку, черно там, вонючей водой прет... Ну ладно, беру двенадцатый — и в мешок. Руку-то не донес до мешка, меня кто-то за руку. И говорит:

— А ведь камни-то мои.

Я и сказать ниче не могу. Оторопь взяла меня.

— Твое, так бери.

— Нет, — говорит. Голос бабий. — Возьмешь меня замуж, тогда отпущу, а то задавлю.

— Возьму, — говорю.

Сам дай только убраться. Мешок за плечо и чуть ноги не притворил. Пришел к приятелям, те: ну как, паря? Виду не показываю. Храбрюсь. Надо, мол, — все камни перетаскаю.

Ставят четвертину. Выпили да и спать. А мне не спится. Встал, коней запряг. Да в другу деревню верст за пятнадцать махнул. Там остановился. Коням дать роздыху да и самому передохнуть. А хозяина попросил, чтоб меня в отдельную комнату положил да окна покрепче ставнями закрыл. Все, как уговорились.

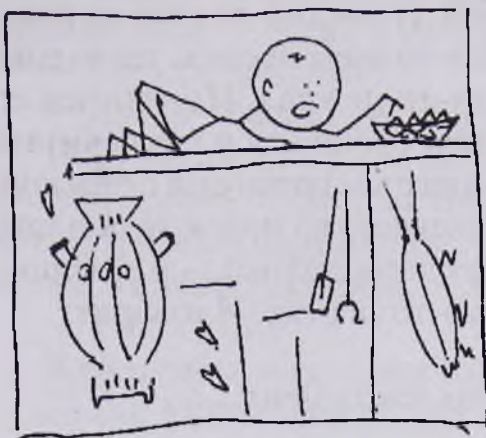
Лег спать. А самому не спится. Но, думаю, в двенадцать не придет, стало быть, уехал. Двенадцать прокуковало — нет. Уж и время дивно прошло, засыпать начал.

— Чего, голубчик, сбежать вздумал? — и рука волосата за горло.

Я обмер. Давай божиться, а она:

— Не божись, — говорит, — я ведь сатана. Не верю. Тогда я говорю:

— Завтра приду.

— Ладно, — говорит, — еще раз поверю.

Чую, не отвертеться мне. Утром лошадей поворачиваю — и обратно. Снова на постоянный. Женюсь, говорю. Прямо с порога так и говорю. Никто не верит. Упросил одного дружкой быть. Запряг тройку.

— Да где, — говорят, — невеста? Кто?

— Узнаете, — говорю. Ну и велю прямо к бане подворачивать.

Только остановились, а из бани выходит она, нага и вся волосата-мохната, волосья до полу. Кони храпят, дружка чуть не помер со страху, народ в сторону шарахнулся. Я ее в тулуп — и в церковь. Батюшка крестится.

— Нет, — говорит, — с сатаной венчать не буду.

Мы в другу деревню. И там поп опять ни в какую:

— Не буду, не могу.

А мы к нему в дом. Поп чуть в обморок не пал. Попадья вся трясется. А за заборкой слышим — дитя плачет. Матушка туда. Ребенка-то качат, а он лихоматом ревет, никак не унимается.

— Давно ревет? — невеста-то спрашивает.

— Восемнадцать лет, — говорит, — качаю. Беда только: не растет, ест да кричит. Руки тонки, ноги тонки, живот большой. Прямо измучилась. Ходить не ходит, но только, — говорит, — из дому, он из зыбки выскакивает и по полкам шарит. Все сладкое — сахар или конфеты — найдет, все съест. Только дверь открой — опять в зыбке.

— Дай-ка, — говорит, — его мне.

Попадья дрожит — хоть плохой, да свой. Но подала. А та взяла да как об пол бросит! А из ребенка-то осиново полено сделалось. А невеста-банница сильно красивой сделалась. Куда и волосья делись! И попадье она и говорит:

— Дочь я твоя. Это ты вместо меня осиново полено качала. — А на меня показывать: — Если бы не он, осталась бы я навечно банницей.

Тут матушка руками всплеснула и стала припоминать, что они и в самом деле жили в той деревне, и ходили в ту баню —

вспомнила. И что впопыхах она ее подавала, не перекрестивши, через порог, а банник-то тут изловчился, ребенка-то взял, а осино-во полено сунул.

Все тут заохали, заохали, давай тут невесту снаряжать, матушка свое подвенечное платье достала из сундука. Раздели такую красавицу — и под венец. Сам батюшка венчал.

Вот и прожили мы с Варюшей сорок лет.

— Неужели это тетка Варюша и была банницей, царство ей небесное?

— Да смею ли, теперь время-то прошло, можно и сказать. А раньше болтать не для чего было: задразнили бы.

Вихорь

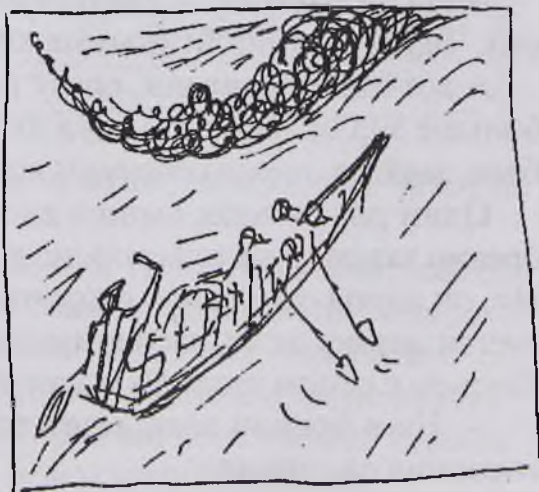
Закурили махорочку, дров подбросили в печку. Младший из Софроньчей, мужик неторопливый, сидит уютно, тулово коротко, голова в плечи ушла, ноги длинные, руки длинные, смотрит хитро, хочет бывальщину рассказать... Уж и слова бродят по тонким губам, морщинки от уголков глаз пошли, нос вперед, глаза вдаль.

— Было это давно, на Иртыше мы жили. С рыбалки ехали. Сор у нас в той стороне был закрыт. Неводник целый начерпали, все язь отборный. Ну и решили домой отвезти, погода-то жарка была. Едем, почти уж реку перевалили. Откуда ни возьмись — морок по воде пошел. Тут трава почернела, раздвинулась, песок на берегу столбом и винтом по воде — вихрь! И прямо на нас. А у нас лодка перегружена, запаса от воды пальца на два. По тихой воде и то с опаской едем. А он на лодку прямо в борт повернул. Тут я выхватил нож свой из ножен да вперерез и запустил. Вихорь-то и повернул в сторону.

Заехали в протоку и ехать дале не можем: силы сдали со страху.

Время прошло порядочно с тех пор — я уж женатым был, от отца отделился. Он в тот год занемог, говорит:

— Съезди за меня в Тобольско с ямщиной.

Осетра на самоловы он наловил. Больше его никто и не лавливал. Как нас самоловами тогда прозвали, так мы и остались.

Я согласился. Своей рыбы у меня тогда было воза четыре.

Рыбу продал, выручка хороша была. Кабаков в Тобольском хватало. Сидим, значит, в кабаке. Смотрим: из другого угла к нам мужик направляется. Подошел, встал да и говорит:

— Не узнаешь?

— Не узнаю, — говорю, — может, где на постоялом...

Он ишо постоял, потом опять спрашивает:

— Дак не узнаешь?

— Нет, — говорю, — не припомню.

Он тогда из ножен ножик вынул да в стол воткнул.

— Твой? — говорит.

— Мой, — говорю.

Ножик-то именно был. А он засыкает рукав и показывает рану. Говорит, если бы не это, заквасили бы вы Иртыш. И обратно пошел.

Я ему да и товарищ в спину смотрим. Здоровый мужик-то был. Все в спину смотрели, а как до угла дошел — не видали. Стали оглядываться — нигде нет.

Вихорь людей губит, а души себе берет, говорил мне дед. Черт да Бог все время борются за души. С тех пор я вихря шибко побаиваюсь. Недавно с Маруськой чуть опять не попались, ладно грива суха была, выскочили. Рядом прошел, по траве.

Чернокнижник

— Да, — говорят, — Егор-то много чертей знал. Тяжело поми-
рал. Черти мучили. Ведь мучился так, терпежу не было.

А вот конек сорвали, сразу помер. Он-то знал, да у Торопка больше знали. Там один мужик был. Начитатся черной магии в бане, выйдет, народ соберет и показывать. А Егорий тогда там жил.

Один раз он эдак вышел да и показывать. Сейчас, говорит, в бревно залезу, а на той стороне вылезу. Бревно-то большо, толсто. Ну, он народ-то с одной стороны составил. Сам полез. Народ дивуется: верно, лезет, уж и ноги ушли. С другой стороны смотрят. А Егор-то с сеном ехал. Да и кричит:

— Не в бревно ведь лезет-то, мимо лезет-то. Тот в сердцах соскочил да говорит:

— Смотри, сено-то горит у тя.

Глядь, и верно — полыхат.

Оторопел Егор-то, соскочил. Не знает, че и делать. А тот ему опять кричит:

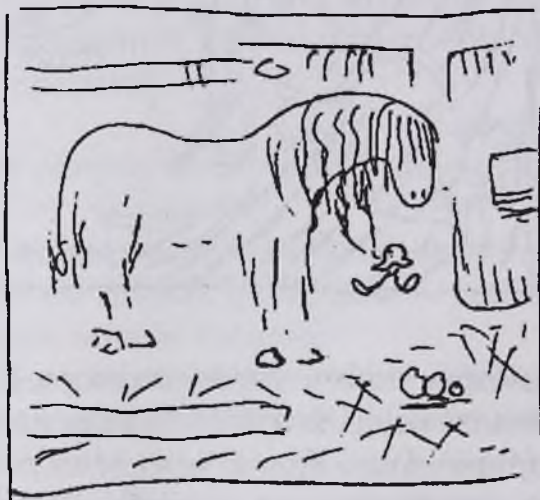
— Руби гужи.

Он схватил топор, отрубил гужи, лошадь вывел. Оглянулся, а сено как было, так и стоит, ничего и не знатко, что горело. Народ хохочет. А мужик-то Егор здоровый был. В сердцах лошадь понужнул, сам впрягся да под хохот и увез воз-то. Его даже лошадь не могла убить как-то. Ударила между глаз, а он встал, уж и глаза нет, — как ударил лошадь в бок, она упала. Жалко мужика-то. Недавно помер.

Он если и сглазит какого охотника, так он ведь и выправлять мог. Глаза у него шибко черные были. Говорят, в них вся и сила была.

О суседке и лошадях

— Так вот тятя рассказывал. Они тогда у Торопка жили. Невзлюбил белу кобылу суседко. Он ведь если какую лошадь невзлюбит — беда. А вот котору полюбит — придешь, а у ней вся грива в косичках. Как есть всю исплетет. Но вот, значит, он невзлюбил белу кобылу. Тятя и говорит: как утром ни придешь, вся кобыла в пене и в узгах пена. Пошел, значит,

отец к Егору, рассказал, так и так, не знает, че и делать. А тот и говорит:

— Ты, — говорит, — подкарауль его. Иди к полночи, найди место, чтоб получше было видно. Садись, возьми хомут да поверни его наоборот, деревьями-то от себя. Оно, брат, через хомут-то люблю нечисту силу увидишь. А так, простым глазом, ее не видать.

Но, значит, пошел он домой, никому ниче не сказал. Оделся потеплее. Тулуп, катанцы, на руки — мохнатки. И пошел.

Пришел на место. Взял хомут. Повернул его деревьями от себя и ждет, значит. Долго ждал, уж холодно стало. Все тихо. Лошади стоят, сено жуют. Карько кучу навалил, пар идет. Луна светит. Березы согры заиндевели все. Сидит: нет, никого нету. Ну, думат, соврал Егор. А тут давай лошади переступать. Забеспокоились, значит. Ушами прядут. А мордами в стойло лезут.

Стал он шибко глядеть в темноту-то. Так ничего нету. А потом приметил: у столба че-то зашевелилось. Эдако маленькое. Ну, примерно величиной с мохнатку. А как от столба-то отделилось, на те — а это человек. Вот такой маленький мужичок. Пошел к лоша-

дям, с кучей поравнялся, так чуть повыше ее. А одет по-настоящему: в катанцах, в шубе, в шапке, больших мохнатках. И поясом красным подпоясан. Видит: сбросил мохнатки с рук. Разбежался — да прямо на спину белой-то. Та лягнула. Прямо, бедняга, по жердям. Да где там, уцепился за гриву и норовит узду одеть. Однако долго мучился. Узду-то не давала одеть.

Но одел. За повод — да, смотрю, пошел. Вывел со двора. Куда, думаю, повел? А он к бочке водовозной. Запряг — и айда на прорубь. Смотрю: скорехонько привез воду. Дак, думаю, куда воду-то? А он, стервец, в согру ее вылил да опять на прорубь. Да все лихо так. Лошади-то продыху не дает. Но, думат дед, ты у меня попрыгашь.

На другой день взял он большу напарью да провернул в бочке дыру. А сам на ночь-то опять залез в свое место и через хомут-то смотрит. Ну, все и повторилось опять. Только он уехал, соседко-то, да долго его не было. Ну, думат, приедет, может. Дак не едет. Посидел еще немного. Сходил на конюшню. Выбрал кнут подлинней да на реку. Выходит на гору. А лошадь стоит у проруби. И черпак туда да сюда, туда да сюда. Значит, соседко старается. А

снорову-то нет. Мужичко-го-то. Взглянуть-то, отчего вода-то не прибывает. Пока он это лил, вода-то мерзла, так ведь он вморозил и лошадь, сани, да и сам примерз. Вот тут дед-то и думат: проучу я тебя, язви ты. Взял кнут да к нему. Давай его охаживать. Дак ведь мал, стервец, и попасть-то нельзя в него. Он кнутом, а тот от кнута. Увиливат. Ну, тогда дед думат: я его черенком. Только он это черенком замахнулся, а тот сообразил — дело неладно. Выскочил из валенок-то да как есть, босиком, в согра и убежал.

— Но, однако, дед, загнул ты!

— Да че загнул. Тятя нам все время показывал катанцы — вот таки маленькие. С наперсток величиной. И ведь кантом отделаны. Над запятником рисунок красный.

Прошло много времени с тех вечеров, много времени из расчета человеческой жизни.

Многих не стало: одних увез пароход на войну, другие умерли, да и самой деревни не стало: дома-то стоят, людей нет — уехали в большое село; и моя родня теперь живет там же.

Еду я как-то, нагостился, на «Большую землю» и в «Ракете» встречаю Софроныча. Проезжая мимо нашей деревни, мы вспомнили многое. Большой темный бор, а за ним — выгоревший лес, гарь, черно-голубые сушины, а за ним опять темно-зеленый лес с синими верхушками, а там дальше — сора да болота, и там — зори, все это мне напомнило рассказ о Касьяне. Все говорили: как Касьян взглянет, Касьян идет. И откуда ему идти, как не из-за того синего-синего леса, из-за того синего бора. А так как о Касьяне вспоминали ближе к весне, то и он у меня начинал выходить из-за леса, когда лес уже не казался просто темным, а был зеленым, голубым. За бором солнце, нежно-зеленые и желтые полосы света. Потом появились утки с зелеными перьями. Начинали гнездиться.

О Касьяне

Касьян этот казался страшным детскому воображению: длинным, как сухостой на гари, и непременно то коричневым, то зеленым, с большим ртом и длинными руками. Руками он ловил зеленых уток и пушистых зайчиков. Касьян этот был свирепым, и его все живое боялось, как только он поднимался из-за леса и шел на своих длинных-длинных, как дерево, ногах и тянул руки над лесом. Утки, что на яйцах сидели, втягивали головы, прятались в своих гнездах, самцы вытягивали свои шеи близко к воде и прятались в темные места бора, а Касьян шел, шарил руками, искал, что теплое и шевелится.

Я ни разу не видел его, но представлял, как он хватает селезня, закладывает его в улыбающийся рот и потом плюет перья, перьев я этих много видел около реки и в лесу — они были зелено-синие.

Теперь лес стоял просто как лес, ничего не чудилось, было видно, что там пусто. Большой город, книги и умные люди вычистили мой ум.

Вдруг мне пришла мысль: когда быстро едешь, голова вроде пустой становится. Все мелькает, волной идет. Бора мимо проходят. Отдельного дерева и не увидишь. Не заметишь, как и с верха камушек покатится. У берега и щучек не увидишь. А на лодке едешь — все видишь, все замечаешь. Да и весло возьмешь, а оно теплое. Вода холодная. А то бывает наоборот. Вода теплая, а весло холодное.

Руку вынешь из воды. Жестко. Холодно. Конечно, скорость на «Ракете» большая, но, когда взглянешь на небо, ощутишь эту колоссальную пространственность. Конечно, в сравнении эта скорость в этом масштабе измерения покажется мизерной. Но и при скорости художнику надо брать широкую большую кисть. И брать чистые, общие краски. Но, наверное, человек, побывав в течении даже этих скоростей, а тем более скоростей, которые испытывает человек в космосе, захочет остановки. Покоя. Тепла. И непременно маленькой детали. А еще больше — вещественности предмета. Ясности рисунка. И цвета конкретного. Материального, живого. Ему захочется увидеть траву. Бело-зеленую. Синеватый ил на реке. И даже ощутить босой ногой его. Ступить в мутноватую воду, которая без движения, лениво несет утиное перышко.

А воздух розовый. Солнце далеко. Человек на Земле.
— Какая благодать! — говорили старики.
Какая радость!
Какая красота!
Как здорово! — скажет современный человек.

Г. Райшев.

Рис. автора

Голубое притяжение мысов

Географический справочник сухо констатирует: «Мыс — участок приподнятой суши, острым углом вдающийся в реку, озеро, болото». В далекие годы моего детства я не знал такого определения, и для меня это понятие связано с другими представлениями.

Зимой 1939 года наша семья из поселка Остяко-Вогульска (ныне г. Ханты-Мансийск) переехала в поселок Березово — место новой работы отца. Первое время мы жили у сестры отца, ее дом стоял в ограде районной больницы в конце улицы Астраханцева за неглубоким оврагом. Дом защищала от холодных северных ветров густая грива хмурых елей, под которыми даже в ясные дни было сумрачно.

С первых дней я познакомился со своим сродным братом Кимом. Еще стояли холодные январские дни, но мы, одевшись теплее, ненадолго выходили на улицу и бегали в ельнике по узким тропам, которые протапывали добродушные лохматые собаки, прибежавшие на запах больничной кухни.

В конце марта холода кончились, ярче засветило солнце, и мы стали больше времени проводить на улице. Как-то раз Ким сказал, махнув рукой в сторону ближнего леса, что за ним лежит река Вогулка, где летом можно купаться. Меня заинтересовало название, захотелось посмотреть на речку, и я подбил брата сходить туда, что мы и сделали без спроса родителей.

Несколько минут мы бежали по дороге, оглядываясь: не смотрит ли кто в окна? Когда дом скрылся за деревьями, пошли шагом. Вскоре лес кончился, и открылась не совсем понятная для меня картина белого простора, по которому тянулась дуга, справа ограниченная полем с редкими деревцами, а слева прижатая к светлому обрывистому берегу, покрытому темным лесом, который, едва дойдя до середины дуги, резко обрывался.

Ким, указывая на это окончание, коротко сказал, что это мыс, а за ним течет речка Голчина, куда летом тоже можно сходить и порыбачить. Я слушал его и смотрел на темную полосу леса. Так в

моем сознании понятие «мыс» связалось с тайной, которую он скрывает от глаз.

Прошел апрель, наступил май, и как-то, бегая на улице, мы услышали из разговора взрослых, что скоро начнется ледоход на Сосьве. Ким немедленно решил проверить слух, и мы отправились к какому-то яру, с которого все хорошо видно. Выбежали на яр. С него открылся еще более интересный вид, чем на речку Вогулку. Снизу прямо от яра начиналось длинное деревянное сооружение — пристань, уходившая по воде довольно далеко к какой-то белой, медленно плывущей полосе. Ким сказал, что это и есть ледоход. Чтобы рассмотреть его, мы спустились на пристань, выложенную толстыми плахами, и направились к белой полосе.

Несколько минут — и мы у конца пристани. Кругом вода, в ней отражается голубое небо. От воды тянет холодом, воздух наполнен бесконечными шорохами, всплесками, потрескиваниями и звоном.

Не менее часа мы таращили глаза на картину ледохода, пока не поняли, что пора возвращаться, и повернули к берегу. И тут произошла моя встреча с еще одним мысом, который, как и первый, что-то скрывал. Про него Ким ничего не мог сказать, в этот конец поселка он никогда не ходил.

Тайна этого мыса немного приоткрылась осенью, когда мы переехали в новую квартиру, пристроенную к зданию конторы с длинным названием «Рыбакколхозсоюз», где работал отец. Через день я пошел в первый класс и там встретил моего нового товарища Анатолия Первова, жившего недалеко от нас, в домике, стоявшем прямо на яру.

Возвращаясь из школы, мы проходили мимо церкви, находившейся в запустении. Показав на распахнутую дверь, Анатолий предложил взобраться на колокольню. Уговаривать не пришлось — любой мальчишка любит лазить «по верхам». Узким сумрачным спиральным ходом мы поднялись на колокольню. Взглянули в северное окно — открылся вид на пристань, перешли к западному — все улицы как на ладони. Через южное окно неожиданно я увидел тот мыс, который наблюдал с пристани весной.

Анатолий назвал его Прощальным. За ним виднелись другие мысы. С высоты, обманчиво сокращавшей расстояние, мне показалось, что до мыса можно хоть сейчас добежать.

От матери Анатолия Марии Федоровны я узнал причину такого названия мыса. В старые годы, когда связь, как теперь говорят, с «Большой землей» зимой поддерживалась только на лошадях, родные и знакомые березовских жителей, которым выпадал долгий путь, провожали их до этого мыса и только здесь прощались. Такая была традиция.

В трудах познания первых азов письменности и счета быстро прошла зима. Вновь пришел апрель. Однообразная белая пойма Сосьвы, на которую мы постоянно посматривали из ограды дома Анатолия, преобразилась. Резко контрастируя со снежной белизной, на ней всюду выступили по береговым бровкам темные дуги оттаявшей земли. Ближе к маю появились голубые и синие цвета ожившей воды в многочисленных озерах-лайдах и сверкающих ручьях. Все это манило куда-нибудь пойти из дому, чтобы увидеть новые картины весны. Поддавшись этому настроению, мы с Анатолием решили дойти до Прощального мыса.

Выбрали солнечный день и пошагали. Расстояние оказалось не больше километра, и вскоре мы были у мыса. Он темнел проталинами. Еще несколько шагов, и перед нами открылась картина, которую мы видели с колокольни, но теперь она представилась по-другому.

Сразу от Прощального мыса высокий берег уходил дугой вправо и вдали заканчивался очень своеобразным мыском с высокими елями. Анатолий назвал его Городищенским. За ним струился ручей того же названия. В этом мыске я увидел для себя цель очередного похода, который удалось совершить только на следующее лето.

Отправились мы к мысу утром ветреного июльского дня, прихватив с собой котелки для черники. Шли довольно долго, так как собирали ягоды. В пути постоянно оглядывались назад, чтобы не сбиться среди кустов багульника, молодой поросли сосняка и редких кедров, и каждый раз видели крыши домов. Дойдя до Городищенского ручья, мы еще раз взглянули на дома Березова и, резко повернув налево, пошли прямо к мысу.

Городищенский мыс открылся перед нами в виде узкого бугра с травянистой поляной, покрытой разными цветами, которые нигде по дороге не встречались. Северную сторону поляны защищали те самые ели, что хорошо просматривались от Прощального мыса. Справа бугор круто спускался к ручью, где рядом стояли старые ивы.

Переходя с одной стороны мыска на другую, мы быстро разглядели его особенности и пришли к выводу: он очень красив.

Прошло еще три лета. Я самостоятельно осмотрел все ближайшие к поселку мысы, открыл в каждом из них свою красоту, чаще простую, скромную. Но вот один, который увидел однажды осенью, порастил своим цветом. Это был Башков мыс.

Случилось это так. Мать заставила меня подправить кирпичи на трубе, чтоб дождь меньше попадал в дымоход. С конька крыши открылся широкий лесной простор. Сразу за буераком начиналось низкое мелколесье, за ним от Городищенского ручья до горизонта хорошо просматривались лесные гривы, среди них синела одна, особенно высокая. Это и был Башков мыс. Короткими осенними днями я не решался идти туда, зато весной отправился один.

Утро было солнечным, полным запахов свежей листвы берез и багульника. Воздух наполняли голоса разнообразных птиц, только что вернувшихся с дальних зимовок. Все это создавало хорошее настроение. Особенно радовало, что комары еще не вылетели.

За Городищенским ручьем тропа, до этого хорошо утоптанная, пошла по мягким мхам, кочкам, через валежины. Шаг замедлился, но намерение достигнуть мыса осталось, хотя он был еще далеко. В то время я уже стал познавать и разгадывать тайны леса, и это делало долгий путь интересным.

Впереди, меж древесных стволов, наконец мелькнула синева воды, что говорило о приближении к одному из своеобразных водных образований севера — сору, в данный момент Башкову. Я круто свернул с тропы и через несколько шагов уже любовался простором серовато-синей воды. Мелкие волны накатывались на белую песчаную дугу берега, оканчивавшуюся высоким бугром, на вершине которого, как и на Городищенском мысу, стояли одни ели. Так передо мной открылась цель дневного похода — Башков мыс. Меня несколько озадачило, что вблизи деревья были обычными, темно-зелеными, а не голубыми, но я понял, что обманчивую голубизну лесистым мысам создавало расстояние: чем дальше, тем больше слой воздуха терял прозрачность и интенсивнее становилась голубизна.

В 1948 году семья решила вернуться в Ханты-Мансийск и в июне, после недолгих сборов, отплыла на пароходе от березовской пристани. Зачарованный притягательностью мысов, я теперь все дни проводил на палубе, готовый к новым встречам с их карти-

нами. Мысы речной поймы, в отличие от более высоких мысов коренного берега, удивили своей способностью при большой воде пропадать под ее поверхностью. Их существование выдавали лишь дугообразные рощи; если они отсутствовали, то и мысов как бы не существовало.

После остановки у села Нарыкары я стал ждать встречи с новыми мысами, рожденными Белогорским материком, тянущимся от устья Иртыша прямо к устью Казыма. Сам материк я заметил за несколько поворотов до приплытия к нему. Он имел вид густой синей полосы, неподвижно стоявшей на горизонте.

Последний крутой поворот, и уже видно, как прямое русло Малой Оби соединяется с широкой Большой Обью, а за ним темнеет высокий овражистый правый берег — Белогорский материк. Еще несколько минут — и наш большой белый двухпалубный колесный пароход в просторном русле Оби. Теперь он уже выглядит не таким большим, каким казался на коротких плесах Малой Оби.

Пока взгляд привыкал к новым соизмерениям, полностью открылся плес, уходивший водной гладью вдоль высокого крутого берега к горизонту, где низкий пойменный берег неожиданно пропал и местами угадывался лишь по пунктиру рощиц. И тут же я впервые увидел картину речного «миражирования», так характерного для обских плесов, которые большими дугами идут на участке от устья Иртыша до села Перегребного, что раскинулось у развилки основного русла на две Оби — Большую и Малую.

Обские мысы с первой встречи поразили меня высотой — покрывавшие их деревья выглядели в несколько раз ниже, чем на сосвинских мысах. От Перегребного другими стали и перевалочные бакены на мысах: они возвышались на несколько метров.

Утром я проснулся от характерной тишины, которая наступала, когда пароход причаливал и переставал шлепать плицами по воде. Быстро одевшись, вышел на палубу. Действительно, пристань. По трапу сонные пассажиры медленно поднимаются с низкого берега, на котором темнеют деревянные дома. А с противоположной стороны — гладь реки, за которой виден низкий берег, а дальше — высокий лесистый. Я перешел на нос, откуда открывался горизонт низкой поймы. Медленно переводя по нему взгляд, вдруг обнаружил бугор нежной голубизны, которая говорила о большой удаленности.

Единственным, кто мог объяснить, где мы находимся, был матрос, ожидавший на носу команды на подъем якоря. Он ответил, что это Троица и скоро будет устье Иртыша, а там Самарово. Такое известие сразу прогнало остатки сна, и я приготовился к встрече с рекой, на которой стоит пристань Самарово рядом с конечной точкой нашего пути — Ханты-Мансийском.

Пароход уже около часу плыл по спокойной воде. Вот он приблизился к крутому берегу, потом резко повернул к низкому, и там открылась новая дуга реки, по которой тащилось маленькое суденышко. Я начал искать какую-нибудь особенность, указывавшую на то, что это и есть устье великого Иртыша, но не находил, пока взгляд не упал на воду — она была глинистого цвета в отличие от коричневой обской. Пароход быстро заскользил вдоль низкого берега, и мы вошли в Иртыш.

Начиная от устья, вид Самаровской «горы» изменился — она стала более темной, с заметными увалами. За поворотом открылось последнее плесо, в конце которого у подножия «горы» проступили крыши строений Ханты-Мансийска. Проплыли огромные баки — хранители керосина и бензина, стали различаться отдельные дома и пожарная вышка-каланча, возле нее стоял дом, где восемь лет назад была наша квартира.

Пароход следовал дальше, постепенно удаляясь от города, а «гора» открыла передо мной новую картину — обширный светлый крутой склон, сверху покрытый хвойным лесом. На этом склоне вдруг открылись какие-то строения. Тогда я еще не знал, что это летний пионерский лагерь, до которого я буду каждое лето ходить берегом.

Наконец появились крыши Самарова и, главное, — высокая светлая, почти лишенная леса вершина. Протяжный гудок, медленное приближение смолистого борта дебаркадера, крепкий толчок, грохот якоря — и тишина. Переезд окончен!

Едва семья устроилась временно в маленькой комнате у знакомых, как я с нетерпением отправился к Санаторскому мысу. Вышел на довольно сырой берег Иртыша, где там и тут виднелись в большом количестве валуны. Такого берега у Березова я никогда не видел. Волны полноводной реки набегали на берег и перемывали разноцветную гальку, рождая особую музыку.

Я быстро дошел до мыса, который поразил меня своим белым цветом, и, разглядывая склоны, похожие на старые лица, исчерчен-

ные морщинами, увидел странное образование, отдаленно напоминающее маленький замок. Осмотрев склон, я решил подняться к нему и дальше — на вершину белой горы. Подъем оказался трудным: рыхлый грунт выскальзывал из-под ног, и от этого движение замедлялось, пришлось попотеть.

В отличие от окружающей глины «замок» оказался прочным. Тогда я не знал еще, что это опоковый останец — свидетель эпохи ледников. Отсюда, держась за свисающие корни деревьев, я взобрался на гребень береговой бровки и замер: подо мной была широкая пойма Иртыша. По берегам речных проток всюду темнели избушки. В то время все выезды на покосы и рыбалку совершались на гребных лодках, ездить каждый день туда и обратно было тяжело, поэтому местные жители по нескольку дней жили в таких избушках.

Прошли годы. Я облазил все мысы Самаровской горы. Потом окончил школу, отучился в университете и вернулся в родной город, устроившись в музей научным сотрудником отдела природы. Зимой, наряду с текущей работой, посвятил знакомству с природой округа по литературе. К весне у меня был готов план поездки по незнакомой реке Конде, где я неожиданно открыл новое для себя значение мысов.

Первая остановка была в маленьком селе Чантырья. Сразу после приезда я отправился за село и встретился с характерным для Конды типом леса — бором-беломошником, который поразили обилием света и сухостью. На другой день отправился в противоположную сторону — к мысу, где, по словам квартирного хозяина, находились остатки поселения здешних аборигенов. На мыске возвышался бугор с ямой, что говорило о каком-то древнем строении. Разглядывая его, я понял значение мысов для народа манси, с давних времен жившего на Конде. В условиях кон-динской низменности, где властвовали сырые болота, найти сухие места, да еще рядом с рыбными речками, удавалось не часто. Такими местами для размещения как семейных поселений, так и оборонительных сооружений были высокие речные мысы. Они же стали и культовыми местами. При этом некоторые из них представляли собой красивые уголки природы. Таким образом, речные мысы, постоянно притягивавшие к себе коренных жителей, стали, как и реки, главными вехами расселения людей по Сибири и закрепления на ее просторах.

Ю. Гордеев.

Особенности югорского книгоиздания: 2002 год

К понятию «югорская книга» читатель начал постепенно привыкать. Местные типографии и уж тем паче издательства печатают не только календари, буклеты и открытки, но и книги. В книжных магазинах появились отделы с печатной продукцией местных издательств, правда, очень скромные и явно сдающие позиции отделам с любовными романами. Уже трижды в Сургуте прошла региональная выставка «Югорский книжный мир».

Нужно оговорить, что понятие «югорская книга» не тождественно «региональной книге», поскольку, выигрывая в стоимости издательских и полиграфических услуг, зачастую местные заказчики отдают материалы в печать за пределами округа.

Есть небольшой круг людей, которым знакомы текущие библиографические указатели окружной библиотеки «Местная печать» и «Краеведческая книга». Заглянув туда, можно убедиться, что массив местных изданий достаточно велик (особенно если вспомнить, как невелик возраст «югорской книги», чей 10-летний юбилей в 2001 году отметил округ). В выпуске «Местная печать» за 1999–2000 годы зарегистрировано 424 издания, а в выпуске за 2001 год — 417 вместе с дополнениями за предыдущий период. Много это или мало? Если сравнивать с книгоизданием в Москве, где в 2001 г. издано 39374 названий книг и брошюр, то мало. Вряд ли мы выглядим значительно и на фоне других территорий УРФО, учитывая, что в него входят города с большим опытом книгоиздания, такие, как Екатеринбург, Челябинск, Курган. Для территории же с десятилетним (а не вековым) опытом книгоиздания, конечно же, немало.

Попробуем проанализировать, как изменилась югорская книга за предыдущий год, и отметим те изменения, что появились в 2002 году. Основываться мы будем на обязательном экземпляре документов, получаемом окружной библиотекой. К сожалению, отсутствует достоверная статистика (функции книжной палаты

взяла на себя окружная библиотека, но она регистрирует лишь часть всего массива изданных в округе книг). Нет сведений о реальных тиражах и количестве наименований книг. Основных причин несколько — по-прежнему плохо работает закон об обязательном местном экземпляре; в 2001 году книгоиздательский процесс подстегнул юбилей округа.

Но даже непосвященному читателю понятно, что количество названий и тиражи — не главная характеристика. Есть ли разнообразие в издательском репертуаре? Есть, и в этом можно убедиться, заглянув в текущий указатель «Местная печать» за 2001 год. Тематически здесь представлены почти все отрасли знания, особенно широко — педагогические науки и экономика. Много издается и художественной литературы. Еще одна тенденция местного книгоиздания — интерес к частной истории (истории отдельной семьи, фамилии или предприятия, организации, учебного заведения, учреждения). Это плоды процесса самоосознания, который начался несколько лет назад. Кстати, на взгляд библиотекаря, эта тенденция очень соответствует читательскому спросу.

Есть в книгоиздательском процессе как положительное, так и отрицательное. По-прежнему много изданий (буклетов, брошюр, книг) «парадных», приуроченных к юбилеям. Много информационных, мало аналитических работ. Радует, что снова издается учебная литература на национальных языках, но при этом мало национальной художественной книги. Местное книгоиздание откликается на новые темы, которые появляются в информационном пространстве округа: туризм, экологическое образование, этнопедагогика и другие. Много изданий приурочено к конкретным событиям — в 2002 г. это археологический конгресс, 365-летие Ханты-Мансийска.

Подводя итоги, можно сказать, что в целом книгоиздательская система в округе сформировалась и продолжает, хотя и стихийно, развиваться. Необходима детально и перспективно разработанная программа книгоиздания.

А теперь представлю книги, которые ярко характеризуют книгоиздательскую деятельность округа в 2002 году.

Начало издательского года

Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский Север: Историко-краеведческий сборник / Ред.-сост. Л.В. Цареградская. —

Сургут: Сев.-Сибир. регион, кн. изд-во, 2002. — 256 с. (XX век. События и личности). — 2000 экз.

Еще в феврале 1996 г. книга «Записки уездного исправника», составленная по архивам исправника Сургутского уезда Г.А. Пирожникова, была готова к печати. Но так сложились обстоятельства, что она была издана только в начале 2002 года. В этой книге встретились два значительных в истории Сургута человека, живших в городе в разное время и никогда не встречавшихся, — Г.А. Пирожников и Ф.Я. Показаньев. В сборнике опубликованы две работы Г.А. Пирожникова: «Записки уездного исправника» и этнографический очерк «Обь-Иртышский Север», а также документы Сургутского городского архива, материалы газеты «Читающая Югра».

Вы слушаете радио «Югория»: История Ханты-Мансийского радио в документах, воспоминаниях, фотографиях и радиальных материалах / Авт.-сост. Л.В. Луцкая. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2002. — 35 с. 1700 экз.

Среди многих окружных СМИ радио «Югория» — одно из старейших, ему исполнилось 70 лет. Историю печатного органа легко проследить по подшивкам, которые хранятся в архивах и библиотеках. А радио, телевидение существуют одномоментно? Оказывается, нет. У радио есть архив, который благодаря этой книге оказался доступным многим читателям. Герои этой книги те, кто в разные годы формировал лицо окружного радио. Это Л. Карпова, Б. Прибыльский, В. Белобородов, Н. Копнова, В. Аскеров, В. Плесовских, А. Конев...

Редакция журнала «Югра» возобновила добрую традицию — начала издавать «Библиотечку журнала «Югра», которая существовала прежде. В этой серии в 2002 г. вышло две книги — «Монти Танья» А. Силина и первый выпуск краеведческого сборника «Подорожник».

Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 1 / Ред.-сост. В. К. Белобородов. — Тюмень: Вектор Бук, 2002. — 192 с. (Библиотечка журнала «Югра»). — 200 экз.

Название внешне скромного сборника (под стать этой травке) в аннотации к нему составитель объясняет так: «Люди старших поколений помнят и другое значение слова: каждому хоть раз в жизни доводилось уносить из родного дома в котомке или

чемодане подорожники — заботливо приготовленные для путников съестные припасы. Мы бы хотели, чтобы наш сборник был также под рукой в нужный момент и на что-нибудь пригодился земляку-северянину».

Из публикаций, авторы которых как наши современники, так и жившие в XIX—XX веках, складывается пестрая и интересная мозаика истории нашего края. Необычный ракурс предлагает составитель в изучении крестьянского восстания 1921 года — он называет имена тех, кто «стоял по другую сторону баррикад». Еще один взгляд на эту тему литератора Е. Айпина в рассказе «Божье послание». В подборке «Природные феномены» представлены публикации о необычных явлениях природы, которые жители нашего края наблюдали в XIX—XX вв. И это далеко не все...

Не заставил себя долго ждать второй выпуск.

Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 2 / Ред.-сост. В.К. Белобородов. — Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. — 212 с. — 500 экз.

Его так же интересно листать с начала и с конца, застревая на каких-то материалах, а некоторые перелистывая. Но не потому, что неинтересно, а с мыслью — «вернусь потом». В сборнике «новые» «Летающие мысли» А.С. Знаменского, проза В. Косихина, история Ханты-Мансийского опорного пункта и многое другое.

Немало для изучения «белых пятен» истории нашего округа делает окружное управление по делам архивов. В 2002 г. они издали два интереснейших сборника.

Представительные и исполнительные органы государственной власти, органы местного самоуправления в Ханты-Мансийском автономном округе (1930—2001 гг.). Полномочия, функции, структура: Сборник документов / Сост. Е.М. Брагина и др. — Ханты-Мансийск, Полиграфист, 2002. — 228 с. + Фото. — 1000 экз.

В книге собраны документы, которые последовательно представляют историю органов государственной власти и местного самоуправления за весь период истории округа. Опубликованы 88 архивных документов, многие впервые, представлены редкие фотографии. В самостоятельный раздел выделена хроника основных этапов государственного строительства в округе.

Политические репрессии 1930—1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного

округа: Сборник документов. Вып. 1 / Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа. Сост. Е.М. Брагина др. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2002. — 262 с. [12] л. вкл. — (Судьба моя — Югра). — 1000 экз.

В сборнике представлены документы за большой исторический отрезок. Опубликованы личные документы подвергшихся репрессиям, которые датированы 1930-ми годами, и воспоминания, собранные сотрудниками архива в 1990—2002 годы. Казалось бы, что может дать субъективный взгляд на события не такой уж и давней истории? В свое время обрушившийся на нас поток публикаций о политических репрессиях ошеломил нас и цифрами, и эмоциями. Что же снова об этом? Потому что в разные периоды времени осмысление исторического прошлого своего края приобретает новые грани. Сегодня тех, кто был очевидцем и участником событий, осталось не так уж и много, в округе живет 3957 реабилитированных. Надо успеть!

Обеспечивая учебный и реализуя творческий потенциал своих педагогов и студентов, изданием книг занимаются учебные заведения округа, дополняя общую издательскую картину. Среди тех, кто активно занимается книгоизданием, — Нижневартовский педагогический институт, Сургутский университет, Сургутский педагогический институт. Отрадно, что благодаря их издательской деятельности не просто решаются задачи учебного процесса, но и заполняются пробелы в информационном пространстве. Это касается всех областей знания с региональным аспектом.

Иванова Н.А. Экология растений: региональный компонент / Н.А. Иванова, Ю.В. Титов. СурГУ. — Томск: МГП «РАСКО», 2002. — 120 с. — 500 экз.

Ценность этого и следующего изданий заключается в том, что их могут использовать как учебные пособия учителя и ученики общеобразовательных школ.

Зуевский В.П. Экология человека: Учебное пособие / В.П. Зуевский, А.Г. Гиновкер, В.С. Павловская; СурГУ; Управление по охране окружающей природной среды Ханты-Мансийского автономного округа. — Томск: МГП «РАСКО», 2002. — 140 с. — 500 экз.

То, что человек — такая же составляющая окружающей среды, как животные и растения, стали понимать недавно. Неблагоприятные условия для существования, созданные самим же

человеком, влияют в равной степени и на него. Тем не менее выражение «экология человека» все же режет ухо. Учебное пособие «Экология человека» можно считать и научно-популярной книгой. Она освещает многие вопросы здоровья человека в северных условиях (эта тема интересует нас всех), написана доступно и интересно.

Очень важную часть в книгоиздательском потоке составляют научные издания фольклорных текстов обских угров. От обычных фольклорных сборников они отличаются наличием комментариев, тексты воспроизведены без литературной обработки и даны на двух языках — языке оригинала и русском.

Касум мув моньшат-путрат — Сказки-рассказы земли Казымской. Вып. I / Комитет по вопросам малочисленных народов Севера; Белоярский научный фольклорный архив северных ханты. Перевод, составление, предисловие, примечания С.С. Успенской. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. — 291 с. — 1500 экз.

Прочитав предисловие к этой книге, понимаешь, какую гигантскую работу необходимо проделать перед публикацией фольклорных текстов: записать тексты у носителей фольклора, расшифровать и перенести на бумагу, перевести на русский язык. Этот труд сложно переоценить, ведь подобные публикации способствуют сохранению фольклорного наследия северных народов.

В 2001 г. важным событием в художественной жизни округа стало появление двух частей научно-художественного издания «Геннадий Райшев: диалог со зрителем», в 2002 году опубликована третья часть.

Геннадий Райшев: диалог со зрителем: Беседы в мастерской художника. Ч. 3. Экспозиция «Югорская легенда». Экспозиция «Человек. Земля. Космос». Новые работы, теоретические размышления об искусстве / НИИ обско-угорских народов; Галерея-мастерская художника Г.С. Райшева. Авт.-сост. Л.Г. Лазарева. — Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. — 193 с. — 2000 экз.

Творчество художника Г.С. Райшева всегда вызывало особый интерес, благодаря же этим книгам многие открыли для себя мыслителя и философа Г. Райшева. Зачастую человек, пишущий картины, косноязычен, и это ему прощается — «зато как рисует!». У художника Райшева не просто философский склад ума, у него

собственная творческая концепция, которая сформулирована во многом благодаря директору галереи-мастерской ученому Л. Лазаревой, составителю сборников.

Художественная литература по-прежнему занимает приоритетные позиции в местном книгоиздании. Много новых и интересных книг появилось и в 2002 году, юбилейном для Ханты-Мансийской окружной писательской организации. Вышла вторая, прозаическая, часть антологии «Литература Югры».

Литература Югры: 1930–2000. Ч. 2. Проза: Антология / Редактор-составитель Н.И. Коняев. — [М.]: ИФ «Унисерв», 2002. — 304 с. — 1500 экз.

Появился седьмой выпуск завоевавшего популярность читателей альманаха «Эринтур».

Эринтур (Поющее озеро): Альманах писателей Югры. Вып. 7 / Главный редактор Н.И. Коняев. — Ханты-Мансийск: Эринтур, 2002. — 423 с. — 1500 экз.

Любой юбилей — время, когда подводятся итоги и строятся новые планы. Итоги прошедшего 5-летия подводит ответственный секретарь писательской организации Н.И. Коняев.

Коняев Н.И. Вчера, сегодня и всегда: Ретро-взгляд на литературную жизнь Югры. — Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. — 62 с. — 300 экз.

Не всем еще, наверное, знакома аббревиатура АСПУр. Появилась она недавно, как и сама Ассоциация писателей Урала, которая объединила творческий потенциал литераторов Уральского региона. А с плодами деятельности этого объединения можно познакомиться уже сейчас.

Чаша круговая: Литературно-художественный альманах, № 1 / Сост. Н.И. Коняев и др. — Екатеринбург: Изд. дом «Сократ», 2002. — 207 с. — 500 экз.

Альманах опубликовал югорских авторов П. Суханова, С. Луцкого, С. Козлова, А. Тарханова, С. Мартовского, Т. Теневу, В. Козлова, М. Вагатову.

Детские книги в России стали издавать меньше: много требуют вложения труда и творчества и при большой затратности стоят должны недорого. Мало детских книг по-прежнему издают и в округе. На этом фоне очень радует выход доброй и красивой книжки, которую издали литераторы АСПУра для детей.

Приключения Морошки: Стихи, рассказы, сказки / Ред.-сост. А. Кердан, В. Блинов, рис. Ю. Колюшко. — Екатеринбург: Изд. дом «Сократ», 2002. — 191 с., ил. — 1000 экз.

Под занавес

Сибирский листок: 1890–1894 / Сост. В. Белобородов. — Тюмень: Изд. Ю. Мандрика, 2003. — 591 с. — 300 экз.

В канун Нового года тюменский издатель Ю. Мандрика преподнес ожидаемый подарок — первый том избранного газеты «Сибирский листок» за 1890–1894 годы. «Сибирский листок» — частная газета, издававшаяся в Тобольске в конце XIX–начале XX вв.

Так выглядит обложка первого тома «Сибирского листка». Дизайн В. Дыбы-младшего.

Сегодня единственный ее в Западной Сибири комплект хранится в Тобольском музее-заповеднике. Задача, которую поставили перед собой составитель В. Белобородов и издатель Ю. Мандрика, — представить историю Тобольской губернии без «осовремениваний», сохранить и сделать доступным уникальное сегодня издание. Среди авторов, которые представлены в сборнике, И.Я. Неклепаев, Н.М. Чукмалдин, А.М. Сибиряков и др.

Достойное завершение года, не правда ли?

**С. Волженина, библиограф
краеведческого отдела
Ханты-Мансийской государственной
окружной библиотеки.**

О наших авторах

Тверитин Василий Федорович (ок. 1828—?). Священник. В 1849 г. окончил Тобольскую духовную семинарию, а в 1850 г. уже был священником березовского Воскресенского собора и законоучителем уездного училища. Его отец Тверитин Федор Алексеевич, уроженец Сургутского края, с 1820 г. служил священником Преображенской церкви в селе Мало-Атлымском Березовского округа, церковнослужителями были и старшие братья Василия Федоровича Петр и Евдоким.

Кориков-Михайлов Леонид Александрович (1876 — после 1920). В 1890-х гг. служил медицинским фельдшером в Березовском округе. Изучал мансийскую народную медицину, публиковал корреспонденции, очерки, произведения мансийского фольклора в «Сибирском листке», «Сибирской торговой газете» и других периодических изданиях. В 1906 г. оставил медицину и служил частным поверенным Тобольского окружного суда, затем присяжным поверенным в г. Тара.

Панова Тамара Анатольевна. Родилась в 1952 г. в Тобольске. В 1975 г. окончила филологический факультет Тобольского педагогического института, преподавала в вечерней школе. С 1978 г. работает в государственном учреждении Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТОГАТ) (до 2003 г. — Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области — ТФ ГАТО). Заведует отделом использования документов.

Петрушин Александр Антонович. Родился в 1950 г. в д. Новотроицк Нижнетавдинского района Тюменской области. После окончания педагогического института работал учителем истории, с 1975 г. — в органах государственной безопасности. Около полутора десятков лет занимается исследованием «белых пятен» истории нашего края. Автор книги «Мы не знаем пощады...» (Тюмень, 1999). Опубликованный в настоящем сборнике очерк — часть будущей книги о малоизвестных эпизодах гражданской войны на Обь-Иртышском Севере.

Бембель Роберт Михайлович. Горный инженер-геофизик. Родился в 1937 г. в Барнауле. В 1959 г. окончил Томский политехнический институт. С этого года по настоящее время (с небольшим перерывом) занимается геофизическими исследованиями недр Западной Сибири. Кандидат физико-математических (1972) и доктор геолого-минералогических наук (1992). Автор многих научных работ. Преподает в тю-

менских вузах: с 1965 г. — в индустриальном институте (с 1993 г. — профессор), международном институте экономики и права (с 1996 г. — профессор). В том и другом институтах читает, наряду с другими, курс лекций «Концепция современного естествознания».

Шмелева (Грошева) Елена Александровна. Журналист, педагог. Родилась в 1948 г. в г. Кустанае. Окончила Свердловский педагогический институт, работала учителем русского языка и литературы в Казахстане, Тюмени, в 80-е гг. — в редакциях газет и радио. С 1989-го по 2001 г. — воспитатель семейного детского дома. Автор книги «Недостроенный ковчег» (Шадринск, 1994), в которой описывает жизнь семейного детского дома, и автор-составитель большого исторического труда «Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет ханты-мансийской геофизики» (Екатеринбург, 2001), построенного на воспоминаниях многих участников геофизических исследований Западной Сибири.

Райшев Геннадий Степанович. Родился в 1933 г. в д. Сивохрап Ханты-Мансийского района. Живописец и график, член Союза художников России. Крупные коллекции его работ находятся в галерее-мастерской в Ханты-Мансийске, в Тюменском музее изобразительных искусств, Свердловской картинной галерее, Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике. Изданы альбомы его произведений «Хантыйские легенды» (Свердловск, 1991), «Геннадий Райшев. Живопись. Графика» (Москва, 1998). В 2002–2003 гг. в Ханты-Мансийске выпущена в трех частях книга «Геннадий Райшев: диалог со зрителем. Беседы в мастерской художника», в которой предметом обсуждения является творческий процесс. Автор книги «Отчего мучается художник: Вопросы творчества» (Екатеринбург, 1998). Заслуженный деятель культуры округа.

Гордеев Юрий Иванович. Биолог, краевед. Родился 6 апреля 1932 года в с. Белогорье Ханты-Мансийского района. После окончания Ленинградского университета в 1958–1963 гг. работал научным сотрудником Ханты-Мансийского краеведческого музея. Ездил в экспедиции, вел фенологические наблюдения, фотографировал птиц в природе. Автор многих газетных и журнальных публикаций (в частности, в 1992–1994 гг. в журнале «Югра» опубликовал серию популярных очерков о птицах округа), книг «Птицы тайги» (Свердловск, 1985), «Самаровский чугас — остров древних кедров» (Ханты-Мансийск, 1999).

Волженина Светлана Юрьевна. Библиограф отдела краеведческой литературы и библиографии Ханты-Мансийской окружной библиотеки. Родилась 28 января 1967 г. в Ханты-Мансийске. Окончила библиотечный факультет Челябинского института культуры. Составитель (в соавторстве) библиографического указателя «Ханты-Мансийск: 1637–1999. Город в лицах, датах и фактах» (Тюмень, 2000).

Содержание

I. К 410-летию города Березова

(Малоизвестные факты и персонажи истории)

<i>В. Тверитин.</i> Тобольской губернии город Березов: местные этнографические описания	4
<i>О. Николаев.</i> Об этнографическом описании г. Березова священника Василия Тверитина	36
<i>В. Белобородов.</i> «...судьбу этих людей можно устроить лучшим образом»	43
Просвещение инородцев в XIX — начале XX вв.: Несколько дат и фактов	52
<i>Л. Корилов.</i> Жертва: Из жизни вогулов	60
<i>Т. Панова.</i> Помогли экспедиции	65
<i>И. Суханов.</i> К вопросу об увеличении жалованья народным учителям Березовского края	67
<i>В. Белобородов.</i> Эксцентричный Суханов (личность в свете документа)	71
<i>А. Петрушин.</i> Березов: красная весна, белое лето	89
<i>Р. Бембель, Е. Шмелева.</i> «Березово — пуп Земли!» плюс научные фантазии	101

II. Старое и новое

«Солдатушки, бравы ребятушки...»:

Дневник новобранца	118
<i>Г. Райшев.</i> Сибирские бывальщины	153
<i>Ю. Гордеев.</i> Голубое притяжение мысов	174
<i>С. Волженина.</i> Особенности югорского книгоиздания: 2002 год	181
О наших авторах	189

ПОДОРОЖНИК

**Краеведческий альманах
Вып. 3**

Редактор-составитель В.К. Белобородов

**Оператор ПЭВМ Д. Никифоров
Корректор М. Кремлева
Дизайнер (обложка) В. Дыба-сын**

**Подписано в печать 11.12.2004 г.
Формат 60х84/16. Гарнитура «TimesET».
Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Усл.-печ. л. 9,36. Тираж 300. Заказ №3234.**

**ООО «Издательство Юрия Мандрики»
Лицензия ИД №06344 от 28.11.01 г.**

**Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84.
e-mail: mandrika@tmn.ru**

**Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.**

